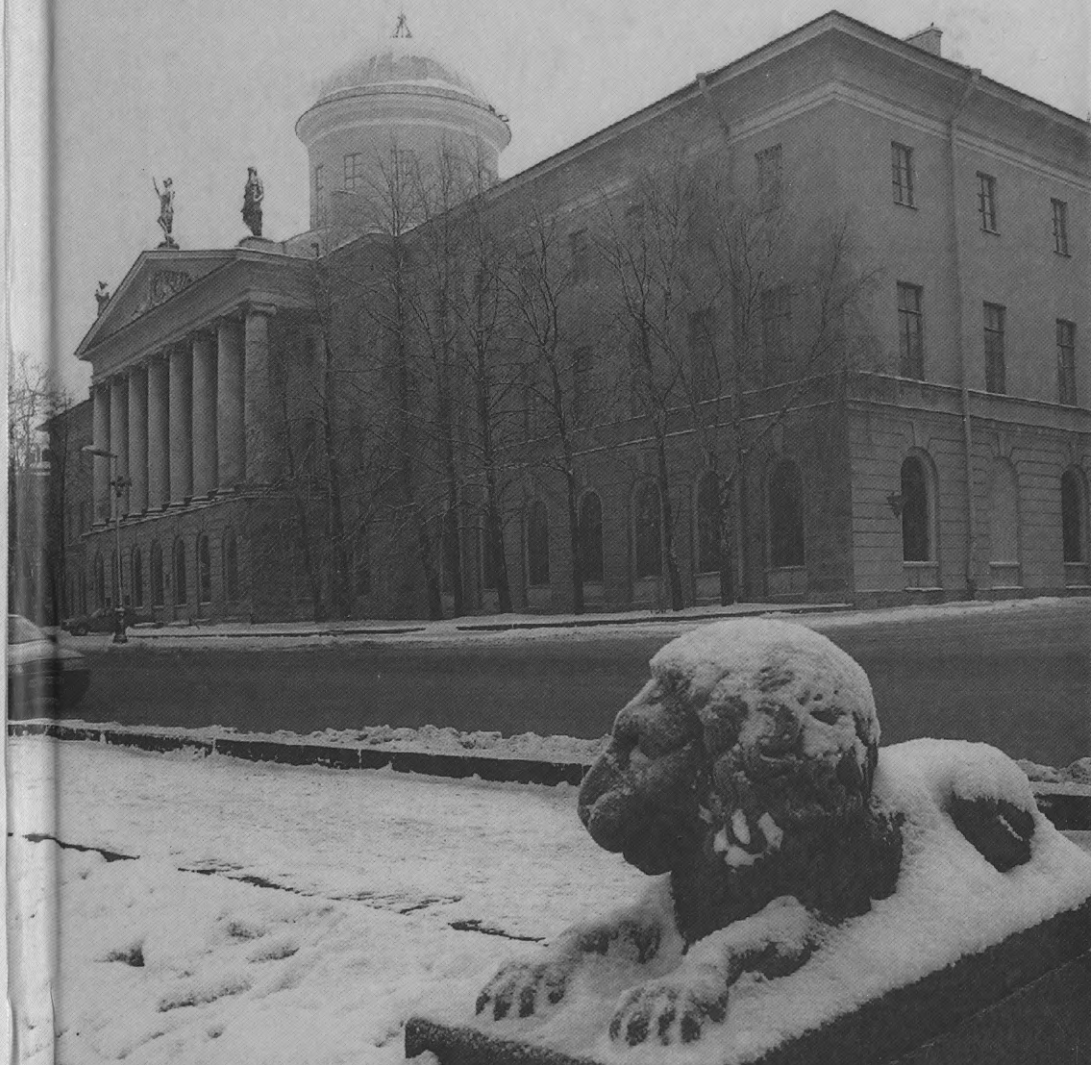

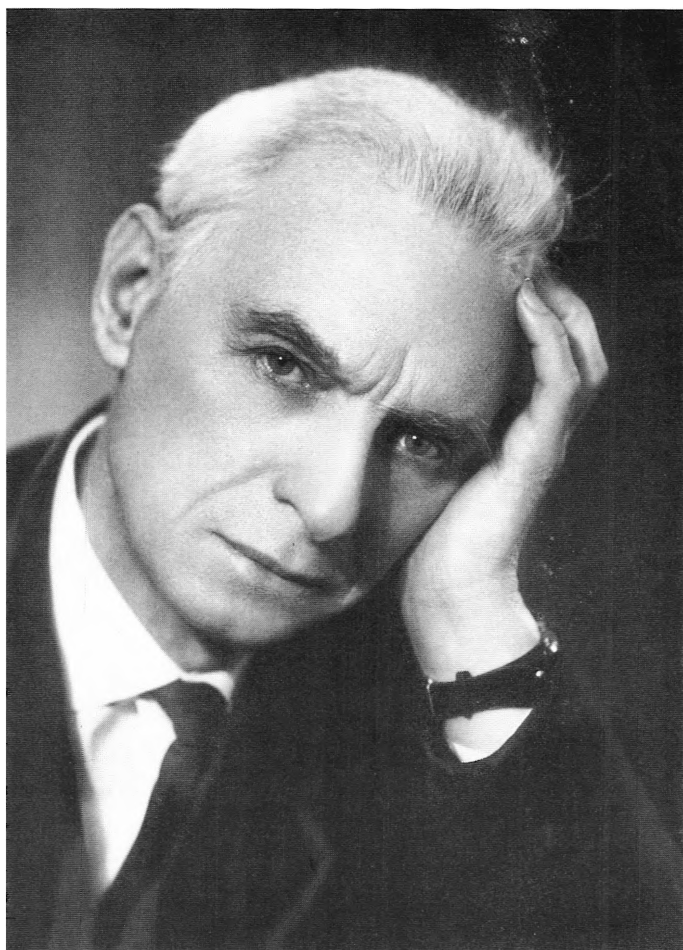
Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове

Из истории российской науки

Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове * 1896-1969

ПАВЕЛ НАУМОВИЧ БЕРКОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

Комиссия по культуре Просвещения
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Воспоминания
о
Павле Наумовиче
Беркове
1896–1969

Из истории
российской науки

Ответственные редакторы
Н. Д. КОЧЕТКОВА, Е. Д. КУКУШКИНА

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 821.161.1.0(092)

ББК 83.3(2)

В77

Рецензенты:

доктор филологических наук *П.Е. БУХАРКИН*
доктор филологических наук *Р.Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ*

Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове, 1896–1969 : из истории рос. науки / отв. ред. Н.Д. Кочеткова, Е.Д. Кукушкина ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М. : Наука, 2005. – 179 с. – ISBN 5-02-033554-1 (в пер.).

Книга рассказывает о жизни и научной деятельности члена-корреспондента Академии наук Павла Наумовича Беркова. Один из крупнейших филологов, работы которого во многом определили дальнейшее изучение русской литературы XVIII века, библиограф, педагог, П.Н. Берков сочетал в себе лучшие черты российского интеллигента. Коллеги Павла Наумовича по Институту русской литературы (Пушкинский Дом) и по Ленинградскому университету, студенты, слушавшие его лекции, аспиранты, работавшие под его руководством, испытали на себе огромное влияние его личности. Воспоминания о П.Н. Беркове, написанные учеными разных поколений, рисуют картину научной и общественной жизни России 1930–1960-х годов.

Для всех интересующихся историей русской литературы, науки и культуры.

По сети АК

ISBN 5-02-033554-1

© Российская академия наук, 2005

© Редакционно-издательское оформление.

Издательство “Наука”, 2005

Содержание

От составителей	5
<i>Д.С. Лихачёв</i>	
П.Н. Берков – ученый и человек	7
<i>И.З. Серман</i>	
Из очерка “Ленинградская группа XVIII века”	23
<i>В.П. Берков</i>	
Слово об отце	32
<i>В.П. Адрианова-Перетц</i>	
Тридцать пять лет совместной работы	41
<i>Л.Н. Назарова</i>	
Из книги “Воспоминания о Пушкинском Доме”	46
<i>Л.М. Лотман</i>	
В кругу студентов и коллег	50
<i>Ф.З. Канунова</i>	
Представитель петербургской научной школы	64
<i>Н.Д. Кочеткова</i>	
Ученый-гуманист	69
<i>М.Д. Эльзон</i>	
П.Н. Берков и А.Г. Фомин	85
<i>Т.А. Быкова</i>	
Библиограф, редактор, педагог	91
<i>А.А. Сидоров</i>	
In memoriam П.Н. Беркова	99
<i>Е.С. Кулябко</i>	
П.Н. Берков и Архив Академии наук	101

<i>К.В. Чистов</i>	
Уроки Беркова	105
<i>В.Г. Березина</i>	
Любимый учитель	108
<i>П.Р. Заборов</i>	
Настоящий ученый и настоящий человек	112
<i>Б.А. Градова</i>	
Роскошь человеческого общения	118
<i>Л.В. Алексеева</i>	
Эпизод из научной жизни 1950-х годов	120
<i>Я.М. Боровский</i>	
“Российская Камена” в трудах П.Н. Беркова	121
<i>Р. Лужный</i>	
П.Н. Берков и польские русисты	127
<i>Т. Боров</i>	
Всегда чуткий, всегда отзывчивый	133
<i>И.М. Сукиасова</i>	
П.Н. Берков и Козьма Прутков	141
<i>Е.В. Чудецкая</i>	
Друг поэзии Брюсова	148
<i>В.К. Семенцова</i>	
Ленинградский профессор в Киргизии	153
<i>А.И. Дуденкова</i>	
Наш дорогой учитель	157
<i>К.А. Чернятевич</i>	
“...Пишите мне всегда”	162
Сведения об авторах	176

От составителей

Материалы для этой книги начали собираться несколько десятилетий назад, почти сразу после кончины П.Н. Беркова, члена-корреспондента АН СССР, профессора Ленинградского университета, заведующего Группой по изучению русской литературы XVIII века в Институте русской литературы (Пушкинский Дом)¹. На предложение написать воспоминания об этом выдающемся ученом и замечательном человеке сразу откликнулись многие его коллеги и ученики: известный знаток древнерусской литературы В.П. Адрианова-Перетц, историк книги Т.А. Быкова, сотрудница Архива Академии наук Е.С. Кулябко, преподаватель Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета Я.М. Боровский, профессор Краковского университета Р. Лужный, болгарский славист Т. Боров, преподаватель из Ужгорода А.И. Дуденкова, из Киргизии – В.К. Семенцова, из Тбилиси – И.М. Сукиасова и другие. К сожалению, в течение долгих лет не было возможности опубликовать эти ценные материалы.

В декабре 1996 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Санкт-Петербургском университете прошли Берковские чтения – конференция “Русская литература XVIII века в национальном и международном культурном контексте”, посвященная 100-летию со дня рождения ученого. Научные доклады, прочитанные на конференции, послужили основой для 21-го сборника академической серии “XVIII век” (СПб., 1999). Воспоминания о П.Н. Беркове, которыми участники конференции поделились на одном из заседаний, были записаны на магнитофон. Эти авторизованные записи (воспоминания В.П. Беркова, В.Г. Березиной, Ф.З. Кануновой, Л.М. Лотман,

---

¹ О нем и его трудах см.: Павел Наумович Берков (1896–1969) / Вступ. ст. Д.С. Лихачева; сост. библиогр. Р.И. Кузьменко и Н.Д. Кочетковой. М., 1982 (АН СССР. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия литературы и языка. Вып. 14); Дополнения к биобиблиографии П.Н. Беркова / Сост. Н.Д. Кочеткова // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999. С. 427–428.

К.В. Чистова и других) существенно дополнили собранные ранее материалы.

Настоящую публикацию всех этих материалов решено было открыть обстоятельным очерком академика Д.С. Лихачёва о П.Н. Беркове, включить в книгу соответствующие отрывки из воспоминаний И.З. Сермана и Л.Н. Назаровой, а также основанную на архивных материалах статью М.Д. Эльзона, посвященную научным и дружеским контактам П.Н. Беркова с А.Г. Фоминым.

Очерки крупнейших отечественных и зарубежных ученых соседствуют в этой книге с воспоминаниями вузовских преподавателей, работников библиотек. Заключают книгу воспоминания книголюба из Невинномысска К.А. Чернятевича, на письма которого П.Н. Берков внимательно отвечал несмотря на свою занятость. Все эти авторы в разное время и в разных обстоятельствах общались с ученым, каждый пишет о памятных для него событиях и впечатлениях, о своих беседах с П.Н. Берковым; естественно, иногда встречаются сходные отзывы и характеристики, но это служит лишь подтверждением их объективности, и каждый очерк, дополняя другие, содержит одновременно нечто свое, неповторимое.

Эти материалы позволяют всесторонне воссоздать облик замечательного ученого, внесшего большой вклад в российскую науку и культуру, создавшего настоящую научную школу, человека высоких душевных качеств.

Приносим благодарность за помощь в подготовке иллюстративного материала П.В. Бекедину, А.О. Дёмину, В.С. Логиновой и М.Д. Эльзону.

Д.С. Лихачёв

П.Н. Берков – ученый и человек*

1

Павел Наумович Берков родился в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский) 14 декабря (по новому стилю) 1896 года.

Аккерман – древний город, история которого восходит еще к VI–V векам до н.э. Он был когда-то одним из центров финикийской торговли, а затем античной культуры Северного Причерноморья, в котором процветали не только торговля, но и ремесла. Своими культурными интересами и трудолюбием П.Н. Берков во многом обязан семье, в которой родился и вырос. В домашней библиотеке было много книг, в том числе энциклопедии и справочники. Отец его, зубной врач, человек с немалыми культурными запросами, любил наводить справки, пылливо добивался точных сведений по каждому вопросу, волновавшему в начале века среднюю интеллигентную семью, – и сыну он тоже привил любознательность. Много сделал для развития культурных интересов мальчика и брат – позднее преподаватель математики в средних учебных заведениях. Гимназия, в которой учился юный Берков, имела хорошую библиотеку. Преподавали в ней опытные, широкообразованные педагоги, такие как латинист В.Д. Тузенко, преподаватели словесности В.И. Зосимович-Дидьковский и Д.Д. Дыбак.

В школьные годы Берков увлекался математикой; одновременно у него рано проявился интерес к истории родного города, его археологическим древностям. Он читал все, что относилось к прошлому Аккермана, делал из книг выписки, научился снабжать их точными библиографическими сносками и составлять библиографию вопроса. Когда в 1911 году в Аккерманскую гим-

---

* Опубликовано: *Берков П.Н.* Проблемы исторического развития литературы: Статьи. Л., 1981. С. 3–20.

назию был переведен историк Хрисанф Хрисанфович Зенкевич, автор книги о Пантикапее, он нашел для себя неоценимый материал в тетради, принадлежавшей маленькому гимназисту, у которого были даже небольшие открытия. Он собирал на берегу античную керамику и, в частности, особенно заинтересовался клеймами, которые ставили в свое время базарные старосты (агораномы) на гончарных изделиях как разрешение на их продажу. Однажды, наблюдая за работой землечерпалки, выбрасывавшей на берег песок со дна моря у Днестровского лимана, он нашел клеймо с греческой надписью. Этого клейма в справочниках не оказалось, и тогда, догадываясь, что часть территории античного города была затоплена некогда Днестровским лиманом, он стал усиленно собирать керамику именно в этом районе. Ему удалось составить неплохую коллекцию, в которой были обломки чернолаковой посуды, керамические ручки сосудов с клеймами, неизвестными предшествующим исследователям. Коллекция его стала широко известна. Приехавший в 1912 году в Аккерман известный археолог, профессор Одесского университета Э. фон Штерн, захотел познакомиться с мальчиком и его находками. С волнением понес ему гимназист часть своих древностей. Состоялась долгая беседа. На следующий день они уже вместе ходили на раскопки. Ассистент Э. фон Штерна тоже заинтересовался юным исследователем и спросил, что он собирается делать по окончании гимназии. Узнав о его желании стать археологом, ассистент спросил: «А читали ли вы “Слово о полку Игореве”?» Услышав отрицательный ответ, прибавил: «Когда прочтете “Слово” – окончательно решите, кем вам быть».

В 1940 году, накануне Великой Отечественной войны, почти тридцать лет спустя, П.Н. Берков прочел в отчете Э. фон Штерна о раскопках, производившихся им в Аккермане: “У одного гимназиста есть недурная коллекция чернолаковой керамики”. Этим, собственно, и ограничивается итог его гимназических исследований, но в формировании ученого это увлечение сыграло очень серьезную роль, научив работать со справочниками, разыскивать необходимую литературу, правильно составлять библиографию изучаемого вопроса, делать точные ссылки, неустанно собирать материал. Однако было в этом детском научном увлечении и нечто еще более значительное: интерес к предмету занятий стал для П.Н. Беркова на всю жизнь интересом к родине, к родной культуре. Когда родина была по преимуществу родным городом, он увлекался аккерманскими древностями. Когда же вырос и горизонт расширился – предметом занятий на всю жизнь стала русская культура.

В Одесский университет на классическое отделение историко-филологического факультета Берков поступил уже после Февральской революции 1917 года, но слушать лекции ему не пришлось. После смерти отца семья нуждалась, и он устроился преподавателем гимназии в местечке Татарбунары на территории Бессарабии, а в Одессу приезжал только для сдачи экзаменов. В 1918 году Бессарабия была оккупирована боярской Румынией. Граница была закрыта, связь с Россией оказалась потерянной, и для продолжения образования ему пришлось ехать в Вену, поступать в Венской университет. Тяжело переживал он этот отрыв от родины.

Приехал он в Вену ранней весной. На факультете лекции начинались в разное время, и большинство с осени. Между тем на египтологическом отделении были предметы, которые только что начинали читаться. Это в известной мере случайное обстоятельство повлияло на его решение поступить на египтологическое отделение. Тоска по России побудила, однако, Беркова заняться славяноведением. Свою докторскую диссертацию, написанную им на немецком языке, он посвятил теме “Отражение русской действительности конца XIX века в творчестве Чехова”. Возглавлявший кафедру истории проф. Г. Юберсбергер написал о диссертации: “Эта работа стоит выше уровня работ, представляемых в качестве докторских”. Работа была принята. Она зарегистрирована в “Библиографии диссертаций, защищенных в Венском университете” (имеется в Фундаментальной библиотеке АН СССР). Рукопись диссертации находится в Венском университете, который Берков закончил с отметкой в дипломе “Summa cum laude”¹.

Сразу же по приезде в Вену П.Н. Берков принял советское подданство. По окончании университета в 1923 году он послал в Москву, Петроград и Иркутск просьбы о приеме его на работу. Из Петрограда П.Н. Берков получил приглашение от Отдела народного образования и первые годы по приезде (1923–1929) заведовал 48-й советской трудовой школой (бывшая 5-я гимназия), одновременно преподавая в ней русскую литературу. В 1925 году он стал сотрудником Института литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском университете (ИЛЯЗВ), впоследствии преобразованного в Институт речевой культуры. Именно здесь он начал заниматься литературой XVIII века и защитил кандидатскую диссертацию на тему “Ранний период русской литературной историографии”.

Когда в Ленинграде был организован Институт книги, документа и письма АН СССР, Берков стал в нем заведующим отде-

---

¹ “С величайшей похвалой” (лат.). – Ред.

лом книги. Одновременно он оставался старшим научным сотрудником и заведующим учебной частью Института речевой культуры.

В 1934 году в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР была организована Группа по изучению литературы XVIII века под руководством академика А.С. Орлова, своего рода центр изучения XVIII века, и сюда логически переместилась исследовательская деятельность П.Н. Беркова. Работая в качестве доцента, а затем профессора Ленинградского университета, старшего научного сотрудника Историко-археологического института, Института языка и мышления АН СССР, он неизменно оставался “полпредом” этой группы, представителем той науки, основой которой прочно стал Пушкинский Дом.

В 30-е годы Пушкинский Дом представлял собою крупнейшее в мировой науке литературоведческое учреждение. Помимо русской литературы здесь изучался во всем его объеме русский фольклор и литература Западной Европы. В области русской литературы здесь работали В.П. Адрианова-Перетц, В.В. Гиппиус, Г.А. Гуковский, В.А. Десницкий, И.П. Еремин, Б.С. Мейлах, Л.Б. Модзалевский, А.С. Орлов, Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум. В фольклорном отделе, возглавлявшемся М.К. Азадовским, работали Н.П. Андреев, А.М. Астахова, А.И. Никифоров. Отдел западных литератур был представлен М.П. Алексеевым, Н.Я. Берковским, К.Н. Державиным, В.М. Жирмунским, Б.А. Кржевским, С.С. Мокульским, Б.Г. Реизовым, А.А. Смирновым. Открытые заседания научных отделов института привлекали как специалистов, так и студентов и преподавателей средних школ. Заседания эти были всегда оживленными, вопросы, на них обсуждавшиеся, выходили за рамки плановых заданий, по которым работал институт.

2

Как бы ни были разнообразны научные интересы П.Н. Беркова (о них мы скажем в дальнейшем), в этом разнообразии нет случайности.

П.Н. Берков прежде всего культуровед, исследователь и знаток эпохи, книжности, литературы изучаемой им страны и времени. И в этом изучении культуры им прежде всего движет интерес к людям. Позволю себе привести выдержку из его книги “О людях и книгах”, характеризующую его позиции в этом вопросе: “Я глубоко убежден, что, когда мы говорим, что любим книгу, мы не осознаем того, что любим умного, доброго, чело-

вечного автора, создавшего ее, любим его героев, увлекающих и волнующих нас своими прекрасными человеческими качествами, любим людей, украшавших ее своими иллюстрациями, любим неизвестных нам типографов и переплетчиков, вложивших в нее свой талант, изобретательность, умение, понимание красоты, свое желание доставить читателю радость и наслаждение ею как произведением особого, высокого искусства – искусства книги”². Сказанное П.Н. Берковым о любви к книгам может быть с полным основанием распространено на любую из тех многочисленных областей человеческой культуры, которыми он занимается. Всюду – в литературе, театре, журналистике, литературной историографии, библиографии, библиотековедении или библиофильстве – он ищет прежде всего человека.

Закljučая свою книгу “Ломоносов и литературная полемика его времени”, он пишет: “Автор не может не признаться, что ни Ломоносов, ни Тредиаковский, ни Сумароков не были для него отвлеченными схемами, а представляли живые, реальные фигуры”³.

Эти высказывания П.Н. Беркова о том, что писатели для него прежде всего люди и что в каждом явлении культуры ценны прежде всего личности людей, которые за ним стоят, носят отнюдь не риторический характер. Они выражают самую суть его подхода к предмету своих исследований. Так, например, говоря о преобразованиях Петра I, он указал, что они стали возможны только благодаря наличию “в тогдашней Москве таких людей, как Л. Магницкий, В. Киприянов и другие. Именно это явилось фактом, объясняющим историческую закономерность преобразований Петра”⁴. Его не интересует факт сам по себе, как и концепция сама по себе. Им движет желание “воскресить прошлое”, “воскресить” жизнь и людей, восстановить забытое в его целостном органическом единстве, учесть конкретную взаимосвязь множества явлений, отчетливо представить себе, что было в действительности.

Концепция творчества Крылова, созданная П.Н. Берковым, – это прежде всего образ Крылова – человека и писателя. То же следует сказать и о Ломоносове, которому П.Н. Берков посвящает свои исследования и чьи сочинения публикует начиная с 1937 года. Эта особенность исследовательской манеры П.Н. Бер-

---

² Берков П.Н. О людях и книгах: Из записок книголюбца. М., 1965. С. 7–8.

³ Берков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936. С. 286.

⁴ Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725. М.; Л., 1958. С. 20.

кова характерна и для его работ о Сумарокове, Третьяковском, Кантемире, Капнисте и многих других писателях, изучением творчества которых он занимался.

Он воскрешает прошлое как исследователь, восстанавливает недостающие звенья, объясняет непонятное, приводит в связь явления, которые казались случайными, но не как “пейзажист” прошлого, а как его ученый реставратор, стирающий с карты прошлого белые пятна; П.Н. Берков восстанавливает факты, которые сами слагаются в определенное целое, абсолютно при этом достоверное, если достоверны исследуемые факты.

Вся научная деятельность П.Н. Беркова основана на его интересе к людям прошлого и настоящего. Поэтому нет в нем научного эгоцентризма. Для него характерно отвращение ко всякого рода внешним эффектам и легкомысленным предположениям, не подкрепленным достаточным количеством фактов. Отсюда его стремление к точности, к установлению конкретных фактов, к раскрытию псевдонимов и анонимов, восстановлению несправедливо испорченных репутаций, к распутыванию сложных узлов человеческих взаимоотношений. Во всем этом он прежде всего стремится понять человека, найти в нем лучшие побудительные причины его деятельности. Поиски истины для Беркова – это в какой-то мере и поиски справедливых оценок. Вот почему он иногда выходил за сферу привычных для себя тем и занимался, например, Куприным тогда, когда отношение к нему нашей критики было еще очень неопределенным⁵. Вот почему он обращался и к тем вопросам, которыми до него почти никто не занимался или которые считались несущественными для той или иной эпохи. Он изучает, в частности, польско-русские отношения XVIII века, восстанавливает репутацию Игнация Быковского⁶, пропагандировавшего русскую литературу в Польше, определяет факт перевода русских авторов на польский язык уже в XVIII столетии.

XVIII веком П.Н. Берков стал заниматься в те годы, когда подлинно научное изучение литературы этого времени только начиналось. Вместе с Г.А. Гуковским он стал одним из создателей современной науки о литературе XVIII века, основателем советской школы ее исследователей.

Свою кандидатскую диссертацию “Ранний период русской литературной историографии” П.Н. Берков защитил весной

---

⁵ Берков П.Н. Александр Иванович Куприн: Критико-библиографический очерк. М.; Л., 1956.

⁶ Берков П.Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958. С. 50–52.

1929 года, за полгода до защиты Г.А. Гуковским своей. Обе диссертации послужили первой вехой в новом подходе к литературе XVIII века. В них впервые выступала во всей своей значительности роль XVIII века в историко-литературном процессе.

В своей статье о П.Н. Беркове Г.П. Макогоненко хорошо сказал, что “любимые темы Павла Наумовича – трудные”⁷. Это отчасти объясняет, почему основной круг своих исследований Берков посвятил именно XVIII веку. XVIII век – это эпоха, полная малоизвестных имен и непроясненных фактов, псевдонимных и анонимных произведений, эпоха, когда свирепствовала цензура и писатели вынуждены были высказывать свои мысли путем аллюзий, иносказаний и намеков. Сложно переплетались в ней также рукописная традиция с печатным словом. Все это представляло немалые соблазны для исследователя, с самого начала предпочитавшего трудные задачи легким.

Интерес П.Н. Беркова к XVIII веку определялся и рядом других обстоятельств, связанных как с характером эпохи, так и с характером творческих поисков самого исследователя. Это эпоха переходная, эпоха, связывающая собой два огромных и очень различных периода русской литературы – древний и новый. Между тем именно культурные и литературные связи во всем их разнообразии и многообразии больше всего привлекают исследовательскую пытливість П.Н. Беркова, рассматривавшего творчество того или иного писателя в связи с литературным окружением, с литературной полемикой и борьбой своего времени. Особый интерес представляли для П.Н. Беркова традиции, связи эпох, связи литератур различных народов. Поэтому его занимали переводческая деятельность, осведомленность одного народа о другом, литературные взаимосвязи, взаимное изучение литератур. Со всех этих точек зрения XVIII век представляет собой исключительный интерес. Он характеризуется тесными связями ряда стран Западной Европы, усилившейся переводческой деятельностью, первым знакомством Запада с произведениями русской литературы, литературной и журнальной борьбой.

Исследуя эпоху, Берков прежде всего избирает человека этой эпохи, – при этом человека социального, человека с его воззрениями, убеждениями, эстетическими вкусами, человека как представителя определенного слоя населения, нации и эпохи. Этим подходом к объекту исследования ученый разительно отличается от своих предшественников. В предисловии к своей книге “Ло-

---

⁷ Макогоненко Г.П. Павел Наумович Берков: К семидесятилетию со дня рождения // Рус. лит. 1966. № 4. С. 251.

моносов и литературная полемика его времени” он пишет: «Лишь в книге Г.А. Гуковского “Русская поэзия XVIII века” (1927) сделана попытка осознать полемику между Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым как борьбу литературных группировок, а не как персональную склоку». Столкновения Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова (в разных комбинациях) литературоведы XIX века «выводили из их личных свойств: тщеславия, зависти, неуживчивости, вспыльчивости, скверного характера и т.д. Социальных причин за этими “личными дрязгами” не видели...»⁸.

Благодаря такому подходу перекидывается широкий мост между изучением писателя как личности и изучением историко-литературного процесса, изучением литературных направлений. Специально классицизму посвящена работа П.Н. Беркова “Проблемы изучения русского классицизма” (1964). Вот почему так существенны его книга “Ломоносов и литературная полемика его времени” (1936) и статья “Проблема литературного направления Ломоносова” (1962). В них он стремится определить и уточнить своеобразие классицизма Ломоносова и Сумарокова, их различные положения в этом едином течении.

Интересует его также вопрос о характере, сущности и своеобразии русского Просвещения. Он организовал конференцию по этой проблеме, а затем – издание сборника статей, открывающегося его исследованием “Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века” (1961).

Монография П.Н. Беркова “История русской журналистики XVIII века” (1952) много шире объявленной в ее заголовке темы. В ней он раскрывает не только историю, но и роль журналистики в литературном развитии XVIII века. Особо подчеркивает он значение “частной журналистики” в формировании прогрессивной общественной мысли и освободительного движения. Он показывает, что именно прогрессивная журналистика “подготавливала в недрах классицизма будущие успехи и конечное торжество реализма”. Журналистика была главной ареной идейной борьбы и литературного формирования писателей XVIII века. Поэтому “История русской журналистики XVIII века” в какой-то мере явилась также историей русской общественной мысли, историей литературной борьбы того времени.

Эта книга хорошо характеризует умение П.Н. Беркова показать значение отдельных изучаемых им вопросов, глубину подхода к избранной теме, умение всесторонне ее исследовать, рассма-

---

⁸ Берков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. С. 1, 2.

тривая каждый вопрос комплексно, в его взаимосвязях с другими вопросами, в единстве его историко-культурных аспектов. Его интересовали не только литература XVIII века, но наука того времени, журналистика, театр, история интеллигенции как таковой.

Значителен вклад, внесенный П.Н. Берковым в изучение истории драматургии и театра XVIII века. И здесь следует отметить масштабность его интересов. Он изучает высокую трагедию, комедии, школьный театр, городской театр и театр народный. Занимается драматургией Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Капниста, Лукина. Особо следует выделить серию его замечательных статей о драматургии Фонвизина, внесших важные материалы в характеристику творчества последнего: «Завещание Панина и “Недоросль” Фонвизина» (1945), «О “чистосердечном признании Фонвизина”» (1945), «К хронологии произведений Фонвизина» (1946), «Материалы для биографии Д.И. Фонвизина» (1946) и обобщающая статья «О театре Фонвизина и русской культуре» (1947). Русская культура – ее своеобразие, ее формирование, консолидация в ней ее национальных черт – стоит и в этом случае как конечная цель всех разнообразных исследований Беркова.

Как уже было сказано выше, очень большое внимание уделяет П.Н. Берков межнациональным связям культур и литератур. И это не случайно. Национальные культуры лучше всего раскрываются в своей самобытности, когда вступают в общение друг с другом. Национальная культура растет во взаимодействии с другими культурами, усваивая, перерабатывая, выбирая из этого чужого то, что отвечает внутренним ее потребностям.

Взаимодействие и связи изучаются П.Н. Берковым во всем многообразии: здесь и литературные влияния, и заимствования, и переводы с одного языка на другой, и изучение в одной стране литературы другой страны, а также непосредственные контакты (вроде обучения украинцев и русских в университетах Польши и Германии), театральные постановки иностранных пьес и многое другое.

С чувством патриотической гордости занимался он вопросами изучения русской литературы на Западе, посвятив этому целый ряд исследований: «Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке» (1930), «Изучение русской литературы во Франции» (1939), ряд статей о переводах «Слова о полку Игореве» на западноевропейские языки и об изучении «Слова» на Западе (1935, 1938, 1941, 1947). Та же тема получила свое освещение в его работах «Русско-польские литературные связи в XVIII веке» (1958, 1960), «Русская литература XVIII века и другие славян-

ские литературы XVIII–XX вв. (В порядке постановки вопроса о литературных контактах)” (1963), “M. Alopäus’ Vorlesung über russische Poesie in Göttingen im Jahre 1769” (1934), “Deutsch-russische kulturelle Beziehungen im 18. Jahrhundert” (1957, 1958), “Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l’abbé Girard” (1958) и др.

Изучались им и обратные связи, влияние иностранных литератур на русскую: отношение к творчеству Диккенса (1930), история первоначального знакомства русского читателя с Гёте (1932), русский вертеризм (1932), русские отклики на смерть Вольтера, английские пьесы в России в 1760–1770-е годы (1958), гастроли французской ярмарочной труппы в Петербурге в 1727–1728 годах (1957), деятельность капеллана английской фактории в России Томаса Консетта (1962).

Для характеристики принципов изучения П.Н. Берковым межнациональных связей показательна его работа “Ранние русские переводы Горация” (1935), в которой он выявляет, что именно отбирал Тредиаковский из литературного наследия Горация для своих переводов, что казалось Тредиаковскому актуальным для русского читателя и как трансформировалась поэзия Горация в стихах Тредиаковского. Автор блестяще доказал, что эти переводы были связаны с обличениями аристократов и имели целью нравственное воспитание русского общества.

Общим проблемам изучения межнациональных литературных связей посвящены две работы П.Н. Беркова: “Мировое значение русской классической и советской литературы” (1950) и “Проблемы изучения межнациональных литературных отношений (литературный обмен, национальные традиции, литературное новаторство и национальная специфика литературы)” (1962).

Нетрудно заметить, что межнациональные связи исследуются им в очень широком диапазоне, в частности хронологическом (от древней литературы до советского периода).

Одним из первых обратился П.Н. Берков к систематическому изучению литератур народов СССР. Побудили его к тому практические нужды преподавания курса соответствующих литератур в высших учебных заведениях, однако его интерес к исследованию взаимосвязей отразился и здесь. Влияние русской литературы на литературы армянскую, грузинскую, киргизскую и другие, источники осведомленности русских писателей в литературе других народов СССР – вот его основные темы в этой области. Беркову принадлежат работы о Хачатуре Абовяне и Аветике Исаакяне, Важа Пшавела (1966), Шота Руставели (1966), белорусском писателе Виталии Вольском, киргизском поэте Д. Бо-

конбаеве и киргизском народном эпосе “Манас” (1944), об Андрее Упите. Он занимается и переводами В. Брюсова с армянского (1962), и отражением поэзии В. Брюсова в армянской поэзии (1962), занимается Шота Руставели в русской литературе (1938) и Пушкиным в литературах народов СССР (1949), “Записками охотника” в литературах народов СССР (1951) и еще более широкой темой: “Революция 1905–1907 годов и литературы народов СССР” (1955). Немаловажное значение имеют его статьи, посвященные разработке преподавания литератур народов СССР в высших учебных заведениях и в средней школе: “Как строить курс литературы народов СССР” (1951), “О преподавании литературы народов СССР в высшей школе” (1951), “Киргизская литература в школе” (1944), “К вопросу о принципах построения антологии киргизской литературы” (1944).

Занимается он также вопросами развития болгарской литературы (1961), пьесой болгарского писателя А.П. Шопова “Смъртта на князя Потемкина” (1959), творчеством Г. Мопассана (1932, 1935) и переводами с китайского на белорусский (1954). В литературе XX века Беркова интересуют Горький, Куприн (творчеству последнего он посвятил специальную книгу) и особенно – Валерий Брюсов. Его интересуют литературные направления XVII – начала XIX века (барокко, просвещение, классицизм) и литературоведческая терминология (1963). Однако шире и богаче всего представлены в списке его научных трудов книги и статьи по вопросам источниковедения: библиографии, библиофильства, библиотековедения, текстологии, историографии.

3

Нередко в открытиях литературоведов играет роль случайность: неожиданно обнаруживаются те или иные новые тексты, документы, книги. Иные исследователи руководствуются только своей интуицией, не придавая особого значения полноте и систематичности обследования материалов. Что же касается П.Н. Беркова, то он в своих работах уделяет особое внимание именно полноте и систематичности рассмотрения целых групп материалов. Этим объясняется его интерес к истории журналистики, истории библиотек тех или иных деятелей культуры как комплексов, в которых отразилась личность владельца, интерес к репертуару литературных произведений и, разумеется, к библиографии и библиографической эвристике. Отмечая, что со времени Великой Октябрьской революции “количество фактического материала” значительно выросло, он тем не менее подчеркивает, что “на мно-

гих подобных находках лежит печать случайности”, что “и сейчас исследователь на каждом шагу ощущает недостаточную разработанность, даже невыявленность нужных источников, неполноту и случайность библиографии предмета, отсутствие критической истории науки”⁹. От случайных находок к систематическому описанию архивных материалов, к составлению списков книг гражданской печати, к изучению истории журналов и журналистики, истории литературной и театральной терминологии, полных библиографий и истории науки – вот тот новый, трудный, но принципиально верный, строго научный метод, которому следовал сам П.Н. Берков и который во многом благодаря ему утвердился в нашем литературоведческом источниковедении.

Знаменательно, что, даже оценивая труды библиографов прошлого, П.Н. Берков учитывал моральные качества их составителей, их общественные и идейные позиции. Труды по библиографии ценны для него не только своими чисто специальными качествами, но и отражением в них личности библиографов, их личных интересов, их индивидуальных склонностей. С этой стороны характерны такие его работы, как «Идеологическая позиция В.С. Сопикова в “Опыте российской библиографии”» (1933), «Общие библиографии русских книг гражданской печати М.В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии» (1956), «О библиографических трудах по русской периодической печати» (1956), «Мезьер – библиограф-романтик» (1962).

Выдающийся теоретик библиографии, труды которого в этой области получили мировое признание, П.Н. Берков и здесь остается историком культуры, исследователем людей как представителей своего времени прежде всего.

Вот почему для него библиография неразрывно связана с библиотековедением, с библиофильством, с историей печати, журналистики, книжной торговли. П.Н. Берков – книговед в широком смысле слова, а книговедение сливается для него с человековедением.

Он любит книгу живую, отражающую человеческую индивидуальность тех, кто ею пользовался и пользуется, покупает, собирает, хранит, дарит, пропагандирует, извлекает из нее сведения или делает предметом своих исследований.

В своем интересе к библиографии, к судьбе книг, к установлению мельчайших фактов литературной истории ученый следу-

---

⁹ Берков П.Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964. С. 5, 6.

ет велению своей всепоглощающей любви к русскому прошлому, к русской культуре. И в известной мере как признание звучит его высказывание: “Любя книгу, мы любим явление культуры определенной эпохи, любим те сгустки человеческого ума, чувства, воли, которые проявились в содержании и форме книги”¹⁰. В приведенной цитате особенно значительно место, где автор говорит о любви к “явлениям культуры определенной эпохи”. Такой “определенной эпохой” для П.Н. Беркова является, как уже указывалось выше, прежде всего XVIII век – русский XVIII век. Под “определенной эпохой”, с которой связана книга, он подразумевает, что книга не может рассматриваться сама по себе: она связана со своей эпохой, представляет собой продукт этой эпохи. Об одной из изучаемых им книг П.Н. Берков пишет: “Для меня эта книга не редкость, сохранившаяся в пяти или шести экземплярах, а памятник человеческого творчества и человеческих судеб”¹¹.

Последовательно изучает он труды тех, кто до него изучал писателей и книголюбов. Историография истории литературы для него прежде всего история людей, история исследователей. Он рассматривает историографию как часть человековедения, а человековедение – это борьба с забвением, которая требует восстановления справедливости, установления правильных оценок людей прошлого и своих современников.

П.Н. Беркову принадлежит большое число статей об историках литературы: советских, дореволюционных и иностранных. Если учесть, что каждый из советских литературоведов охарактеризован автором на фоне движения литературоведения, можно считать, что он создал тем самым довольно полную историю советского литературоведения.

Усиленно занимаясь историографией литературы, П.Н. Берков энергично и многократно указывал, что изучение ее не должно становиться самоцелью. Историография должна быть на службе у современности. Она может помочь выявить укоренившиеся в науке неверные представления, ошибки и их источники, установить правильные точки зрения на литературный процесс, предостеречь от новых заблуждений. «Вне этой связи с современностью, – пишет П.Н. Берков, – с задачами, стоящими перед нынешним этапом нашего литературоведения, литературная историография утрачивает свое прямое назначение – помогать литературоведу в его постоянной, повседневной работе. Напротив,

---

¹⁰ Берков П.Н. О людях и книгах... С. 7–8.

¹¹ Там же. С. 18.

она становится в таком случае балластом для памяти, “знанием для знания”, весьма привлекательной областью для коллекционеров фактов, бесполезной для ученого, живущего интересами своей эпохи»¹². Он подчеркивает: “Литературная историография ни в коем случае не является хронологически расположенной библиографией, хотя строится, конечно, на материалах последней. Отличительная черта литературной историографии состоит в том, что она представляет *историю* (подчеркнуто П.Н. Берковым) историко-литературных концепций”. И далее: “Правильно понимаемая литературная историография должна раскрывать историческую обусловленность борющихся концепций”¹³. Таким образом, литературная историография может помочь современному исследователю отбросить субъективное, неверное, исторически ограниченное и использовать то объективное, ценное, что содержится в прежних исследованиях.

Те же особенности характеризуют и многочисленные работы П.Н. Беркова по теории библиографии. Библиография для него – самостоятельная наука в том смысле, что она обладает собственным методом, собственным кругом вопросов. Но одновременно она, как и все гуманитарные науки, имеет и служебное значение, будучи призвана облегчить ученому розыски необходимых книжных материалов, помогать ему в его научной работе. И в библиофильстве он ценит также книжное дело человечества, любовь к книге, без которой не может существовать ни сама книга, ни книжное знание ученых.

В отличие от авторов многих текстологических работ последнего времени, П.Н. Берков учитывал опыт зарубежной науки, точки зрения зарубежных ученых и являлся противником механистической текстологии, во всей своей текстологической практике считаясь прежде всего с характером и духом произведения, со способами и приемами работы автора, его “писательской техникой”.

Несмотря на то что Беркову принадлежит довольно большое число работ, посвященных задачам изучения той или иной области литературоведения, теоретических работ по технике литературного исследования, по теории библиографии, он никогда не опускался до бесполезного в науке менторства. Все его рекомендации и указания вполне конкретны. Личным примером, примером своих собственных исследований, он создал в целом совсем новую научную школу.

---

¹² Берков П.Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. С. 15–16.

¹³ Там же. С. 251–252.

Научная деятельность П.Н. Беркова неразрывно связана с его общественной деятельностью и педагогической практикой. Начав ее как педагог средней школы, он уже в 1925 году вступил на трудную стезю преподавания в высших учебных заведениях; в 1925–26 годах он – ассистент Педагогического института имени А.И. Герцена, в 1934 году начинает преподавательскую деятельность в Ленинградском государственном университете – в качестве доцента, а вскоре и профессора. Во время Великой Отечественной войны он был профессором Киргизского педагогического института, но по возвращении вернулся к преподаванию в Ленинградском университете. Свой опыт чтения лекций П.Н. Берков обобщил в замечательном докладе, прочитанном им в Ленинградском университете и имевшем очень большой успех у слушателей: “О методике вузовской лекции”. К сожалению, доклад этот так и остался ненапечатанным.

Преподавание для П.Н. Беркова – это прежде всего заботливое выращивание молодых специалистов. Немало его собственных научных трудов возникло как ответ на требования педагогической работы. К ним относятся его статьи по литературам народов СССР, труды по технике литературоведческих исследований и библиографических изысканий, различного рода работы о задачах, путях и методах исследования литературы XVIII века. Стремление научить студентов работать, передать им свои знания, наметить для них темы будущих исследований сказывается почти во всей его деятельности. Педагогом он был таким же темпераментным, как и исследователем. Выражалось это прежде всего в том, что он не только много давал своим ученикам, но и много с них спрашивал. Он требовал от них самостоятельности, собственных точек зрения, однако решительно осуждал скороспелые открытия, необоснованные выступления, стремление как можно скорей и легче утвердить свое место в науке.

Мораль и наука в понимании П.Н. Беркова были связаны неразрывно. Не считаясь с личными интересами, он был готов защищать товарища, если считал, что с ним обошлись несправедливо, или резко выступить против демагогии, “нажима”, попытке обмануть общественное и научное мнение.

Разносторонность научных интересов П.Н. Беркова – это разносторонность тех личностей, которые он изучал. Он занимался тем, чем занимались они. Он жил их интересами, проходил вслед за ними их путь. Он работал часто не по своей специально-

сти, а по специальности тех, кого он изучал, сохраняя за собой главную свою специальность – человековедение.

В своем интересе к людям и к создаваемой ими культуре, в своем глубоком уважении и любви к русской культуре и к культуре народов Советского Союза П.Н. Берков был подлинным гуманистом. Он был им также и потому, что в своем лице воскресил тип ученых эпохи Возрождения – с их глубокими филологическими познаниями, с их поражающей эрудицией и разносторонностью, с их “бенедиктинским трудолюбием”.

9 августа 1969 года Павла Наумовича Беркова не стало. Он работал буквально до последнего дня своей жизни, оставив много неопубликованных работ. Они продолжают появляться в печати, напоминая о том, что жизнь ученого продолжается в его трудах.

И.З. Серман

Из очерка “Ленинградская группа XVIII века”*

...С наступлением в Советском Союзе “оттепели” после смерти Сталина стало возможно в 1955 году возобновить работу Группы¹. В 1956 году я прошел по конкурсу в Пушкинский Дом, несмотря на явное нежелание администрации. Но голосование ученого совета института было тайным, а на предварительном обсуждении очень хорошо рекомендовал меня П.Н. Берков, поэтому я собрал необходимое количество голосов и был зачислен сотрудником Группы.

Нежелание администрации принимать меня на работу в Пушкинский Дом объяснялось не только пресловутым “пятым пунктом” – графой в советских анкетах, где указывается национальность (я – еврей), но и тем, что я только в 1954 году вернулся из лагеря, где должен был отбывать свой двадцатипятилетний срок за “антисоветскую пропаганду”.

Чтобы современный читатель мог наглядно представить себе атмосферу страха, все еще сохранившуюся от сталинских времен, приведу только один пример: когда я, уже после конкурса и решения ученого совета, пришел на рабочее заседание Сектора новой литературы (куда входила Группа как его часть), то одна из сотрудниц Сектора, с которой мы проучились пять лет на одном отделении в университете и были всегда в очень хороших отношениях, даже дружеских, сказала мне: “Вы, пожалуйста, не садитесь со мной рядом на заседаниях Сектора”. Боялась она политической компрометации, а не чего-либо другого.

Все, что я далее буду писать о работе Группы, основано на моих личных воспоминаниях и неизбежно будет субъективно, хотя я буду стараться избегать личных пристрастий в оценке людей и событий.

---

* Опубликовано: Россия / Russia. 1988. Venezia, 1989. Vol. 6. P. 160–166.

¹ Работа была прервана с началом войны. – *Ред.*

С 1956 по 1969 год я работал в Группе под руководством П.Н. Беркова, пользовался его полным доверием и выполнял в значительной степени организационную работу, то есть занимался сбором и редактурой статей для сборников “XVIII век”² и других изданий Группы, а также подготовкой ежемесячных открытых заседаний Группы, которые, как правило, проходили под председательством П.Н. Беркова.

Только когда П.Н. Берков от нас ушел, мы, его ближайшие сотрудники, смогли отдать себе отчет в масштабах и значении того, что сделал он для науки о русском XVIII веке. Группа и сборники были постоянным предметом внимания и забот Павла Наумовича. Менялся состав участников сборника, ушли из жизни многие из тех, кто вместе с ним создавал первый сборник “XVIII век”, приходили новые поколения исследователей, теперь уже ученики учеников его принимают деятельное участие в разработке новых проблем, развивают традиции истории русской литературы XVIII века, – и во главе всего этого движения неизменно оставался Павел Наумович.

С первых своих шагов в советской науке в середине 20-х годов Павел Наумович сумел органически соединить серьезное, продуманное отношение к новым методологическим принципам с переосмысленными традициями русской филологической науки XIX века, с ее последовательным историзмом, подкрепленным глубоким уважением к историко-литературной данности, к литературному факту, как бы ни было на первый взгляд невелико, ограниченно его значение.

С точки зрения П.Н. Беркова, литература нации создается не только почином гениев, а коллективным творчеством всей массы безымянных деятелей, так или иначе причастных к созданию на-

---

² В эти годы были выпущены следующие сборники трудов Группы и привлеченных ею сотрудников: XVIII век. Сб. 3 / Ред. П.Н. Берков; М.; Л., 1958; XVIII век. Сб. 4 / Ред. П.Н. Берков. М.; Л., 1959; XVIII век. Сб. 5 / Ред. П.Н. Берков. М.; Л., 1962; XVIII век. Сб. 6: Эпоха классицизма / Под ред. П.Н. Беркова и И.З. Сермана. М.; Л., 1964; XVIII век. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: К 70-летию со дня рождения П.Н. Беркова / Редколлегия: Д.С. Лихачев, Г.П. Макогоненко, И.З. Серман. М.; Л., 1966; XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века / Под ред. П.Н. Беркова, Г.П. Макогоненко, И.З. Сермана. Л., 1969. Группа подготовила и выпустила также тематические сборники: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века / Под ред. П.Н. Беркова и И.З. Сермана. М.; Л., 1961; Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы / Под ред. П.Н. Беркова и И.З. Сермана. М.; Л., 1962; Русская литература XVIII века и славянские литературы: Исследования и материалы / Под ред. П.Н. Беркова и И.З. Сермана. М.; Л., 1963.

циональной культуры. И не безликий “процесс”, а пеструю, многосложную жизнь русской интеллигенции, выразительницы самосознания нации, считал он всегда подлинным предметом своего изучения. Вот почему рядом с Ломоносовым, Фонвизиним, Сумароковым, Радищевым мы находим в его работах исследования о совершенно неизвестных изданиях или прочно забытых литераторах XVIII века. Он с особенной любовью писал о тех, кто вооружает память нации материалами и пособиями, – о библиографах, составителях каталогов и, конечно, о своих товарищах по историко-литературным исследованиям.

К систематическому исследованию русской литературы XVIII века Павел Наумович обратился уже в своей кандидатской диссертации – “Ранний период русской литературной историографии. XVIII век и первая четверть XIX века”, защищенной им в 1929 году в Ленинграде. В этой диссертации ощутимо было принципиальное своеобразие его подхода к русской литературе XVIII века. Каждый факт, каждое литературное явление этой эпохи Павел Наумович понимал и оценивал как закономерную возникшую часть общемирового процесса культурного развития. Ученый универсальных историко-филологических знаний и интересов, Павел Наумович во многих областях нашей науки оставил о себе прочную память. Публикатор и текстолог, библиограф и автор работ по методике литературоведческого труда, фольклорист, историк театра – таков его исследовательский диапазон.

И все же среди этого обширного круга научных дисциплин особое место занимает история русской литературы XVIII века. От Симеона Полоцкого и до Карамзина нет сколько-нибудь заметного или почему-либо интересного деятеля русской литературы XVIII века, о котором Павел Наумович не сказал бы своего всегда точного, дельного, свежего слова. Каждый историко-литературный факт, от сатир Кантемира до “Писем русского путешественника” Карамзина, воспринимается им как выражение живых человеческих интересов, страстей и чувств людей XVIII века.

За всеми его работами живо ощущается личность ученого, с его неповторимыми чертами, с увлечениями, пристрастиями, с мужеством гражданина и борца. И потому научное творчество Павла Наумовича производит впечатление внутреннего единства, несмотря на обилие работ и поразительную широту их тематики.

В предисловии к своей докторской диссертации Павел Наумович писал: “У историков русской литературы сложилось традиционное представление о том, что настоящая литературная жизнь в XVIII веке возникает лишь в 1760–70-е годы и что до это-

го времени имеют место только личные интриги Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова (в разных комбинациях). Столкновения этих писателей между собой выводили из их личных свойств: тщеславия, завистливости, неуживчивости, вспыльчивости, скверного характера (...) Не замечали различного понимания задач искусства у отдельных спорщиков, не решались провести разграничительные линии между ними, предпочитали всех их относить к одной группе: писателей елизаветинской поры”³.

Уже в этих словах, хотя и в негативной форме, в критике предшествующей историко-литературной традиции, высказано основное положение его собственной исследовательской методологии – требование безусловного и бескомпромиссного историзма в подходе ко всем литературным явлениям и фактам XVIII века.

Историзм в подходе к освещению и анализу литературных явлений у Павла Наумовича носил особый, ему лично свойственный характер. В разработке любой темы, большой или малой, он считал не переменным долгом не только изучить историографию данной темы, но и высказать к ней свое отношение, отношение советского ученого, обладающего историческим опытом, которого, естественно, не могло быть у его предшественников, великих и малых работников русской академической науки.

Книга “Ломоносов и литературная полемика его времени” писалась в переломную для нашей науки эпоху, в период острой борьбы с вульгарным социологизмом.

Следы такого рода чрезмерной социологизации есть и в трудах П.Н. Беркова. И не для того мы вспоминаем о них, чтобы упрекнуть автора, но чтобы указать, как он, вопреки вульгарно-социологическому воздействию, не скрывал своего интереса к личностям русских писателей, к их индивидуальным судьбам, характерам, склонностям.

Своеобразие этой книги Павла Наумовича в том, что в ней в виде отдельных замечаний или набросков будущих исследований в примечаниях изложена программа последующих разысканий, программа, к сожалению, только частично осуществленная самим ученым.

П.Н. Берков всегда стремился идти в ногу со своим временем, отзываться на те проблемы, которые возникают в ходе развития мировой науки. С этой точки зрения особую важность имеют его работы о Ломоносове 1960-х годов, особенно “Литературные ин-

---

³ Берков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936. С. 1.

тересы Ломоносова” (1962)⁴ и “Проблема литературного направления Ломоносова” (1962)⁵.

Они связаны со спорами о барокко в русской литературе, которые начались на Западе и у нас с конца 1950-х годов, когда вновь стало предметом обсуждения место Ломоносова среди литературных направлений его времени и особенно его отношение к барокко.

Он напомнил нам о забытой, но чрезвычайно важной особенности русской и общеевропейской культуры XVII–XVIII веков – о латинской образованности как основе всех гуманитарных наук и литературы того времени. Поэтому в объяснение литературной полемики Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова теперь Павел Наумович предлагает внести новый элемент – различие в истоках, разницу в воспринятых традициях: “Литературная подготовка Ломоносова и Тредиаковского, выросших, с одной стороны, на традициях прекрасно усвоенных материалов древнерусской письменности, а с другой – на традициях античной и новолатинской образованности, решительно превосходила дилетантскую в конечном счете подготовку Сумарокова и его учеников. И перед теми, и перед другими стояла почти в одно и то же время (...) одна и та же задача: усвоить новейшее литературное течение Запада, точнее – Франции и Германии. Но решали они ее по-разному в силу тех причин, о которых говорилось выше: традиции и подготовка были у них разные”⁶.

Так, Павел Наумович предложил новое объяснение внутренней борьбы в русском классицизме – объяснение, вытекающее из всей его прежней работы над Ломоносовым, но впервые так отчетливо и убедительно сформулированное. Ибо задача, которую ставил перед собой ученый в этой статье, – определить место Ломоносова в литературном движении его времени – не сводилась только к выяснению причин расхождений между Ломоносовым и Сумароковым, она требовала и объяснения возможностей их сближения, объяснения того, почему деятельность создателей новой русской литературы “была в целом направлена по одному пути: они усваивали то, что нужно было русской литературе на тогдашнем этапе ее развития, усваивали то, что впоследствии

---

⁴ Берков П.Н. Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М.В. Ломоносова... С. 14–68.

⁵ Берков П.Н. Проблема литературного направления Ломоносова // XVIII век. Сб. 5. С. 5–32.

⁶ Там же. С. 15.

стало называться классицизмом, хотя сами, конечно, этого не подозревали”⁷.

Павлу Наумовичу появление и самое существование русского классицизма всегда представлялось историческим фактом огромного общекультурного значения, важнейшим звеном “процесса вхождения русской литературы в общеевропейское литературное развитие”⁸.

Не ставя себе целью характеристику явлений барокко в русской литературе середины XVIII века, Павел Наумович подкрепляет свою точку зрения на отношение Ломоносова к барокко анализом его теоретических высказываний, ранее в этой связи не привлекавших внимание исследователей. Я имею в виду те слова Ломоносова в “Риторике”, в которых Павел Наумович видел прямое осуждение Ломоносовым “основного принципа поэтики барокко” – так называемого кончеттизма. Как указывает Павел Наумович, Ломоносов в 130 параграфе «предупреждает своих читателей о необходимости соблюдения чувства меры при “изобретении витиеватых речей”, то есть предлагает избегать того, что в конечном счете составляет существо, душу барокко как искусства маньеризма. “Но сие показываем, – пишет Ломоносов, – не с таким намерением, чтобы учащиеся меры не знали и последовали бы нынешним италийским авторам, которые, силясь писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко завираются”»⁹.

Столь резкое выступление Ломоносова против кончеттизма, то есть против одного из основных стилистических принципов барокко, отмеченное Павлом Наумовичем в этой статье, чрезвычайно существенно, ибо остроумие и острый разум действительно являются боевыми лозунгами самых видных теоретиков барокко.

Ученый и его вклад в науку измеряются не столько новыми фактами и материалами, которые он сделал общим достоянием “ученой республики”, как говорили в XVIII веке, – материалы могут устареть и замениться новыми, а факты примелькаться и уже не возбуждать к себе интереса, – гораздо интересней для развития науки в целом то, какие вопросы ставит ученый, какие перспективы дальнейших исследований он намечает.

В 1964 году Павел Наумович напечатал “Очерк литературной историографии XVIII века” как первую часть своего “Введе-

---

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Там же. С. 22.

ния в изучение истории русской литературы XVIII века”. В предисловии к этому “Очерку” он писал: “Наиболее существенным разделом Введения является третий, содержание которого должно составить современная научная проблематика изучения русской литературы XVIII века”¹⁰. Далее он поясняет, каков должен быть характер изложения в этой третьей части: “Целью его должно быть введение читателя в гущу тех спорных, нерешенных, по-разному понимаемых различными учеными вопросов, и не частных, а принципиальных общих, от соответствующей трактовки которых зависит современное состояние и определяются дальнейшие пути развития науки”¹¹.

Павел Наумович не написал этой книги – третьей части своего Введения, но целый ряд его работ, хорошо известных всем, кто интересуется историей литературы XVIII века, вводит читателя “в гущу спорных, неразрешенных вопросов” современной науки.

Программность – вот отличительное свойство основных историко-литературных работ Павла Наумовича 1950–60-х годов. Каждая из них содержит не только результаты его собственных разысканий, но и указывает нашей науке пути и цели дальнейших исследований, зовет к новым трудам и открытиям, освещает частную тему с точки зрения общих задач науки.

Для того чтобы яснее представить себе, как направлял работу Группы П.Н. Берков, я хочу остановиться на одном эпизоде из ее истории. По его предложению группа 20–21 октября 1959 года провела конференцию по проблемам русского Просвещения. Кроме сотрудников группы, в ней приняли участие Ю.М. Лотман, Г.П. Макогоненко, Г.М. Фридлиндер, Л.И. Кулакова, А.В. Предтеченский, В.Н. Всеволодский-Гернгросс, Е.Г. Плимак и другие. В предисловии к сборнику трудов конференции П.Н. Берков писал: “В предлагаемой вниманию читателей книге излагаются различные, иногда диаметрально противоположные точки зрения на существо и историю русского Просвещения XVIII века. Как отмечалось в прениях на конференции, именно это разнообразие воззрений свидетельствует о том, насколько актуальна и в то же время недостаточно разработана данная проблема. Задача кон-

---

¹⁰ Берков П.Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII века. Л., 1964. С. 7.

¹¹ Там же. С. 7–8. О П.Н. Беркове как ученом см.: Эйхенбаум Б.М. О П.Н. Беркове // XVIII век. Сб. 7. С. 3–4; Серман И.З. К портрету ученого // Там же. С. 5–9; Лихачев Д.С. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности П.Н. Беркова // Павел Наумович Берков (1896–1969). М., 1982; а также см. наст. изд., с. 7–22.

ференции состояла не в том, чтобы сразу же прийти к каким-либо единообразным выводам, общеобязательным для всех, а в том, чтобы показать разные аспекты возможного изучения, открывая тем самым пути для дальнейшего плодотворного исследования вопроса”¹².

Западному ученому такая постановка вопроса кажется естественной, иного подхода к научной проблеме он себе не представляет. И потому хочу обратить внимание моих читателей на то, что конференция происходила в 1959 году, то есть только через три года после XX съезда с его “секретным” докладом Хрущева; духовная жизнь в Советском Союзе, уже освободившаяся от многих “общеобязательных для всех” догматических положений, получила хотя и относительную, но все же свободу исследования, а не повторения и пережевывания цитат из классиков марксизма-ленинизма, и делала первые самостоятельные шаги из области логических тавтологий и догматического упрощенчества, так сказать, навстречу к своему объекту – для нас, исследователей XVIII века, – к реальностям русской литературы и мысли XVIII века. Как на характерную черту эпохи укажу на сразу же возникавшее перед всеми участниками конференции идеологическое препятствие. Поскольку игнорировать прямые суждения “классиков” марксизма-ленинизма, а в данном случае Ленина, было по установившимся в советской идеологии законам невозможно, то все участники дискуссии добросовестно пытались найти какой-либо компромисс между исторической реальностью русского XVIII века и суждениями Ленина о русских просветителях 1840–60-х годов, то есть о деятельности Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Конкретная оценка просветителей с точки зрения большевистского политического экстремизма – антилиберализма – в советской науке получила все права догмата. Обойти его молчанием еще никто не решался, еще сильно было внушенное тридцатилетним правлением Сталина ритуальное почтение к каждому суждению “классиков”. Поэтому без попытки так или иначе приспособить суждения Ленина к XVIII веку (о котором он не писал) в 1959 году еще никто обойтись не мог. И все же как только участники конференции переходили от общих, векового масштаба, концепций к конкретным проблемам, к эпохам русской жизни или к деятельности отдельных писателей, обнаруживалось, что исследовательская мысль работает вполне самостоятельно и что у каждого ученого

---

¹² Берков П.Н. Предисловие // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 4.

есть свой подход, свои идеологические критерии и свое понимание взаимоотношений, идеологии русского Просвещения и русской литературы XVIII века.

Я потому так подробно останавливаюсь на конференции 1959 года, что она надолго определила характер и направленность работы Группы. Если проследить по итоговым статьям П.Н. Беркова в сборниках “XVIII век”, то можно заметить, как менялось направление работ Группы и как влиял на эти изменения П.Н. Берков. Так, для конференции, созванной Группой в декабре 1966 года и посвященной Г.Р. Державину и Н.М. Карамзину, П.Н. Берковым был написан доклад “Державин и Карамзин в истории русской литературы”¹³.

Как видно из содержания доклада П.Н. Беркова, в целом его теперь занимает “определение подлинной исторической роли писателя в формировании общественного сознания”¹⁴, то, что сделал основным вопросом духовной жизни в Советском Союзе журнал “Новый мир”, редактируемый тогда А. Твардовским. Так, несмотря на прекращение “оттепели”, пользуясь тем, что в литературе XVIII века начальство не искало крамольных аллюзий, П.Н. Берков отстаивал то, что было в годы “оттепели” завоевано.

Поэтому в своем докладе (опубликованном посмертно) на конференции, посвященной творчеству и общественной деятельности Н.И. Новикова, П.Н. Берков объяснял уход писателя от государственной службы в журналистику как сознательное решение служить обществу, а не власти: «Утратив веру в то, что Екатерина и ее правительство способны и, главное, желают “исправлять нравы”, Новиков всю свою жизнь посвятил борьбе со злом, как оно ему представлялось. Менялись только формы борьбы (...) но борьба со злом оставалась у Новикова на всем протяжении его жизни единственным делом, и при этом источником зла представлялись ему прежде всего безнравственность, отсутствие прочных моральных убеждений и проистекающая отсюда, как он говорил, “развратность действий”»¹⁵.

---

¹³ См.: XVIII век. Сб. 8. С. 5–17.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ *Берков П.Н.* Насущные вопросы изучения общественной позиции Н.И. Новикова // XVIII век. Сб. 11. Л., 1976. С. 11.

В.П. Берков
Слово об отце

*Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.*

Эти знаменитые строки из “Старшей Эдды” говорят о важнейшем предназначении человека – оставить по себе добрый след на земле. Их нам едва ли стоит понимать буквально (слава хорошего человека бессмертна), хотя в том небольшом языковом коллективе, где эти строки были созданы, память о достойных людях хранилась веками. Нам эти строки, видимо, следует интерпретировать несколько иначе: достойно прожитая жизнь оказывает облагораживающее влияние на многие поколения. Зерна разумного, доброго, вечного, посеянные Учителем, дают всходы, те, в свою очередь, новые зерна, которые сеют его ученики, потом – ученики учеников и т.д. Конечно, немало теряется на этом долгом пути – и человек неповторим, и обстоятельства меняются, и память наша несовершенна, но каждая достойно прожитая жизнь обогащает человечество и, хочется верить, делает его лучше.

Нам, людям, свойственно искать простые и краткие формулировки для сложных явлений, в частности пытаться немногими словами охарактеризовать человека – со всем его уникальным духовным складом, со всеми его неповторимыми особенностями личности. И хотя подобные характеристики – неизбежное упрощение, как раз в данном случае такая краткая формула основной черты личности отца возможна. Это – рыцарское служение Науке и уважение к людям.

Наука была смыслом жизни отца, исследование – открытие нового, доселе неизвестного и его осмысление, интерпретация –

главным. Он был беззаветно предан Науке, любил Знание. Научная работа, однако, состояла для него не только в познании нового и его осмыслении, но и непременно в передаче этих знаний людям. Как-то, примерно за год до его неожиданной кончины (он стал жертвой нашей российской медицинской – впрочем, не только медицинской – комбинации расхлябанности и бедности), я спросил у него, не пора ли ему хотя бы немного снизить темп работы. Он ответил очень просто и без рисовки: “За жизнь я накопил много знаний, и мой долг передать их людям”. К слову, отцу не было суждено осуществить один из своих интересных замыслов – написать книгу “Культурные будни России XVIII века”, то есть рассказать не о наиболее значительных деятелях культуры, а именно, так сказать, о средней культуре – о рядовых пьесах, о проходных литературных произведениях, о знании иностранных языков, о “домашней” культуре и т.д.

Стремление делиться своими знаниями было органической частью личности отца. В этом не было никакого мессианства, менторства и уж, конечно, любования собой. Это был категорический императив его жизни, проявлявшийся в самых разных, порой экстремальных условиях. Уже рассказывалось об “университете”, который отец организовал в камере в “Крестах” в 1938 году. Я помню, как в эвакуации, во Фрунзе (ныне Бишкек), отец с утра до вечера (кроме времени, когда у него были лекции) сидел в библиотеке и готовил свой первый тогда в стране курс литературы народов СССР, невзирая на исключительно плохое состояние здоровья. И к этому подвижническому труду его побуждало не честолюбие – эта черта была ему не свойственна – и, разумеется, не материальные соображения (какие блага мог сулить новый вузовский курс?), а лишь жажда новых знаний, стремление ввести в научный оборот огромный массив новых фактов, дать им новую интерпретацию в контексте развития мировой литературы и, главное, передать эти свои новые знания ученикам.

Владея методами литературоведческого исследования, не чураясь черновой работы – поисков в архивах, библиографических разысканий (он был признанным авторитетом в области библиографии и источниковедения; у него, как известно, есть ряд книг по этим проблемам), отец часто выходил за пределы своей основной специальности – истории русской литературы XVIII века. Так, ему принадлежат работы о Козьме Пруткове, книга о Куприне, статьи об армянской и грузинской литературах, по творчеству В. Брюсова, по киргизскому эпосу “Манас”, о разнообразных литературных связях и многое, многое другое.

Он всю жизнь стремился к новым знаниям. Он бесконечно много читал – и, обладая феноменальной памятью, запоминал. Еще до войны он пользовался славой энциклопедически образованного человека, к нему обращались самые разные люди с самыми разными вопросами. И если порой случалось, что он не мог ответить сразу, то всегда наводил требуемую справку: он, как никто, знал, где что следует искать. И, что важно, ему самому это всегда было интересно. Пытливость была неотъемлемой частью его натуры.

Он владел многими языками: например, читал и по-итальянски, и по-испански, и по-украински и др. Даже на склоне лет он превосходно помнил латынь. У него есть и текстологическая статья по Библии – по спорному месту в одном из псалмов Давида. Как-то летом, почувствовав, что ему необходима хотя бы небольшая передышка, отец избрал следующий вариант отдыха: лежа (в этом и состоял отдых) прочитал по-немецки толстенную книгу Курциуса о средневековой литературе на латыни.

Он благоговейно относился к величайшему достижению человечества – к Книге. Ее он любил беззаветно. Огорчала его краткость человеческой жизни, невозможность прочитать все, что хочется. Ряд его книг, как известно, посвящен проблемам библиофильства. У него была огромная библиотека.

У тех, кто не знал отца лично, из сказанного может сложиться впечатление, что отец был только университетским профессором и кабинетным ученым. Однако это не так. Он всю жизнь занимался и тем, что называется общественной работой. Всего несколько примеров. Во время обучения в Венском университете он был активным членом Австрийской компартии. В 20-е годы, работая директором школы, он был членом городской комиссии исполкома по делам беспризорных и в этом качестве, кстати, общался с С.М. Кировым, о котором – в тот период его деятельности – отзывался с большим уважением. Ряд лет был заместителем декана филологического факультета Ленинградского университета по аспирантуре. Много лет был председателем городского общества “Знание”. Был долгое время председателем городского общества библиофилов. Как забавный штрих отмечу, что лет двадцать мы жили в кооперативном (со времен 20-х годов) деревянном доме на 13-й линии Васильевского острова (изба эта носила скромненькое название “Советский ученый”) и отец был бессменным председателем правления кооператива, вникая во множество практических проблем вроде ремонта крыши.

Каким отец был человеком?

На первое место я поставил бы его глубокую порядочность. В те нелегкие времена это было совсем непросто. В 1994 году мне разрешили прочитать протоколы допросов отца во время его заключения в 1938–1939 годах. Под воздействием пыток он возвел на себя чудовищную напраслину, порой явно под диктовку полуграмотных следователей (их у него сменилось три): в протоколах и в его собственноручно написанном “признании” были дикие формулировки, которые отец сам никогда бы не употребил. Но ни об одном из коллег он не сказал дурного слова, хотя от него этого, несомненно, добивались. (Замечу в скобках, что этого нельзя сказать о приобщенных к делу высказываниях некоторых сотрудников Пушкинского Дома той поры, которым было велено охарактеризовать отца.)

Порядочность сохраняли в те мрачные годы лучшие представители советской интеллигенции, а для этого требовалось исключительное мужество. Так, в это страшное время за отца поручились проф. Г.А. Гуковский и чл.-корр. Н.К. Пиксанов. Чета Пиксановых помогала нам с матерью и материально: мать работала школьным библиотекарем, половина ее более чем скромного заработка уходила на передачи отцу, ни одна из которых, естественно, до него не дошла.

Необходимо сказать хотя бы несколько слов об отношении отца к Н.К. Пиксанову. Николай Кирьякович очень изменился к концу жизни. Он решил использовать кампанию против космополитизма 1949 года как демонстрацию своей лояльности властям. Это заставило большинство коллег отвернуться от него. Однако отец не мог перечеркнуть мужественное и благородное поведение Н.К. Пиксанова в конце 30-х годов.

Раз на заседании ученого совета, когда при прекрасных отzyвах на диссертацию диссертант с нерусской фамилией получил множество “черняков”, отец встал и, белый как бумага, произнес: “Мне стыдно, что я член совета, в котором так много непорядочных людей”. Как-то он сказал мне: “Увы, мне нередко приходится молчать, когда надо протестовать. Я лично не боюсь ничего, но я не хочу навредить маме и тебе”. Это молчание стоило ему больших усилий.

Всем понятно, что в те времена оставаться принципиальным было нелегко. Вспоминается такой эпизод конца 50-х годов. Шла на филологическом факультете баллотировка какой-то кандидатуры сомнительных научных и педагогических достоинств, но зато обладавшей достоинствами иного порядка. Отец был председателем счетной комиссии. При подсчете оказалось, что кандидат не прошел. На следующий день отца вызвал ректор

А.Д. Александров и, сказав, что “счетной комиссией была допущена ошибка”, предложил переделать протокол. Отец ответил (текстуально): “Ни за что, вплоть до ухода из университета”. А любил он университет, надо сказать, всей душой, и, уже будучи членом-корреспондентом АН СССР, считал себя прежде всего университетским профессором. Между прочим, ректор тут же “взял свое предложение обратно”. Потом он (ректор) мне сам рассказывал, как он был поражен такой реакцией и какое уважение она у него вызвала.

Тем, кто его знал мало, отец казался человеком суховатым и строгим. Вероятно, это проистекало от его строгости к себе и огромной внутренней самодисциплины. Он был требователен – прежде всего к себе самому, и не только в науке и преподавании, но и в точности и пунктуальности. На своем 70-летнем юбилее он, в частности, с гордостью сказал: “За все годы работы в университете я ни разу не опоздал ни на минуту на лекцию”. В этом проявлялось его уважительное отношение к людям – не только к коллегам, но и к студентам, ко всем. И то, что он обращался к студентам только по имени-отчеству, было не профессорской причудой, а стремлением дать студенту почувствовать себя личностью, показать свое уважение к нему и к его пусть робким шагам в науке. А аспирантов отец регулярно приглашал домой. И не случайность, что с подавляющим большинством аспирантов и многими участниками его семинаров у него до конца жизни сохранялись дружеские контакты.

У отца, конечно, были недоброжелатели, но, думается, врагов не было: он никому не сделал ничего дурного, не перебежал дорогу, никого никогда не оскорбил злым словом. Резкость он сказать мог, но только тогда, когда был стопроцентно уверен в своей правоте. Непорядочности он не прощал никогда. Два примера. На его 70-летие мать предложила пригласить одного коллегу, не лучшим образом проявившего себя при постыдном обсуждении книги отца “История русской журналистики XVIII века” в 1953 году, то есть за 13 лет до юбилея. Отец промолчал, а наутро сказал: “Я ночью перечитал стенограмму его тогдашнего выступления. С таким человеком я не могу сидеть за одним столом”.

Отец резко порвал с одним близким своим – еще со времен аспирантуры – другом, когда поведение последнего перестало соответствовать представлениям отца о чести и порядочности.

Как и все смертные, он мог делать ошибки и, наверное, делал их, не мне судить об этом. Но я уверен, что он за всю жизнь не сделал ничего такого, за что пришлось бы краснеть.

За суховатой внешностью скрывался человек весьма эмоциональный, тяжело переживавший несправедливости и неудачи, никогда, впрочем, не выбивавшие его из рабочего настроения: он работал всегда и в любых условиях. В коммунальной квартире, в которой мы прожили с 1930 по 1949-й год, его рабочий стол помещался в проходной комнате, там же на скрипучем диванчике спала его мать; дверь в столовую-гостиную-спальню-детскую всегда была открыта. Мои игры, часто с товарищем-соседом, едва ли были бесшумными, но не помню, чтобы он когда-нибудь призывал нас к тишине. Он много раз впоследствии учил меня: “Умей работать в любой обстановке, при любом шуме”.

Далеко не все знали, что отец был человеком весьма импульсивным, способным порой в сиюминутном порыве на неожиданные поступки. Так однажды, после блестящего концерта в филармонии (родители были поклонниками и ценителями классической музыки), он позвонил в гостиничный номер дирижеру Курту Зандерлингу – просто поблагодарить его. Как-то мы были в Театре эстрады на выступлении Вольфа Мессинга, в свое время известного своими “психологическими опытами”. Один из номеров заключался в том, что Мессинг уходил за сцену, в зале тем временем прятали какой-нибудь предмет, а вернувшись в зал, Мессинг отыскивал его (по только ему заметной реакции зрителей). Когда Мессинг, к опытам которого отец почему-то уже заранее относился скептически, предложил нескольким зрителям для контроля пройти с ним, отец первым сорвался с места и с юношеской легкостью побежал на сцену.

При, повторяю, внешней суховатости, отец был человеком общительным, с широким кругом знакомств. Со многими коллегами его связывала давняя крепкая дружба. За нашим большим дубовым столом в разное время, порознь или в разных комбинациях, сидели Д.С. Лихачев, В.М. и Н.А. Жирмунские, Б.М. Эйхенбаум, И.И. Толстой, М.К. Азадовский, И.П. Еремин, И.М. и М.Л. Тронские, Г.П. Макогоненко и многие, многие другие. Застольные беседы бывали интереснейшие.

Перебывало в нашем доме множество коллег отца из союзных республик – грузин, армян, украинцев, белорусов – и иностранных – немцев, англичан, поляков. Упомяну в этой связи два несколько необычных эпизода. На 70-летие отца поздравить его из Южной Осетии приехал его бывший докторант литературовед и поэт Нафи Джусойты (отец его очень любил и ценил) – в черкеске, папахе и с кинжалом, что поразило моих дочерей, они весь вечер не сводили с него глаз. (Когда отец умер, Нафи на

один день прилетел из Цхинвали, – у него только что умерла мать, – безотлучно и безмолвно находился при гробе, от начала панихиды до предания земле.) Второй эпизод связан с французским академиком Андре Мазоном. Принимали его на даче в Комарове, куда я отвез его на машине. На обратном пути на дороге выбежал лось. У Мазона эта северная экзотика вызвала такую же реакцию, какую у нас вызвал бы лежащий на дороге гипопотам.

Отец искренне любил и уважал своих коллег, внимательно следил за их работами. И поэтому было естественно, что он написал множество статей, посвященных их юбилеям, и некрологов. В этом он видел свой долг, и получалось это у него очень хорошо.

Он был наделен чувством юмора и талантом версификации. Когда я студентом пятого курса на самостоятельно заработанные деньги приобрел мотоцикл, отец за какие-нибудь полчаса сочинил по этому поводу длинную оду, великолепно выдержанную в ломоносовском стиле и с комментариями в жанре автопародии. В оде, в частности, была строка: “в градском шуме и наедине”, снабженная комментарием: «Впоследствии сия цитата была похищена тайным советником Михайлой Васильичем Ломоносовым и вставлена в его известную оду “Царей и царств земных отрада...”» (цитирую по памяти, так что возможные ошибки целиком на моей совести).

Естественно, в молодые годы веселья было больше. Отец рассказывал, что как-то после долгого собрания несколько молодых преподавателей университета – он, его ближайший друг Михаил Карлович Клеман (он умер при эвакуации из блокадного Ленинграда по дороге к нам, в Киргизию, куда мы были эвакуированы) и, кажется, еще кто-то – хорошо посидели в пивной, после чего они направились к дому своего товарища по аспирантуре Б.Г. Реизова, будущего члена-корреспондента СССР и декана филологического факультета ЛГУ, и запели у него под окнами на мотив вагнеровского “Полета валькирий”: “Борис Реизов! Вам брошен вызов – на соц-сорев-но-ва-ние!” Повторяли куплет, пока из окна не высунулся сонный и чертыхающийся Реизов.

В городской вечерней газете (она, по-моему, называлась “Вечерняя красная газета”) отец опубликовал в 20-е годы довольно много заметок, порой очень смешных.

Как известно, в связи с годовщинами выступления бывают трех родов: а) О юбиляре (самый редкий жанр), б) О юбиляре и обо мне (встречается чаще), в) Обо мне и юбиляре (самый попу-

лярный). Хотелось бы не выходить особенно за рамки жанра “а”, но все же один, последний, пример в жанре “б”. Тем, что я стал лингвистом, я всецело обязан отцу. Заметив у меня детский – скорее даже инфантильный – интерес к языкам, отец исключительно тактично и незаметно стимулировал его – увлекательными беседами, принося из библиотеки книги, пригласив, несмотря на достаточно стесненные средства во время войны, учителя немецкого языка, беря меня на некоторые заседания в Киргизском пединституте и т.д.

Все это я понял и оценил много позже.

Отец не был избалован судьбой. С детства он болел жестокой формой бронхиальной астмы, потом к ней прибавились другие тяжелые болезни. Еще не окончив гимназию, начал работать (табельщиком на железной дороге). В студенческие годы зарабатывал на жизнь частными уроками. Из директоров школы ему пришлось уйти по доносу коллеги. Все довоенное время и до 1949 года наша семья жила в “классической” коммунальной квартире. В 1938 году он был, как известно, арестован. Отец пользовался авторитетом и уважением среди коллег как на родине, так и за ее пределами, но официальное признание его заслуг пришло лишь на 64-м году жизни, причем не по представлению университета, которому он так много отдал.

Отцу удалось сделать очень многое. Немалую роль в этом сыграла мать, верный его друг и помощник. Она полностью освободила его от всего, что могло отнять у него время на научную работу и преподавание. Она говорила в шутку, что отец за всю жизнь не купил себе пары носков; так оно, скорее всего, и было. Чтобы создать мужу такие условия работы, требовалось самоотречение. В трудные минуты мать всегда находила нужные слова ободрения.

Вполне вероятно, что отец погиб бы в конце 30-х годов, если бы не мать. Так ли это, мы с достоверностью не знаем и едва ли когда-нибудь узнаем. В июне 1939 года она, повинувшись какому-то порыву, прямо с работы поехала в Москву и подала на имя “все-союзного старосты” М.И. Калинина заявление, в котором говорилось, что отец невиновен и что если он и признался в чем-либо, то это произошло исключительно в результате “физического воздействия” (читай: пыток; ему втыкали в нос горящую папиросу). Родственники и знакомые расценили ее поступок как самоубийственный: отцу, считали они, это никак помочь не сможет, сама же мать неминуемо угодит в тюрьму, а меня отправят в колонию. Однако порою происходит необъяснимое. В это время кровавого Ежова сменил не менее кровавый Берия, и какое-то

количество дел – неизвестно сколько и по какому принципу их отбирали – было отправлено на пересмотр. Возможно, безрассудно-смелое заявление матери сыграло роль в том, что дело отца оказалось в их числе. В августе 1939 года его выпустили. Отец считал, что спасла его мать.

Отец претерпел в жизни немало страданий и несправедливостей. Но, наверное, он все же был счастливым человеком. У него было любимое дело, и он был Мастером в булгаковском смысле этого слова. И хотя он не был обласкан режимом, не получал орденов и медалей, он получил другую, куда более ценную награду – уважение коллег, авторитет, благодарность и успехи учеников, возможность реализовать в них и в публикациях свои знания.

В.П. Адрианова-Перетц

Тридцать пять лет совместной работы

Невыразимо тяжело мне говорить в прошедшем времени о Павле Наумовиче Беркове, с которым меня связывала 35 лет научная и простая человеческая дружба. Мы в одно время вошли в Пушкинский Дом, когда он развернулся в Институт русской литературы, включивший в программу своих исследований всю русскую литературу – от ее истоков до наших дней. Работа Отдела древней литературы и Группы XVIII века естественно сближалась, как только вставала проблема традиций предшествующего времени в исторической обстановке XVIII века. Помню, с каким вниманием Павел Наумович отнесся к организации в 1934 году в Пушкинском Доме выставки “массовой рукописной русской литературы XVIII в.” Так было положено начало сближению его работы с исследовательскими планами “древников”. Образцы “массовой рукописной литературы XVIII в.”, показанные на выставке, свидетельствовали, с одной стороны, о сохранении в определенной читательской среде интереса к допетровской литературе различных жанров, с другой – о создании в XVIII веке новых произведений, отражавших условия жизни этого периода, идейные и художественные тенденции разнообразных – по преимуществу демократических – слоев общества. По тем или иным причинам эти произведения и новые переводы не доходили до печатного станка и продолжали, как и в прошлые века, распространяться в списках.

Обе эти разновидности рукописной литературы XVIII века не раз были предметом изучения на творческом пути Павла Наумовича в течение трех следующих десятилетий. Начиная с VII тома Трудов Отдела древнерусской литературы Павел Наумович публикует свои исследования по истории старинного театра, пересматривает вопрос о так называемых “петровских” повестях, публикует (совместно с В.И. Малышевым) и исследует неизвестную повесть XVIII века. Сейчас, когда Институт мировой литера-

туры АН СССР готовит к изданию весь репертуар досумароковского театра¹, исследования П.Н. Беркова помогут в решении ряда существенных вопросов, касающихся как отдельных пьес, так и некоторых общих проблем развития драматических жанров.

В начале 60-х годов Павел Наумович задумал работу по теме “История русско-немецких литературных контактов в XVIII в.”, затем сузил хронологические рамки, определив границей 1750-е годы – время, когда “и у русских, и у немцев начинается период Просвещения” и наступает качественно новый этап развития этих контактов. Однако, размышляя дальше над темой, Павел Наумович пришел к выводу, что понять по-настоящему своеобразие “культурных встреч” русских и немцев, ставших с начала XVIII века систематическими и многообразными, невозможно, не изучив, как протекали они с самого начала, то есть с киевского периода русской истории. Так исследователь вошел вплотную в материал X–XVII веков. Из широко задуманной работы Павла Наумовича над этим материалом сохранилась в окончательно обработанном виде та часть первой главы “Русско-немецкие литературные контакты в Киевский период (X–XIII вв.)”, в которой тщательно собраны и проанализированы лишь сведения латинско-немецких источников этого времени. Из нее мы узнаем, что знали о Руси в эти века немцы, какими путями получали они сведения о русских. Эта часть исследования обрывается на анализе памятников латинско-немецкой агиографии, в которых имеются исторические или легендарные упоминания о Руси. Уже в настоящем виде эта часть монографии занимает около пяти печатных листов. Возможно, при разборе архива Павла Наумовича найдется и продолжение этой главы, которая могла бы быть опубликована.

Приступая к работе над данной темой, Павел Наумович предпослал ей обширное Введение, которое имеет методологическое и теоретическое значение для литературоведения в целом. В этом Введении критически пересмотрены все разновидности сравнительно-исторических фольклористических и литературоведческих форм решения вопросов “культурных встреч”, “контактов”, четко изложена исходная позиция самого автора, намечены пути “применения метода диалектического материализма к исследованию межнациональных литературных контактов”. Это Введение следовало бы издать в журнале “Русская литерату-

---

¹ Речь идет о книгах серии: Ранняя русская драматургия. XVII – первая половина XVIII в. / Ред. колл.: О.А. Державина, К.Н. Ломунов, А.Н. Робинсон. М., 1972–1976. – Ред.

ра” с соответствующим редакторским пояснением, с какой целью была написана Павлом Наумовичем эта статья².

Нас, “древников”, сблизил с Павлом Наумовичем и еще одна вечно живая тема – “Слово о полку Игореве”. В годы, когда на Западе выступил со своей “скептической” концепцией А. Мазон, Павел Наумович включился в борьбу с ней. Опубликованные им в 1947 году (ТОДРЛ. Т. V) заметки «К истории гибели рукописи “Слова”», «о первом упоминании “Слова”» и первом объявлении о продаже его издания выполнены с характерной для него тщательностью учета всех, даже самых мелких, фактов. Эти заметки – постоянный укор тем “скептикам”, которые предпочитают “не замечать” того, что противоречит их предвзятой концепции.

Вторично Павел Наумович, со свойственной ему горячностью, включился в 1964 году в борьбу с возрождением идеи позднего происхождения “Слова”, с попыткой приписать создание его архимандриту Иоилу Быковскому. Когда в Москве было назначено обсуждение этой “концепции”, Павел Наумович писал мне (30. IV. 1964 г.): «По состоянию здоровья я поехать на обсуждение не смогу, но хочу написать свое выступление и хочу просить Д.С.-ча (Д.С. Лихачева. – *Ред.*) прочесть его там. А напишу я “круто”...» Письмо полно его действительно “крутых” замечаний по поводу “приемов”, какими доказывается “концепция” скептиков.

Это критическое выступление Павла Наумовича – один из многих примеров его бескомпромиссной требовательности к научному труду, который должен быть во всем до конца честным. Всякая попытка подтасовать факты, сделать вывод легковесно, без строжайшей проверки всех без исключения доказательств, вызывала с его стороны самое резкое осуждение, открытый протест. В ущерб своему здоровью он крайне взволнованно воспринимал всякое отступление от строгой этики научного труда. Обещание, которое он вместе с товарищами по выпуску давал при окончании университета: “Не использовать науку для собственной славы и доходов, честно служить науке...”³ – это обещание он выполнял в течение всей своей трудовой жизни и этим девизом определялись его суждения о каждой научной работе. Бывали минуты, когда он сам понимал, как дорого обходится ему эта острота восприятия научной нечестности: «Я злюсь, волнуясь, ру-

---

² Это было осуществлено. См.: Берков П.Н. Проблема влияния в историко-литературной науке / Публ. и вступ. заметки И.З. Сермана // Русская литература. 1972. № 1. С. 64–72.

³ См.: Кочеткова Н.Д. Павел Наумович Берков: [Некролог] // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1969. Т. 28. Вып. 6. С. 562.

гаюсь, переживаю и никак не могу выработать в себе философии Горация: “Nil admirari...”⁴.

Таким непримиримым был Павел Наумович и ко всем проявлениям несправедливости, душевной черствости, неблагодарности, и здесь он так же бурно выражал свои суждения. Рассказав мне в одном из писем о примере человеческой неблагодарности, он с горечью добавил: этот пример «заставляет меня признать правильность осетинской пословицы, против которой всегда восставало мое интеллигентское сознание: “Не хочешь зла, не делай добра”» (29.IV.1963 г.). Однако это была лишь вспышка горечи: “делать добро” Павел Наумович продолжал до конца жизни.

Суровый в оценке недобросовестно выполненного труда, как зато искренне радовался Павел Наумович каждой удаче товарища, ученика. Он умел так горячо выразить свою похвалу, что даже так называемые “высокие слова” в его устах звучали душевно: все ведь мы знали, что просто из вежливости он их не скажет.

Не всем нравилась эта неподкупная, порой резкая прямота и искренность Павла Наумовича, но именно эти качества создали ему много верных друзей, тяжело переживающих его безвременный уход из жизни.

Трудоспособность Павла Наумовича и широта его научных интересов были поистине изумительны. Мне всегда казалось, что он вообще не умел “отдыхать”, если под этим словом понимать перерыв в работе. В любое время года, в том числе и так называемое “отпускное”, его письма бывали своеобразным “отчетом” о том, чем он занят: из Комарова, так же как из ленинградского кабинета, он писал о темах, над которыми работает, о корректурах, обычно “срочных”, о защите диссертаций во всех концах страны, о докладах на конференциях и лекциях, о собраниях в секции книги и графики Ленинградского дома ученых, о редактировании и рецензировании и о многих других своих “добровольных” нагрузках, почти всегда материально никак не компенсируемых. Но таков уж был неутолимый, неумный интерес Павла Наумовича к самым разнообразным научным и общественным делам. Рассказывая мне в письме, написанном накануне 1 мая 1966 года, о своих мыслях, вызванных докладом об академике Н.К. Никольском как историке книги, он сам замечает: “Вот видите, и под праздник я не могу оторваться от все того же круга интересов” (письмо от 30.IV.1966 г.). Лишь иногда ему, видимо, становилось тяжело от массы неотложных дел и, посылая мне привет к при-

---

⁴ “Ничему не удивляться” (лат.). – Ред.

ближавшемуся Новому 1965 году, он признался: “У меня последние четыре месяца такая перегрузка, которую никогда не считал бы возможной не только для себя, но и для человека более молодого и сильного” (29.XII.1964 г.).

Получивший широкое признание среди советских и зарубежных филологов, этот неутомимый труженик был очень скромным в самооценке. 14 января 1967 года, откликаясь на весь цикл статей о нем, появившихся в разных советских и зарубежных журналах, Павел Наумович вспомнил ответ Ломоносова на избрание его членом Болонской академии наук: “Ничто для ученого человека дороже быть не может, как когда он от ученых же людей похвален будет”. А потом сделал шутовское примечание: «По мере того, как я читаю статьи о П.Н. Беркове – И.З. Сермана, Г.П. Макогоненко, Вашу, адрес ОДРЛ (Отдела древнерусской литературы. – *Ред.*), написанный Д.С. Лихачевым, статьи “Славия”, “Славия ориенталис”, “Език и литература”, я начинаю понемногу уважать этого автора, к которому до сих пор относился чересчур “по-домашнему”».

Скромность Павла Наумовича характерно сказалась и в том, как в 1966 году он отнесся к вопросу о выдвижении его кандидатуры на звание действительного члена АН СССР. В письме 23.IV.1966 г. он решительно отказался от этого выдвижения и писал мне: «Я считаю себя в какой-то мере историографом нашей науки и на этом основании выношу свой, “египетский”, как говорил Пушкин, т.е. строгий, нелицеприятный, суд над советскими литературоведами, над их правом на академическое кресло». И Павел Наумович назвал шесть имен литературоведов, которые, по его мнению, должны быть избраны, и лишь после этого, пишет он, “я позволю себе дать согласие на выдвижение моей кандидатуры”. Вспоминая здесь о своем избрании в члены-корреспонденты, Павел Наумович пишет: «Я это очень ценю, искренне доволен и “не рвусь в бой”...». Так закончилась наша переписка по поводу выдвижения его кандидатуры. Не скажу, чтобы ему удалось убедить нас в том, что все перечисленные им лица имели “больше прав” на высокое звание академика, но без согласия Павла Наумовича нельзя было продвигать его кандидатуру.

Очень много оставил нам Павел Наумович таких работ, которые сохраняют навсегда ценность и умело собранным в них материалом, и мастерским его исследованием. Он воспитал не одно поколение учеников, которые передадут дальше его завет честного, бескорыстного служения науке.

Л.Н. Назарова
Из книги “Воспоминания
о Пушкинском Доме”*

С Павлом Наумовичем Берковым (1896–1969), старшим научным сотрудником Пушкинского Дома АН СССР, доктором филологических наук, членом-корреспондентом Академии наук СССР с 1960 года, я познакомилась в конце 1944 или в самом начале 1945 года, когда была принята в аспирантуру Сектора новой русской литературы.

Именно тогда П.Н. Берков предложил мне и еще двум аспирантам – Л.М. Лотман и Э.Э. Найдичу (они были старше меня не по возрасту, а по аспирантскому стажу) – составить обзор литературоведческих работ последних лет. Мы распределили этот труд на три части (по хронологическому принципу) и принялись за дело. Мне это было очень интересно, так как за годы войны заниматься такого рода работой, конечно, не приходилось. К сожалению, наш обзор, по неизвестным причинам, напечатан не был, хотя мы его своевременно закончили.

В то же самое время (или немного позднее) Павел Наумович пригласил меня посещать его семинар на дому (он жил тогда на улице Глинки), который он проводил для аспирантов филологического факультета Ленинградского университета. Для этого семинара руководитель его избрал тему “Введение в технику литературоведческого исследования”. Тут для меня все оказалось новым, увлекательным и полезным!

Значительно позднее, в 1955 году, вышла в свет книга П.Н. Беркова под заглавием: “Введение в технику литературоведческого исследования. Источниковедение. Библиография. Разыскание”. Я написала на нее две рецензии. Первая была напечатана в газете “Вечерний Ленинград”, вторая (значительно расши-

---

* Назарова Л.Н. Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. С. 125–128.

ренная) в “Известиях Академии наук. Отделение литературы и языка” (1957. Т. XVI. Вып. 6. Ноябрь–декабрь).

Этот поистине замечательный и ценный труд автор подарил мне еще после газетной моей рецензии с такой надписью: “Дорогой Людмиле Николаевне Назаровой с дружеским приветом и благодарностью автора. 25. 1. 56 г.”

Общение мое с П.Н. Берковым на этом, однако, не прекратилось. Павел Наумович был ученым с самыми разнообразными интересами и устремлениями. Но все же в основном он занимался исследованиями в области истории русской литературы XVIII века и руководил в Пушкинском Доме группой, которая так и называлась “XVIII век”. Как-то Павел Наумович, зная, что я написала диссертацию о поэмах Пушкина, спросил меня, не могу ли я дать какую-нибудь статью для третьего сборника “XVIII век”, который тогда готовился к печати. Я откликнулась и написала статью “Об одной эпиграмме Г.Р. Державина”, которая появилась затем в третьем сборнике “XVIII век” (М.; Л., 1958). Годом раньше вышел энциклопедический справочник “Ленинград” (изд. “Большой советской энциклопедии”) с большой статьей П.Н. Беркова “Литература”. К разделу “Персоналии” он привлек и меня. Я написала 22 статьи о русских писателях, в основном XIX века (в конце справочника перечислены все авторы).

Хочется особо отметить очень внимательное, чуткое и доброе отношение Павла Наумовича к младшим его коллегам и ученикам, его всегдашнее желание помочь в написании тех или иных статей, в продвижении их в печать.

Приведу еще один эпизод. Когда вышел в свет IX том “Истории русской литературы”, подготовленный Сектором новой русской литературы, его обсуждали на заседании, где была, в частности, одобрена и моя статья о С.Я. Надсоне, вошедшая в том. Беркову понравилась эта статья. Надо вспомнить, что у него была в годы войны, когда он заведовал кафедрой истории русской литературы в Киргизском университете, аспирантка И.П. Карасёва, работавшая над диссертацией о Надсоне. После окончания войны она приехала в Ленинград и плодотворно поработала над рукописями поэта, которые хранятся в Публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека). Павел Наумович совершенно справедливо считал, что без ознакомления с этими материалами аспирантка не сможет написать доброкачественную диссертацию. Он познакомил меня с И.П. Карасёвой и предложил нам обеим выступить в роли подготовителей текста и примечаний (ей), вступительной статьи (мне) в 3-м издании “Стихотворений С.Я. Надсона” (в Малой серии “Библиотеки поэта”).

У Павла Наумовича не было никаких сомнений в том, что ему удастся договориться обо всем с издательским редактором – М.Я. Блинчевской. И действительно, она сначала согласилась, ибо, конечно, хорошо знала Павла Наумовича как ученого и текстолога. Но совсем неожиданно у нас с И.П. Карасёвой появились соперники в лице проф. Г.А. Бялого и его университетской аспирантки Ф.И. Шушковой. В результате издательство отдало предпочтение этой паре. И третье издание “Стихотворений С.Я. Надсона” Малой серии “Библиотеки поэта” (Л., 1957) вышло со вступительной статьей и примечаниями Г.А. Бялого. Подготовка текста была осуществлена Ф.И. Шушковой.

П.Н. Берков был вне себя от досады! Отношения двух докторов наук – Беркова и Бялого – на какое-то время даже испортились...

Между прочим, 3-е издание “Стихотворений С.Я. Надсона” я потом получила в подарок от Г.А. Бялого с таким его автографом: “Дорогой Людмиле Николаевне Назаровой с большим опозданием, но от чистого сердца. Г. Бялый. 22. IX. 58”. Я тоже могу сказать уже подлинно от чистого сердца, что, конечно, Г.А. Бялый написал прекрасную статью о Надсоне. Безусловно, гораздо лучшую, чем это вышло бы у меня. Но мне и Павлу Наумовичу было бесконечно жаль И.П. Карасева из Киргизии...

В эти же годы я очень подружилась не только с Павлом Наумовичем, но и с его женой, Софьей Михайловной, познакомилась с его сыном и внучками, бывая летом у них на даче в Комарове.

П.Н. Берков продолжал хорошо ко мне относиться. Всегда дарил свои работы, в частности, например, книгу “Александр Иванович Куприн” (М.; Л., 1956). Но особенно пространный и дорогой для меня автограф запечатлен на книге П.Н. Беркова “О людях и книгах” (М., 1965): «Дорогой Людмиле Николаевне Назаровой, своими похвалами статьям в “Вечернем Ленинграде” побудившей меня к написанию этой книги, с сердечным приветом благодарный автор. 18. XI. 65».

Однажды (думаю, что это было в 1968 году, когда широко отмечалось 150-летие со дня рождения И.С. Тургенева) П.Н. Берков предложил мне сделать доклад о прижизненных изданиях сочинений Тургенева. Это должно было состояться в Доме ученых на заседании секции книги и графики. Так как я впервые выступала там, то очень волновалась. Заседание прошло в шахматной комнате Дома ученых, под председательством В.А. Петрицкого. Задавались мне какие-то вопросы, не помню сейчас, о чем конкретно они были. В заключительном слове

председатель посетовал, что я ничего не сказала о тиражах прижизненных изданий сочинений Тургенева.

Вероятно, именно мое выступление на заседании секции библиофилов способствовало тому, что я получила пригласительный билет на собрание “светлой памяти чл.-корреспондента АН СССР Павла Наумовича Беркова”. Оно состоялось 9 сентября 1974 года и было организовано этой секцией совместно с “Ленкнигой”. Доклад “П.Н. Берков – человек и книговед” был прочитан доктором филологических наук И.З. Серманом, своими воспоминаниями поделились академики М.П. Алексеев, Д.С. Лихачев и председатель секции книги и графики Т.А. Быкова. Выступала также ученица Павла Наумовича, кандидат филологических наук Н.Д. Кочеткова. К сожалению, я почему-то не смогла быть на этом памятном собрании. Зато хорошо помню свои впечатления от доклада-воспоминаний Н.Д. Кочетковой на кафедре русской литературы филологического факультета Ленинградского университета в мае 1986 года, в ознаменование 90-летия со дня рождения П.Н. Беркова. Я была тогда в полном восторге от блестящего доклада Н.Д. Кочетковой, в котором удачно сочетался анализ деятельности ученого и его трудов с личными воспоминаниями. Я беспрестанно пыталась делиться своим восхищением с сидевшей рядом со мной женщиной, полагая, что она из университетских коллег. Была огорчена тем, что она как-то вяло реагировала на мои безудержные похвалы выступлению Н.Д. Кочетковой. Каковы же были моя растерянность и даже смущение, когда в перерыве Наталья Дмитриевна подошла к нам и сказала: “А, вы уже познакомились”, – и назвала мою соседку мамой... Таким образом, я узнала, что все свои восторги я пыталась разделять с Ниной Александровной Александровой, матерью Н.Д. Кочетковой (которая теперь доктор филологических наук, зав. Сектором русской литературы XVIII века в Пушкинском Доме).

Я не смогла быть на похоронах Павла Наумовича, так как в августе 1969 года находилась в тургеневском Спасском-Лутовинове и лишь из писем узнала о его кончине. Но светлую память об этом разносторонне одаренном ученом, по-настоящему отзывчивом и добром человеке, в то же время смелом и принципиальном, когда это требовалось (в отношениях с дирекцией и вообще с начальством разного рода), я храню до сих пор. И когда бывала на комаровском кладбище, то никогда не забывала положить цветы к памятнику на его могиле.

Л.М. Лотман

В кругу студентов и коллег

Научная и педагогическая деятельность Павла Наумовича Беркова на филологическом факультете Ленинградского университета и самое его присутствие в коллективе этого знаменитого учебного заведения оказывали значительное влияние на общую обстановку и на нравственное состояние его студентов и преподавателей.

Демократически настроенный, убежденный просветитель, Павел Наумович, будучи уникально образованным ученым, не тяготился тем, что добрая часть слушателей его лекций была слабо подготовлена. Он знакомил их со сведениями, источником которых была самая серьезная научная литература, и умел сделать их доступными и интересными студентам. В нем сочетались черты строгого хранителя заветов академической науки, требовательного профессора и доброго, снисходительного собеседника молодых людей.

На Павла Наумовича я обратила внимание в 1936 году, когда училась на втором курсе и еще не познакомилась с ним как с нашим преподавателем. Мы встречали его в коридоре, ведущем от “малого конференц-зала” – большой аудитории, в которой нам часто читал лекции Г.А. Гуковский, – к деканату, где он, останавливаясь, разговаривал с нашим лектором. Его прямая осанка и легкая походка выделяли его среди толпы, снующей по коридору. Было видно, что это профессор, но что именно он преподает, мы еще не знали. Не знали мы тогда и того, что в Пушкинском Доме организована Группа по изучению русской литературы XVIII века, ученым секретарем и душой которой стал Г.А. Гуковский, высоко ценивший П.Н. Беркова как ученого – знатока культуры и литературы этой эпохи. Лишь после того как я и мои товарищи-студенты прослушали курс Гуковского о XVIII веке русской литературы, посещали его семинар, читали труды его, П.Н. Беркова и других ученых, слушали лекции П.Н. Беркова, то есть через год и более, мы стали посетителями заседаний Группы по изучению русской лите-

ратуры XVIII века, и многие надолго сохранили интерес и своего рода привязанность к предмету ее научных занятий.

Особый интерес к культуре XVIII века, возникший в первые десятилетия XX века, имеет причины исторического и психологического характера. Политические события и общественные сдвиги этого отдаленного периода с особой остротой ставили в новую эпоху вопросы о законах истории. В XVIII веке был накоплен большой социально-политический опыт, давший огромный, зримый результат: за несколько десятилетий возникла и получила развитие литература совершенно нового типа, выросшая на почве новых социальных реалий. Сдвиги в бытовом укладе, в обычаях и в положении слоев общества, связанных с правительственными структурами, оказали влияние на творческую инициативность общества в целом. Механизмы этого культурного взрыва должны были быть важным и увлекательным предметом для изучения и осмысления в эпоху, когда вопрос о возможных последствиях подобных сдвигов стал актуальным. По сути дела, проблема состояла в том, как формировалась новая русская литература.

Книги, которые нам выдавались в специальном отделе из фондов Публичной библиотеки, были изданы в XVIII веке, и мы видели их и держали в руках старые переплеты, щупали бумагу, сделанную из тряпок, вчитывались в буквы старинного набора. Так мы осязательно прикоснулись к реальности истории, которую совсем не “проходили” в школе и очень выборочно узнавали в университете. К тому же восприятие нашей учебно-научной темы “Литература XVIII века” в нашем сознании сближалось с петербургскими впечатлениями от города. Вспоминаю, как однажды весенним днем мы, студенты, перед началом конференции, посвященной М.В. Ломоносову, прогуливались по набережной Невы в обществе Г.А. Гуковского и П.Н. Беркова, с которым мы к тому времени уже были знакомы. Напротив нас на той стороне Невы виден был памятник Петру I – Медный всадник, мы проходили мимо Двенадцати коллегий – университета, здания, повернутого “боком” к Неве по желанию А.Д. Меншикова, мимо Кунсткамеры – первого музея, созданного Петром, мимо Академии наук, неразрывно связанной с именем Ломоносова. Все возбуждало мысли о XVIII веке русской культуры, воскрешало его события. Естественно, что именно в нашем университете эта тема оказалась близка юношеству и что в этом городе возникла постоянно действующая Группа по изучению литературы XVIII века, которой в разное время руководили наши профессора: академик А.С. Орлов, Г.А. Гуковский, П.Н. Берков, а затем бывший в одно время со мной студентом Г.П. Макогоненко – ученик Гуков-

ского, впоследствии возглавивший кафедру русской литературы на филологическом факультете ЛГУ. Некоторые мои однокурсники своим постоянным участием в работе Группы внесли вклад в ее развитие (например, И.З. Серман).

В годы нашего студенчества современных учебников по истории литературы, которые мы могли бы использовать, в нашем распоряжении не было, а старые учебники были по большей части недоступны нам и не соответствовали нашему восприятию литературных текстов. Своего рода учебниками нам служили записи лекций наших профессоров, статьи и книги их и других современных литературоведов. Курсы лекций, которые нам читались, обрабатывались нашими профессорами, издавались и долгие годы пользовались заслуженной популярностью. Учебник академика А.С. Орлова был создан по стенограмме тех лекций, которые он читал нам. Он переработал их в книгу «Древняя русская литература XI–XVI веков» (М.; Л., 1937). Лекции Г.А. Гуковского стали основой его учебника для высших учебных заведений «Русская литература XVIII века» (М., 1939). Стенограммы лекций по западной литературе от древнего периода до конца XVIII века, которые нам читали А.А. Смирнов и С.С. Мокульский, более десяти лет оставались широко использовавшимся учебным пособием на филологическом факультете ЛГУ.

Углубленному усвоению курса литературы XVIII века и дальнейшему нашему образованию способствовало также осуществление большого культурного и издательского проекта «Библиотека поэта». По статьям Беркова и Гуковского в томах «Библиотеки поэта», а также по статьям и комментариям других авторов в этих томах (С.М. Бонди, И.А. Виноградова, Б.В. Томашевско-го, В.А. Десницкого, Б.И. Коплана, В.А. Гофмана и других) мы учились. По ходу этого учения мы ознакомились и с монументальной монографией П. Н. Беркова «Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750–1765» (М.; Л., 1936), которая широко открывала перед нами конкретные факты литературной жизни XVIII века, разысканные и осмысленные ученым. Появились и работы П.Н. Беркова по истории книги, стихосложения, отчасти примыкавшие к его трудам по истории литературы XVIII века. Авторитет П.Н. Беркова рос в научном обществе в годы нашего университетского созревания. Этому созреванию способствовали работы наших учителей и их труды, в том числе статьи, подготовка текстов писателей и комментарии к ним. Впервые появлялась возможность знакомства с творчеством писателей, участвовавших в становлении новой русской литературы и языка поэзии, по текстам их произведений.

Активизация научно-исследовательской мысли и расширение фактической базы науки приводили к формированию разных точек зрения ученых и к плодотворным дискуссиям. Так, например, картина интеллектуальной жизни русского общества XVIII века в трудах Г.А. Гуковского и П.Н. Беркова выглядела по-разному, при этом каждый из них был по-своему прав. Будучи широко эрудированными учеными, оба они признавали, что русское общество той эпохи стремилось не к самоизоляции, а к диалогу с европейской культурой. Но Гуковский главным “собеседником” русских деятелей искусства считал французскую литературу, а Берков – немецкую. В интерпретации Гуковского XVIII век представлялся нам веком энергичных людей, стремившихся утвердить свой идеал в обществе и его этике. Он много говорил нам о дворянской фронде и о ее претензии на гегемонию в культуре, о литературной борьбе. Павел Наумович тоже говорил о литературной борьбе, но в его интерпретации это был век ученых людей, очень тактичных, которые вели большие споры, имевшие глубокое научное значение. Они формировали русское стихосложение и русский литературный язык, имея для этого большой ученый потенциал. Мы представляли себе людей XVIII века в интерпретации Павла Наумовича аккуратными людьми в белых, подобранных в косички – “кошельки” – париках и очень учеными. А в интерпретации Гуковского представляли себе их в растрепанных париках, в ужасном воспалении борьбы, в любовных романах (Григорий Александрович даже об этом нам рассказывал), по-французски галантными. Но и то и другое было правильно. И когда Павел Наумович цитировал Ломоносова, то тот представал прежде всего как ученый человек и поэт науки. Ломоносов своему оппоненту бросал: “Кто ты есть, говори со мной по-латыни”. Павел Наумович и сам писал латинские стихи. Ломоносов Гуковского был поэт неудержимого поэтического вдохновения и фантазии, строивший целый мир из метафор, чтобы выразить свой идеал монарха, возглавляющего деятельный и мужественный народ, познающий и созидующий. Он знал французскую оду, прославляющую французский абсолютизм, но противопоставил ей собственные оды со своей оригинальной поэтической системой, соответствующие своему социальному идеалу. Не исключено, впрочем, что образовавшаяся в позднем моем воспоминании тенденция противопоставлять стиль и содержание трудов этих двух ученых определяется разницей в их характерах и в их облике.

По своему внешнему облику и манере поведения Павел Наумович был человеком воспитания XIX века. Это поколение мы

еще застали, так воспитан был и мой отец. А.П. Чехов в письме к своему брату, излагая, как должен вести себя воспитанный человек, рассказывал именно о людях этого типа. XX век принес другие представления о нормах поведения интеллигентного человека. Сейчас идеалом кажется “раскованность”. А люди типа Павла Наумовича считали нормой для себя сдержанность. И если сейчас думают, что “раскованность” – знак свободы, то тогда свободу эти люди понимали как самообладание и независимость. Это были люди великого самообладания, которое Павел Наумович, как известно, неоднократно проявлял.

Павел Наумович и Г.А. Гуковский сотрудничали в “Библиотеке поэта”, готовя и комментируя стихотворения поэтов XVIII века, совместно работали и в группе “XVIII век”, уважали друг друга как специалистов и были взаимно дружески расположены. На наш экзамен по своему курсу литературы XVIII века Григорий Александрович пригласил П.Н. Беркова в качестве ассистента. Тут мы впервые познакомились с Павлом Наумовичем. Знакомство это сопровождалось комическим эпизодом. В своих лекциях Гуковский говорил нам о современной научной литературе и иногда полемизировал с той или иной работой. В одной из лекций он спорил с автором статьи о Третьяковском, С.М. Бонди. Перед экзаменом разнесся слух, что экзамен вместе с Григорием Александровичем будет принимать очень строгий преподаватель С.М. Бонди. Правдой в этом слухе было только то, что ассистент – П.Н. Берков – был очень строгим экзаменатором. Моей подруге Нелли Рабкиной (Наумовой) достался билет с вопросом о Третьяковском. Она стала добросовестно излагать то, что на лекции говорил нам Гуковский, и пересказывать его возражения на статью в томе “Библиотеки поэта”. Автора статьи она не называла, так как была уверена, что ее экзаменует именно он. Павел Наумович, любивший точность, спросил студентку: “Кто автор статьи?”. Она робко ответила: “Автор этой статьи вы”. Берков возразил: “Нет, это статья Бонди”. Она в ответ: “Так вы же и есть Бонди”. Павел Наумович снова возразил: “Нет, я не Бонди, я – Берков”. А она: “Нет, вы Бонди”. Вот при таких обстоятельствах я познакомилась с Павлом Наумовичем. Моему приятелю, очень талантливому студенту, который, к сожалению, погиб потом на войне, Павел Наумович задал вопрос: «Почему у Я.Б. Княжнина в трагедии “Вадим Новгородский” герой назван Рурик, а не Рюрик?» Студент, считавшийся эрудитом на курсе, этого не знал и ужасно огорчился. Спросили Григория Александровича – он тоже этого не знал. А у Павла Наумовича не посмели спросить, а он, конечно, имел свои соображения. Можно пред-

положить, что это что-нибудь связанное с источниками, по которым Княжнин знакомился с историей. Так это и осталось загадкой – “почему Рурик?”.

На следующий год Павел Наумович читал нам курс источниковедения. В своем огромном портфеле он приносил все справочники и библиографии, раскладывал их на столе и рассказывал об особенностях и назначении каждой из этих книг. Он говорил о них с любовью и даже нежностью, которая нам, еще не имевшим опыта самостоятельной работы, была не до конца понятна. Но то уважение и теплота, с которой он характеризовал составителей этих справочных изданий, говорили об их научном подвиге, воздействовали на наши чувства. Впоследствии в своей содержательной книге “О людях и книгах” (М., 1965) он опубликовал некоторые из этих рассказов. В это время мы с ним уже постоянно обменивались нашими статьями и книгами, когда они выходили. И эту книгу Павел Наумович тоже подарил мне.

Еще в студенческие годы я бывала изредка по разным делам в доме, где жили Павел Наумович и Г.А. Гуковский. Когда я оказалась в первый раз в этом знаменитом особняке, где были их квартиры, меня поразили старые паркетные полы, немного покатые, но из хорошего дерева, шкафы с прекрасными книгами. У Григория Александровича была уникальная библиотека XVIII века. Я протянула руку к полке и сразу же достала “Детское чтение” Карамзина. А Павел Наумович, знакомя со своей богатой библиотекой, повел меня в отдельную комнату, где были собраны все библиографические издания. Я подумала: “Ну зачем целая комната библиографии?” Павел Наумович открыл ящик картотеки и показал, что ведет учет всех современных работ, которые выходят из печати. Там стояла карточка на мою первую, единственную к тому времени печатную работу. Он указал мне на нее и сказал: “Вот, положено начало”, дав таким образом мне понять, что верит в мое будущее.

Когда Павла Наумовича арестовали, нас, студентов, собрали в большой комнате, пришел сотрудник НКВД и прочел нам лекцию о том, что Берков – враг, который проник в университет и выдал себя за ученого. При этом он все время называл его Berkoff, намекая, что он наверное немец. На следующей своей лекции Г.А. Гуковский обратился к студентам – слушателям, которые, как всегда, до отказа заполняли зал: “Я хочу вам сказать, что хорошо знаю Павла Наумовича, дружил и дружу с ним многие годы. Это честнейший человек и прекрасный ученый и преподаватель”. Тот факт, что Григорий Александрович назвал Беркова не по фамилии, а по имени и отчеству, изменял ситуацию,

возвращая его в число порядочных людей, не говоря уже о характеристике, данной ему авторитетным и любимым студентами профессором. Этот поступок Гуковского в обстановке тех лет был чрезвычайно смелым. Он имел вид публичной акции. Для нас же, студентов, безусловно, его слова перевесили то, что было сказано нам до этого.

Освобождение Павла Наумовича из тюрьмы после того, как ему предъявлялись обвинения в государственных преступлениях, не было рядовым явлением. Имели широкое хождение рассказы о том, как Берков, пользуясь своим знанием иностранных языков и реалий западной жизни, заставил следователя поверить в фантастическую историю того, как он осуществлял свою шпионскую деятельность; и когда следователь поверил ему и все это занес в материалы судебного дела, Павел Наумович продемонстрировал нелепость этой истории и аргументов следствия. Не знаю, что в этих рассказах соответствует действительности, но в них отразилась непререкаемая вера в исключительную эрудицию и самообладание Павла Наумовича.

Политические обвинения, которыми ему угрожали в заключении, были с Павла Наумовича сняты, но и в дальнейшем он не был гарантирован от подозрений и самых нелепых наветов. То обстоятельство, что он учился в университете в Вене и приехал из-за границы в Россию, делало его в глазах начальственных наблюдателей неблагонадежным. Это питало фантазию борзописцев, строчивших доносы в виде газетных статей. Во время “антикосмополитической” кампании, когда травля ученых и литераторов была поддержана свыше, П.Н. Берков, одной из научных проблем исследования которого была проблема связей русской классической литературы с международными литературными явлениями, стал объектом ожесточенных нападок.

Во время одного многолюдного научного заседания, где с пристрастием обсуждались “идейные ошибки” Павла Наумовича¹, его очень оригинальным способом выручил профессор В.А. Десницкий. Знаток литературы XVIII века, Десницкий напал на Павла Наумовича с критикой частных в его работах. Павел Наумович, вынужденный кротко сносить нелепые политические обвинения “проработчиков”, так как спорить с ними было бесполезно и опасно, стал возражать Десницкому по существу его замечаний. Их спор касался профессиональных научных во-

---

¹ Речь идет об одном из заседаний ученого совета ИРЛИ в марте 1953 г., на которых обсуждалась книга П.Н. Беркова “История русской журналистики XVIII века”: (1952). – Ред.

просов, был академически серьезен и вежлив. В эрудиции соревноваться с Берковым было трудно, его возражения были весомее. И начальство, сидевшее за столом президиума и жаждавшее расправы с “еретиком”, и слушатели стали скучать и начали расходиться. Аудитория поредела, и заседание закончилось мирно, без грозных выводов и решений. Павел Наумович, очевидно, не был обижен на Десницкого за эту полемику в тяжелый для него момент. Во всяком случае, через много лет, в 1971 году, в “Ученых записках Ленинградского педагогического института им. Герцена” были напечатаны его воспоминания о В.А. Десницком, а в журнале “В мире книг” в 1969 году появилась его статья об уникальной библиотеке Василия Алексеевича.

Курс литературы народов СССР П.Н. Берков стал читать, сменив И.П. Еремина, который вел этот курс у нас до того. Исследователь и тонкий интерпретатор текстов древнерусской литературы, И.П. Еремин стремился передать стиль и колорит каждой из национальных литератур. П.Н. Берков обстоятельно рассматривал историческую судьбу литератур и судьбы авторов, создававших и развивавших их.

Среди своих слушателей П.Н. Берков замечал приезжих, интересовался ими, проявлял сочувствие к их положению в чужом для них городе. Он отмечал талантливых студентов этой категории, всегда готов был им помочь преодолеть бытовые трудности. Сам Павел Наумович в начале своего пребывания в Петрограде чувствовал себя “приезжим”, его “малая родина” тоже была удалена от столицы, культура окраин России не была для него экзотикой. В родном своем городе Аккермане он уже в гимназические годы занимался собиранием сведений по истории родного города, соединяя интерес к этнографии края с поисками следов античной древности. Впоследствии, учась в Венском университете, Павел Наумович приобщился к египтологии, но докторскую диссертацию, которую он защитил по окончании университета, основал на своих занятиях славяноведением и посвятил А.П. Чехову и русской действительности его времени.

Учениками Павла Наумовича, ставшими его друзьями, были белорус Ю.С. Пширков и осетин Н. Джусойты – оба творческие, активные и преданные науке молодые ученые. Я знала и того и другого в годы, когда их трудовой и творческий путь был в самом начале.

С Юлианом Пширковым мы были студентами одного курса, учились в одно и то же время и слушали лекции Павла Наумовича в одной аудитории. Юлиан Пширков приехал в Ленинград из Белоруссии, где до того он уже несколько лет был учителем.

Он смотрел на молодых студентов как старший, очень серьезно занимался и по всем предметам получал только лучшие отметки. Он был очень добросовестен и даже обстоятелен, и когда на экзамене преподаватель прерывал его ответ, убедившись, что он очень хорошо подготовился, и говорил: “Ну хорошо, это вы знаете, довольно”, он возражал: “Нет, я еще маленечко расскажу”. Ему хотелось продлить приятный разговор с учителем. У нас с Юлианом была взаимная симпатия, мы были в дружеских отношениях. Павел Наумович обратил внимание на этого студента, оценил его серьезность и сочувствовал его любви к родному краю и к родной ему белорусской литературе.

С Нафи Джусойты (Джусоевым) я встречалась в Институте русской литературы, когда он был аспирантом, а я научным сотрудником Пушкинского Дома Академии наук.

Ю. Пширков и Н. Джусойты стали постоянными и преданными друзьями Павла Наумовича. Он руководил подготовкой их кандидатских диссертаций, принимал участие в подготовке докторских диссертаций, оппонировал на их докторских защитах.

После окончания Ленинградского университета Ю. Пширков уехал в Минск, принял участие в Великой Отечественной войне, был причастен к партизанскому движению, а после войны стал видным ученым-литературоведом Белоруссии, членом-корреспондентом Белорусской академии наук. Н. Джусойты стал членом-корреспондентом Грузинской академии наук, директором научно-исследовательского института Южной Осетии.

Мой брат Ю.М. Лотман, вернувшийся после войны и демобилизации из армии в университет, слушал, как и я в свое время, лекции Павла Наумовича, считал себя его учеником, и в статье, посвященной П.Н. Беркову после его смерти, писал: “Павел Наумович Берков был ярким представителем того особого типа ученого, который выработан традицией русской университетской науки. Без людей этого типа университет может остаться учебным заведением, но он перестанет быть университетом”. Далее Юрий Михайлович определяет те черты характера и деятельности Павла Наумовича, которые свидетельствуют о том, что в нем был воплощен тип “университетского профессора”: “...ученик должен верить, что эрудиция его учителя безгранична, должен верить в знания своего учителя. Обширность знаний Павла Наумовича была такова, что границы их исчезали из поля зрения его учеников. Огромная память, годы упорной работы, особый, свойственный только ученому склад мысли позволяли ему держать в сознании одновременно необъятное количество фактов, сведений, идей и гипотез... Безусловное доверие к научной и

человеческой этике учителя так же необходимо для ученика, как и вера в его эрудицию. Рыцарское отношение к науке и миссии ученого неотделимо от облика П.Н. Беркова, вошедшего в сознание его учеников”². Юрий Михайлович говорил и о других особенностях личности Павла Наумовича, но, безусловно, эта названная им черта Беркова была ему особенно близка. Он постоянно духовно обращался к своему учителю.

Павел Наумович был оппонентом Ю.М. Лотмана на защите и кандидатской, и докторской диссертаций и со свойственной ему тщательностью изучил эти диссертации и спорил с Юрием Михайловичем каждый раз всерьез, а не условно, как часто это делается. Юрий Михайлович отвечал ему на том же научном уровне. Недаром в статье, посвященной Павлу Наумовичу, он специально отметил умение Беркова понимать чужую мысль, проявлять к ней интерес и его серьезность при обсуждении диссертаций.

Научные споры Павел Наумович вел увлеченно и настойчиво по поводу не только важных, кардинальных проблем, но и по частным вопросам. Каждый факт, каждое утверждение были для него значимы как часть истины. Мне запомнился спор между Павлом Наумовичем и другим виднейшим эрудитом-филологом Б.В. Томашевским. Они горячо поспорили о значении какого-то слова в русском языке начала XIX века. Павел Наумович сильно распался и заявил Томашевскому: “Я вам со словарями в руках докажу, что я прав”. А Томашевский ответил: “Вы не верьте словарям, я сам их составлял”. В этом обмене репликами проявилась особенность характеров как Павла Наумовича, так и Бориса Викторовича. Берков был человек скрупулезный, научно необыкновенно добросовестный. И такими же он хотел видеть своих коллег. И словари были для него серьезными научными источниками. А для Томашевского словарь был полем экспериментов, разысканий и неизбежных ошибок. Он даже хотел писать большую работу о природе ошибок памяти и психологии опечаток. Павел Наумович был идеалист, а Томашевский – скептик.

Павел Наумович отличался необыкновенной научной памятью. Я знала лишь нескольких подобных уникальных ученых. Мне приходилось у них консультироваться, и они всегда давали небанальные ответы на вопросы. Когда о чем-то спрашивали Павла Наумовича, он засыпал сведениями, а Борис Викторович проявлял остроумие. Когда мы готовили восьмой том академического Собрания сочинений Гоголя, а редактор тома Томашев-

---

² Лотман Ю.М. Павел Наумович Берков // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 15 (1970). С. 383–384.

ский уехал в Гурзуф, перед нами встала проблема: по цензурным правилам того времени мы не имели права печатать слово “Спаситель” с большой буквы, но “Креститель” можно и даже должно было печатать с большой буквы. Печатание слова “Спаситель” со строчной буквы диктовалось обязательностью атеизма как государственной идеологии. Эти бессмысленные требования цензуры должны были строго соблюдаться. Между тем в тексте пресловутого произведения Гоголя “Выбранные места из переписки с друзьями” слова “Спаситель” и “Креститель” встречались почти что рядом. Мы написали об этой коллизии Борису Викторовичу, и он ответил, чтобы мы не очень мучились. “Спаситель” с маленькой буквы означает, что он на самом деле спас, а “Спаситель” с большой буквы означает имя собственное, данное лицу спасшему или спасающему. Так что, собственно говоря, это одно и то же.

Павел Наумович, давая совет или комментируя какой-либо факт, обогащал нас сведениями о полезных для нас данных научной литературы. У него была эта удивительная особенность: он был своего рода компьютером. У себя на даче он, сидя на скамеечке и положив рукопись на табуретку, в течение летних месяцев написал “Историю русской комедии XVIII века”, черпая данные – даты, факты и имена – из необъятного запаса своей памяти и подготовленных для работы материалов, а после окончания летнего отпуска проверил в библиотеке фактическое содержание рукописи.

Ученики перенимали у Павла Наумовича некоторые черты его характера, привычки, его отношение к научному труду. Моя сестра Виктория Михайловна – заведующая кардиологическим отделением больницы Академии наук – рассказывала, что когда Павел Наумович, ее пациент, лежал в больнице, при нем было много книг и диссертаций, они стояли стопками. Он постоянно занимался, но время от времени распрямлялся, прохаживался по коридору и делал легкие физические упражнения. И когда я видела, как мой брат Юрий Михайлович встает из-за стола и распрямляет спину, я сразу узнавала движения Павла Наумовича. Признак настоящего авторитета учителя, когда ученик начинает внешне подражать ему в манерах.

В отношениях Павла Наумовича и его учеников было много трогательного. Когда он тяжело болел и лежал в Боткинской больнице, куда не пускали посетителей, Наталия Дмитриевна Кочеткова, тогда молоденькая девушка, лазила к нему через забор и носила цветы – каждый день другой букетик. Санитарка спросила Павла Наумовича: “Кем она вам приходится? Внуч-

кой?” А он ответил: “Нет, не внучкой, а ученицей, а это все равно”. Отношение к своим ученикам как к любимым детям было присуще Павлу Наумовичу, и все это знали.

После смерти Павла Наумовича возник вопрос о его уникальной библиотеке. Библиотека писателя, а тем более ученого, его alter ego, в особенности такая библиотека, как библиотека Беркова, которая собиралась систематически и с глубоким знанием литературы и истории книги, книгоиздательства и библиографии. В Ленинграде ни одно учреждение не соглашалось сохранить библиотеку Павла Наумовича целиком, как отдельное собрание, и библиотека уехала в Минск, не без помощи Ю.С. Пширкова. Она, несомненно, явилась для Белоруссии ценнейшим приобретением и на много десятилетий стала источником важных сведений для тех, кто учится и кто учит. Для России и, в частности, для Петербурга ее утрата очень ощутима. Историк И.С. Шаркова сетовала, что одна книга об истории итальянской литературы, которая хранилась в библиотеке П.Н. Беркова, теперь недоступна, так как другого ее экземпляра в Петербурге нет. Этот случай не будет уникальным и в дальнейшем.

П.Н. Берков преподавал в Ленинградском университете и работал в Институте русской литературы в одно время с Б.В. Томашевским. Они не походили друг на друга ни внешне, ни манерой поведения, ни методом подхода к изучаемому материалу, но оба были академическими учеными новой исторической эпохи и к научной деятельности относились во многом сходно. Оба они были сторонниками положительных знаний, науки, которая отвечает всем своим авторитетом и добрым именем за свои утверждения, за факты, материалы и новации, которые вносит в сознание современников.

Следует ли напоминать, что наука существовала не в безвоздушном пространстве, что деятели “лозунговой” юбилейно-пропагандистской публицистики пользовались большим одобрением и поддержкой, чем требовательные ученые-“идеалисты” и “скептики”? В моей памяти сохранился такой эпизод: Павел Наумович на заседании, в ходе которого обсуждался вопрос об атрибуции текста маргиналий знаменитому писателю XVIII века, потребовал от докладчика, восторженно говорившего о своем открытии, более весомых доказательств принадлежности их текста данному автору. Тогдашний директор ИРЛИ прервал его выступление резким замечанием: “Вам следовало бы поучиться патриотизму у докладчика”. Очевидно, он иначе, чем Павел Наумович, относился не только к докладу, но и к понятию “патриотизм”.

Точность и доказательность в науке для Павла Наумовича были сходны с нравственной добродетелью. Нередко и Б.В. Томашевский конфликтовал с дирекцией. Оба они ощущали свою ответственность за науку во всем ее объеме, за ее уровень и за состояние всех ее структур – основных и вспомогательных. Поэтому учениками Павла Наумовича были не только студенты, но и работники научных библиотек, членом ученого совета которых от являлся, и исследователи истории книгоиздательства, и архивисты. Но университетские студенты для него всегда были более близкими, более “родными” учениками.

Давно отмечено, что смерть человека открывает современникам, кем он был при жизни и чего они с его смертью лишились. Павел Наумович был мэтром академической науки. Когда делались попытки поколебать авторитеты академической науки, “доставалось” и ему. По большей части это были нападки в газетах, невежественные и недобросовестные, но его они огорчали, так как, будучи человеком очень скромным, он пытался в любой, даже такой, критике рассмотреть зерно справедливости.

Похороны Павла Наумовича высветили глубокую, органичную его принадлежность к миру академической науки. День похорон был солнечным и очень жарким. По высоким, крутым ступеням главного здания Академии наук в Ленинграде двигалась бесконечная вереница людей, чтобы принять участие в гражданской панихиде, которая должна была состояться в зале второго этажа. Зал заполнился до отказа. Поражало большое количество людей в траурных черных костюмах и платьях. Их черные фигуры контрастировали со светлой одеждой людей, одетых по летнему, по погоде. Несмотря на духоту, которая царила в зале, торжественные траурные речи были обстоятельны и панихида продолжалась довольно долго. По окончании ее участники траурной церемонии, выступавшие и слушавшие, подходили к вдове Павла Наумовича, выражая ей соболезнование. Образовалась очередь. Я была в хвосте этой очереди, и когда подошла к Софье Михайловне, она будто проснулась, вышла из оцепенения и обратилась ко мне с вопросом: “Лидия Михайловна, что это происходит? Что мы делаем?” Этот вопрос словно пронзил меня. Очевидно, увидев меня, она вспомнила ту атмосферу легкой шутки, которая сопровождала разговоры Павла Наумовича со мной. Он постоянно “подразнивал” меня. Вероятно, на какое-то мгновение у нее промелькнула несбыточная, фантастическая мысль, что я, ученица Павла Наумовича, скажу ей, что все это сон, и действительность, которую она не могла принять, исчезнет. Я отошла, так и не ответив на ее вопрос. Один за другим к ней подходили

ученые, отдавая дань уважения и любви своему товарищу – заслуженному члену сообщества академической науки. Иначе выразил свою скорбь и свое почтение к ушедшему учителю Нафи Джусойты. На кладбище он отстранил могильщика и, взяв у него лопату, сам стал рыть могилу, оказывая эту последнюю услугу своему научному руководителю, по древней восточной традиции, как близкий, родной человек.

Через несколько лет после этих печальных событий Софья Михайловна и Валерий Павлович Берков, известный лингвист, автор трудов по скандинавским языкам, прислали мне на память вышедшую посмертно книгу Павла Наумовича “История русской комедии XVIII в.” с трогательной, взволновавшей меня надписью: “...в знак глубокой привязанности”. Павел Наумович, даря мне свои работы, ограничивался традиционными обращениями, лишь один раз изменив этой традиции в надписи, сделанной 8 февраля 1950 года. Своим четким и столь знакомым почерком он написал: “Дорогой Лидии Михайловне Лотман от старого и злого учителя с лучшими намерениями”. Это стало своего рода извинением. За несколько дней до того он со всем пылом своего рыцарского сердца отчитал меня за невинную шутку в адрес почтенного профессора – его друга. Я не обиделась на него, понимая, что эта горячность объясняется его добротой. И сейчас, когда я перечитываю и просто листаю его книги и встречаю в них или на оттисках статей традиционную надпись: “Дорогой Лидии Михайловне с приветом от автора”, я ощущаю эти слова как теплое, живое обращение, как привет и ободрение.

Ф.З. Канунова

Представитель петербургской научной школы

Я и мои сверстники имели счастье учиться в 40-е годы в Ленинградском университете, филологический факультет которого был одним из самых блистательных в мире. Там одновременно трудились М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов, А.А. Смирнов, Б.М. Эйхенбаум, Г.А. Гуковский, А.С. Орлов, М.К. Азадовский, И.Г. Ерёмин, В.Я. Пропп, Н.И. Мордовченко, Г.А. Бялый, И.Г. Ямпольский, П.Н. Берков – и это еще далеко не все.

Огромное влияние на своих учеников оказал профессор П.Н. Берков. После ухода из жизни Гуковского и Эйхенбаума он оказался наставником, повлиявшим на мою деятельность в Томском университете и на жизнь нашей кафедры русской литературы в 60–70-е годы. Но обо всем по порядку.

П.Н. Берков читал нам курс истории русской литературы XVIII века в весеннем семестре 1940/41 учебного года. До него этот курс читал Г.А. Гуковский. И мы, можно сказать, с некоторой настороженностью ожидали другого профессора. Но вот вошел в аудиторию легкой, стремительной походкой молодой, красивый, с осанкой потомственного русского интеллигента, П.Н. Берков. Он завоевал наше доверие к себе сразу. Это и блестящая речь, и удивительная память, позволявшая держать в сознании сотни разнообразных фактов русской и мировой литературы и культуры, и умение глубоко чувствовать самые сложные и поразительные связи явлений. В русскую литературу XVIII века, в ее историю, философию, культуру Павел Наумович вошел как власть имущий. Он был всемирно признанный исследователь, перу которого принадлежали многие десятки новаторских исследований о литературе XVIII века – от обширнейших обобщающих монографий до сотен уточняющих или открывающих новые факты заметок.

На просеминарии Павла Наумовича мы обучались технике литературоведческого труда. Не жалея времени, Павел Наумо-

вич учил нас делать первые шаги по библиографии, составлению конспектов, изучению истории вопроса. От каждого из нас он требовал фактической достоверности, решительно не принимал неряшливости, неточных формулировок, неаргументированных широковещательных заявлений, учил не бояться “трудных тем”, любил повторять, что “наука движется от известного к неизвестному”. Направляя энергию студентов на разыскание новых фактов, он хотел, чтобы в каждой работе были хотя бы маленькие открытия. Но более всего Павел Наумович учил своей деятельностью профессора, своими обширными знаниями, за которыми угадывался огромный, непрерывный творческий труд, ставший, как мы очень рано поняли, сутью его жизни.

Экзамен по курсу истории русской литературы XVIII века мы сдавали 21 июня 1941 года, накануне начала Великой Отечественной войны. Затем была эвакуация, и мы вынуждены были разъехаться в разные края. Павел Наумович продолжал свою деятельную научную жизнь в Киргизии, а университет в марте 1942 года эвакуировался в Саратов.

Встретились мы, его студенты, лишь в 1944 году, когда после снятия блокады вернулись в Ленинград. Здесь мы еще раз воочию убедились, что такое феноменальная память Беркова. Увидев нас, расчищающих траншею перед университетом, Павел Наумович со свойственной только ему одному приветливостью подошел к нам и не только узнал, но каждого назвал по имени и фамилии, а ведь прошло три года.

Совершенно особое впечатление на всю жизнь оставил спецкурс по источниковедению, который Павел Наумович прочел нам – уже аспирантам – в своей домашней библиотеке в доме на улице Глинки. С благодарностью и восхищением говорил он о лучших справочных изданиях. А.В. Мезьер, И.В. Владиславлев, А.Г. Фомин, И.И. Мацуев представляли в рассказе Павла Наумовича как яркие личности и даже как поэты. Очень наглядно и конкретно раскрывался перед нами процесс литературоведческого разыскания, связанный с большим трудом, терпением, научной пытливостью. В этой, казалось бы, будничной работе Павел Наумович видел свою поэзию. С восторгом говорил он о библиографической эвристике и библиографическом литературоведении. Из этих занятий выросла его книга “Введение в технику литературоведческого исследования” (Л., 1955).

Все это имело особый смысл для нас еще и потому, что каждый из нас знал Павла Наумовича как человека широчайшей культуры и уникального образования, в совершенстве знавшего классическую филологию, египтологию, германистику, многие языки.

Интересен, например, такой факт. Однажды на юбилее И.М. Тронского Я.М. Боровский преподнес юбиляру стихотворное посвящение на латинском языке. Здесь же на торжественном заседании, пока выступали другие ораторы, Павел Наумович перевел это приветствие на русский язык в стихах и прочел его собравшимся.

Напутствуя меня перед отъездом в Томск, Павел Наумович сказал, что еду я в хороший университетский город и должна служить ему, как он служил Киргизии, исследовать литературу и культуру края, и главное – настойчиво рекомендовал заняться изучением ценнейшей библиотеки Томского университета. Впоследствии, когда я по его просьбе привезла ему очень добротный каталог Научной библиотеки, он, обрадованный этим приобретением, убеждал меня в необходимости исследования коллекции книг библиотеки В.А. Жуковского, говоря, что очень многое слышал о ее уникальности от М.П. Алексева.

И в дальнейшем П.Н. Берков продолжал оставаться моим наставником и вдохновителем. Благодаря ему я, а затем и мои ученики установили прочные контакты с ИРЛИ (Пушкинским Домом) – секторами XVIII века и новой русской литературы, а впоследствии с отделом пушкиноведения. Он настойчиво советовал мне обсуждать свои рукописи (я тогда исследовала художественную прозу Н.М. Карамзина) на научном семинаре Сектора XVIII века ИРЛИ. Павел Наумович присылал мне многие свои книги, познакомил меня с ведущими учеными Пушкинского Дома, с некоторыми из них у меня установились прочные научные связи.

У меня сохранилось несколько писем Павла Наумовича 60-х годов, в которых эта забота учителя о моем научном росте хорошо ощущается. Так, в письме от 20 февраля 1962 года после несостоявшейся (по моей вине – болезнь отца) встречи в Москве Павел Наумович написал мне: “Дорогая Фаина Зиновьевна! Мы (...) были очень огорчены, не встретившись с Вами в Москве 5–7. II. Ваше вчера привезенное мне из Ленинграда письмо объяснило причины этой не встречи. Рад, что Вашему отцу легче. На 23 февраля у нас уже назначен доклад И.З. Сермана. Ваш, если Вы сможете приехать в Ленинград, мы поставим в качестве внеочередного на любое для Вас подходящее время. Это может быть и в начале марта, и не обязательно в последнюю пятницу.

Ответ на это письмо, если он последует, прошу отправить по комаровскому, а не ленинградскому адресу: мы живем всей семьей в Комарове, а в Ленинграде бываем несколько раз в неделю, и ненадолго. Если приедете в Ленинград, постарайтесь позвонить к

нам (на ленинградскую квартиру, т. А-3-00-53). Если никто не ответит, черкните нам открытку в Комарово – она будет у нас на следующий день, не позже.

Сердечный привет Вам от С.М. (Софья Михайловна – жена, большой друг и соратник Павла Наумовича. – Ф.К.) и меня. Искренне Ваш. П. Берков”.

Сохранились у меня и другие знаки его пристального и заинтересованного ко мне внимания. 22 марта 1966 года он пишет следующую записку: “Дорогая Фаина Зиновьевна! Очень жалею, что 14 марта не видел Вас в ИРЛИ и не мог передать книгу. Я оставил ее Н.Д. Кочетковой в надежде, что ей больше посчастливится, но и она Вас не нашла. Посылаю Вам книгу по почте и прошу не забывать искренне уважающего и преданного Вам П. Беркова”.

Павел Наумович строго следил за тем, чтобы я принимала участие во многих конференциях, организованных Сектором русской литературы XVIII века ИРЛИ и по возможности чаще публиковала свои статьи в сборнике “XVIII век”.

Говоря о П.Н. Беркове, необходимо отметить еще одну особенность. Высочайший авторитет ученого, университетского профессора зиждется, как говорил Ю.М. Лотман, на “безусловном доверии к его научной и человеческой этике”. Павлу Наумовичу, как и многим его коллегам, пришлось жить и работать в тяжелое и противоречивое время. Но в самые сложные периоды своей жизни он сохранял важнейшие черты русского интеллигента – он никогда не поступался высокой честью ученого. Он помогал и защищал людей даже тогда, когда это было опасно. Иначе он не мог.

Мне на всю жизнь запомнился Павел Наумович и его выступление, связанное с конфликтной ситуацией, возникшей на защите моей кандидатской диссертации в ноябре 1948 года. Тема работы – «Литературная жизнь и общественная позиция “Московского вестника”». Это журнал Любомудров, молодых шеллингианцев Д.В. Веневитинова, С.П. Шевырева, И.В. Киреевского и др. Активное участие в журнале принимал А.С. Пушкин (1827–1830). Тема, которую мне предложил мой научный руководитель Б.М. Эйхенбаум и над которой я с удовольствием работала, была в конце 40-х годов опасной. Но защита состоялась, и после весьма положительной оценки моих официальных оппонентов, Г.А. Гукковского и П.Н. Беркова, выступил молодой московский аспирант В. Архипов, работавший над диссертацией по А. Бестужеву. Он резко осудил меня за то, что в своей работе я недостаточно учитываю общественную борьбу в литературе, исповедую так на-

зываемую теорию “единого потока” истории и литературы и позволяю себе сближать позицию Любоумудров и Пушкина и даже – что совсем “преступно” – Любоумудров с декабристами. “Ведь Ленин, – говорил В. Архипов, – утверждал, что декабристы разбудили Герцена. При чем же здесь Любоумудры?..”

В мою защиту выступили Н.И. Мордовченко, М.К. Азадовский, В.Я. Пропп, В.М. Жирмунский; второй раз выступили официальные оппоненты. Возражая Архипову, Павел Наумович сказал знаменитые слова, которые я много раз повторяла своим ученикам: “Подлинная культура объединяет, а не разъединяет; не понимая этого, мы обязательно зайдем в тупик”.

Павел Наумович любил шутку, посвящал своим коллегам веселые четверостишия. Например, Г.А. Гуковскому:

Гуковский Григорий,
Гуковский Григорий,
Садитесь и пейте
Без всяких теорий.

Или Г.А. Бялому, одному из самых блистательных лекторов:

Кто новый наш Орфей?
Кто словом движет скалы?
Профессор Бялый!

Хотелось бы два слова сказать о замечательном доме Павла Наумовича и Софьи Михайловны Берковых на 13-й линии Васильевского острова. Это был деревянный особняк, который они занимали вместе с Г.А. Гуковским. С трепетом мы подходили к этому дому, уютному, хлебосольному, открытому для всех учеников Павла Наумовича. Здесь в гармоничной, сердечной, человеческой атмосфере, которую умела создавать обаятельная Софья Михайловна, было хорошо всем.

В Томском университете авторитет П.Н. Беркова, В.Я. Проппа, Г.А. Гуковского, Б.М. Эйхенбаума, М.П. Алексеева, В.М. Жирмунского, Г.А. Бялого и вообще петербургской филологической школы исключительно высок. И если я по-настоящему счастлива, то, наверное, в том, что мне удалось передать своим ученикам чувство пиетета перед этой уникальной школой, сохранить, в меру наших сил, неразрывные преемственные связи с ее традициями.

Н.Д. Кочеткова
Ученый-гуманист

«Без энтузиазма, без “романтики” не совершается ни одно большое явление истории, истории культуры», – так писал Павел Наумович Берков в своей работе с характерным заглавием: “Мезьер – библиограф-романтик”¹. Названные качества были в высшей степени присущи самому ученому, человеку энциклопедической образованности, университетскому профессору, щедро делившемуся своими знаниями с многочисленными учениками, которые хранят о нем благодарную память.

С каждым годом становится все меньше людей, знавших Павла Наумовича лично, помнящих его благородный облик, стремительную походку, удивительные глаза, которые выдавали его внутреннюю доброту, спрятанную за внешней суровостью. Тем важнее сейчас рассказать об этом человеке, воплотившем в себе лучшие черты российского интеллигента.

Тем, кому довелось слушать университетские лекции профессора Беркова, заниматься у него в семинаре, работать под его руководством, пользоваться его советами, наконец, просто беседовать с ним, выпало в жизни большое счастье. Общение с таким человеком не только вселяло глубокое уважение к его образованности, но давало какой-то удивительный нравственный заряд, помогавший и помогающий до сих пор не только работать, но и жить.

Павел Наумович жил в сложное, трудное время. Его непосредственно коснулись общие беды страны: политические репрессии, война, борьба с “космополитизмом”. Но всегда оставалось и помогало главное – служение науке, удивительная вера в победу истины и доброты.

---

¹ Берков П.Н. Избранное: Труды по книговедению и библиографоведению. М., 1978. С. 187.

По его собственным словам, он “с детства был окружен книгами и рос среди книг и людей, любивших книги и чтение”². Этот интерес и любовь к книгам, к литературе и ее истории становились все более глубокими в гимназические годы и предопределили решение П.Н. Беркова поступить на историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе. Как рассказывал Павел Наумович, по окончании Венского университета, где он учился, покинув Одессу, во время промоции (торжественной церемонии в честь выпускников) произносилась клятва: не использовать науку для собственной славы и доходов, честно служить науке, открывать истину и сообщать ее другим людям. Этой клятве П.Н. Берков оставался верен до конца своей жизни.

С Петроградом-Ленинградом связана основная часть его жизни, педагогической и научной деятельности. Любовь к своему городу, его истории и культурным традициям Павел Наумович умел передавать своим ученикам – школьникам, затем студентам, аспирантам, коллегам. Он сам становился воплощением этих лучших традиций; знавшие его лично вспоминают о присущих ему чертах: внешняя строгость и сдержанность, решительное неприятие всякой пошлости и бесцеремонности и, вместе с тем, благородная простота в общении независимо от чина и звания. Многие находили, что у Павла Наумовича было что-то общее с полководцем Суворовым: и во внешности (особенно когда он стал совсем седым), и в бесстрашии перед сильными мира сего, в готовности встать на защиту несправедливо обиженных.

Когда в 1956 году я поступила на русское отделение филологического факультета Ленинградского университета, мне повезло слушать замечательных профессоров: на первом курсе Владимир Яковлевич Пропп читал нам фольклор, Игорь Петрович Ерёмин – древнерусскую литературу. Со второго курса в 1957 году начинались лекции Павла Наумовича Беркова по русской литературе XVIII века. Он читал без всяких внешних эффектов, в сдержанной, может быть даже чуть суховатой, манере, но постоянно чувствовались его глубокий интерес к этой эпохе, преданность своему делу и внимание к слушателям. Совсем незадолго до этого с имени соратника и друга П.Н. Беркова, Г.А. Гуковского, был снят негласный запрет, связанный с тем, что ученого незаконно репрессировали в 1949 году и он скончался в тюрьме в 1950-м. Учебник Г.А. Гуковского “Русская литература XVIII века” (1939) был большой редкостью, и не одно поколение

---

² Берков П.Н. Биография моей библиотеки // Берков П.Н. Избранное... С. 220.

студентов-филологов училось по учебнику Д.Д. Благого, выдержавшему несколько изданий. Павел Наумович рекомендовал нам книги и того и другого автора, но, кроме того, советовал читать учебник не перед экзаменом, как это принято в студенческой практике, а одновременно с лекциями, чтобы сопоставить разные точки зрения. Он предлагал обращаться к нему с вопросами, возникающими в ходе таких сопоставлений. Когда на лекциях началось рассмотрение поэтической школы Сумарокова, в перерыве не без робости я решилась подойти к профессору и спросить его об учениках Ломоносова. Павел Наумович очень серьезно и внимательно выслушал вопрос и увлеченно стал рассказывать о Николае Никитиче Поповском, талантливом поэте, к сожалению рано умершем. Тогда же П.Н. Берков пригласил меня приходить на научные заседания руководимой им Группы по изучению русской литературы XVIII века в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), Группы, с которой оказалась связана вся моя последующая жизнь.

Между тем лекции продолжались своим чередом, и неотвратимо приближалось время экзаменационной сессии. П.Н. Берков казался всем второкурсникам очень строгим: он не терпел болтовни во время лекции, опоздавших не пускал в аудиторию. Перед экзаменом все волновались, как никогда, пытались что-то еще прочесть в коридоре в самый день испытаний. На часах уже было четверть одиннадцатого, но никто не осмеливался идти отвечать. Когда меня буквально втолкнули к экзаменатору, я впервые увидела Павла Наумовича таким рассерженным. Грозным голосом он меня спросил, во сколько начинается экзамен. Пропетав про десять часов, стала тянуть билет. Готовилась недолго, а отвечать стало уже не страшно. Экзамен опять превратился в интересную, доброжелательную беседу. Когда студенты делились потом впечатлениями об экзамене, выяснилось, что Павел Наумович был достаточно либерален: мог даже разрешить взять другой билет, не снижая оценки, но непримирим оставался к шпаргалкам: его возмущал всякий обман и нечестность. Часто на экзамене он спрашивал, что именно из курса понравилось больше всего или не понравилось. В связи с этим мы угадывали и некоторые его собственные предпочтения. Ему не очень близок был бурлеск, ирои-комическая поэма, но высокая поэзия классицизма, ее героические темы, несомненно, привлекали его. Впрочем, у него не было нелюбимых авторов. В своей известной монографии “Ломоносов и литературная полемика его времени” (1936) он рассматривал споры между Ломоносовым, Сумароковым, Третьяковым и другими литераторами, стремясь понять

позицию каждого и объективно оценить ее, чтобы показать основные тенденции в развитии русской словесности и языка того времени. Проблема комического тоже была в центре его внимания, как очевидно из вышедшего посмертно его фундаментального труда “История русской комедии XVIII века” (1977). Но тогда, в студенческие годы, самый облик Павла Наумовича связывался прежде всего с миром высоких чувств и помыслов русских просветителей.

С третьего курса у нас начинались специальные курсы и семинары, и для меня не было сомнений в выборе – я стала участницей семинара П.Н. Беркова по русской литературе XVIII века. Можно было проверять часы, когда Павел Наумович входил в аудиторию, начиная занятие или научное заседание в Пушкинском Доме. Эта удивительная точность была не только следствием его внутренней организованности, – за этим стояло нечто большее – глубокое уважение к своему делу, к людям, умение ценить свое и чужое время. Поистине, точность – вежливость королей, королей духа. Студенты скоро начинали это понимать, и тогда не нужно было никаких дисциплинарных взысканий: просто стыдно было опоздать на занятия к такому человеку. Пришедших в его семинар новичков нередко смущал его вопрос: “Чем бы вы хотели заниматься?” Если пожелания высказывались не очень определенные, называлось несколько тем, из которых уже сам студент мог бы выбрать что-то наиболее заинтересовавшее его. Не сразу привыкали недавние школьники к тому, что Павел Наумович обращался к ним только по имени и отчеству. К обсуждению курсовых работ должны были готовиться все участники семинара, и на занятии начиналась маленькая научная дискуссия, которую с большим тактом направлял руководитель. Он всегда хотел, чтобы и студенческая работа не была простой компиляцией, а содержала бы что-то свое, пусть небольшое, но новое. Если это получалось, он рекомендовал работу к печати.

Особое внимание уделялось библиографии, точности цитат и ссылок. П.Н. Берков не только советовал, к каким источникам можно обратиться, какие можно наметить пути дальнейшего изучения темы, но учил и самой методике работы. Среди его практических советов был, например, вопрос о том, с чего начинать изложение: написав первую фразу, лучше бывает вычеркнуть ее и начать сразу со второй. О том, насколько чужд был Павлу Наумовичу утилитарный, прагматический подход к науке и книге, свидетельствует, в частности, один эпизод, о котором он рассказывал с легким юмором, когда речь зашла о насущном для каждого вопросе: что читать? Еще в молодости, вспоминал

П.Н. Берков, его неприятно поразило заявление одного из коллег, начинающих исследователей, который сказал, что читает только то, “что сгодится”. Если уж пользоваться такой житейской формулой, продолжал Павел Наумович, можно считать: все, что прочтешь, когда-нибудь “сгодится”.

Наряду с вопросом “что читать?” обсуждался и другой, не менее насущный: как читать? В связи с этим Павел Наумович любил приводить высказывание русского драматурга XVIII века Я.Б. Княжнина, который говорил о трех способах чтения, а именно: читать и не понимать то, что написано; читать и понимать то, что написано; наконец, читать и понимать не только то, что написано. Это изречение имело особый смысл именно в те годы, когда ученым приходилось с таким трудом отстаивать свое право на свободную мысль. Можно понять, какой глубокий и трагический смысл имели для Павла Наумовича строки Державина, которые он цитировал нам на лекциях:

Страха скованным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали,
Чувствуем ярмо свое.

Павлу Наумовичу удавалось “парить умом”, быть примером нелицеприятного служения науке, людям, несмотря на все трудности, несправедливые нападки и “проработки”.

Большое внимание Павел Наумович уделял так называемым “вспомогательным дисциплинам” – библиографии, текстологии, истории книги. С “тайнами ремесла” несколько поколений студентов знакомились по книгам П.Н. Беркова “Введение в технику литературоведческого исследования” (1955) и “Библиографическая эвристика” (1960; 2-е изд. 1978). На спецкурсах, посвященных этим дисциплинам, ученый помогал слушателям усвоить важные, но, может быть, иногда и скучноватые сведения, приводя самые разные яркие примеры. Павел Наумович рассказывал, как в Древнем Египте изготовлялся фараонский папирус и как работала без опечаток французская книгоиздательская фирма XV–XVII веков – фирма Анри Этьена, обещавшего награду тому, кто найдет в ее книгах опечатку. Для слушателей спецкурса ученый всегда приносил туго набитый книгами портфель, и по ходу занятий мы могли познакомиться с нужными изданиями уже в аудитории, на практике узнать, как пользоваться тем или иным справочником. Убеденный в том, что книга должна служить людям, Павел Наумович щедро делился не только своими бога-

тейшими знаниями, но и книжными сокровищами. Если это было необходимо, он давал книгу домой. Студенты обычно очень ценили это доверие. Особой радостью и гордостью были книги и оттиски, подаренные Павлом Наумовичем – с его дарственными надписями, иногда шутливыми, но имевшими воспитательный смысл. На одном оттиске он, улыбаясь, написал: “За благонаравие и успехи”, и эта надпись напоминала о недавно цитировавшихся им словах Стародума из “Недоросля” Фонвизина: “Ум, коль он только что ум, – самая безделица. (...) Прямую цену уму дает благонаравие”. Научная и педагогическая деятельность и, можно сказать, нравственное воспитание были для него неразрывно связаны. Присутствие его студентов на научных заседаниях имело как бы двойкий результат: студенты приобщались к настоящей научной жизни, учились ведению дискуссии, а участникам полемики, если она начинала выходить за академические рамки, Павел Наумович напоминал: “Здесь присутствуют студенты”.

Дипломантов и аспирантов он приглашал к себе домой. Назначенное время визита необходимо было точно соблюдать. Когда одна из аспиранток Павла Наумовича опоздала к нему на пять минут, он просто сказал ей: “Пять минут девятого – это не восемь часов”. С тех пор она, как, впрочем, и многие другие, приходила заранее, и, только дождавшись назначенного часа, нажимала кнопку звонка.

Уютная квартира в маленьком деревянном домике на 13-й линии Васильевского острова вмещала огромное число книжных шкафов и полок, располагавшихся прежде всего в кабинете учебного, но также и в других комнатах, в коридоре, на антресолях. К сожалению, этот дом уже давно снесен, но многие выпускники университета навсегда запомнили его: здесь на одной площадке жили два университетских профессора, которых соединяли и общие научные интересы, и взаимное уважение и дружба, – Г.А. Гукковский и П.Н. Берков. Занятия в рабочем кабинете Павла Наумовича, заставленном книжными шкафами и полками, были особенно памятны. Здесь, в кабинете Павла Наумовича, куда мы входили с понятным трепетом, ученый с мировым именем внимательно, терпеливо, а главное, очень заинтересованно выслушивал чтение наших работ. В ходе обсуждения дипломной работы или главы диссертации Павел Наумович часто тут же шел к книжным полкам: начинались дополнительные разыскания, проверка сведений по редким справочникам, намечались новые пути исследования.

Автор замечательных трудов “О людях и книгах. (Из записок книголюба)” (1965), “Русские книголюбы” (1967), П.Н. Берков

писал о книге: “Она – хранительница человеческого гения, ума, сердца, часто она – горькая память о прошлом, нелицеприятная совесть настоящего”³. Работая над “Историей советского библиофильства” (1971), он собрал интереснейшие сведения о владельцах библиотек и их судьбах. “Собирание хорошей, ценной библиотеки, – писал он, – это большой человеческий труд, в котором проявляется личность владельца”⁴. Секция книги и графики при Петербургском доме ученых и Петербургское общество библиофилов и ныне чтят П.Н. Беркова как одного из своих патриархов.

Богатейшая библиотека Павла Наумовича составлялась на протяжении всей его жизни и насчитывала около 30 000 томов. Он ценил редкие старинные издания, но самыми важными были книги, нужные ему для работы.

Когда я кончала университет в 1961 году, была очень строгая система распределения. Выпускников русского отделения филологического факультета посылали учителями в сельские школы на Камчатку и в Сибирь. Хотя у меня была рекомендация для поступления в аспирантуру Пушкинского Дома, комиссия по распределению обязала меня подписать направление в Новосибирскую область. Когда Павел Наумович узнал об этом, он был возмущен и попросил записать его на прием к проректору. После этого визита, длившегося очень недолго, он вышел и кратко сказал: “Готовьтесь к экзаменам”.

В Пушкинском Доме П.Н. Берков работал на общественных началах, не получая никакого жалования. Однако он регулярно в определенное время приходил в Группу XVIII века, которой руководил, беседовал с сотрудниками, занимался подготовкой ее изданий. Благодаря П.Н. Беркову в послевоенные годы были возобновлены и деятельность этой Группы, и издание академической серии сборников “XVIII век”, редактированию которых он уделял самое серьезное внимание. Традиционные ежемесячные научные заседания Группы проходили по пятницам, в шесть часов вечера, чтобы исследователи из других учреждений могли на них присутствовать. Активными участниками как заседаний, так и сборников были сотрудники крупнейших петербургских библиотек Татьяна Александровна Быкова и Мирон Моисеевич Гуревич, сотрудница Архива Академии наук Елена Сергеевна Кулябко; доцент Государственного библиотечного института Екатерина Петровна Привалова, защитившая свою кандидатскую диссертацию в блокадном Ленинграде, Гали Вильгельмовна Ермакова-

---

³ Берков П.Н. О людях и книгах: (Из записок книголюбца). М., 1965. С. 12.

⁴ Там же. С. 8.

Битнер, подготовившая ценное издание “Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в.” (1959), и многие другие. К научному сотрудничеству П.Н. Берков стал привлекать и зарубежных славистов: Э. Винтера, Х. Грасхофа, П. Гофмана, У. Леманна, Г. Рааба, Э. Хексельшнайдера (ГДР); И.М. Бадалича (Югославия), А.В. Флоровского (Чехословакия).

К этому времени сформировалась академическая школа в изучении русской литературы XVIII века, представленная в первую очередь трудами самого П.Н. Беркова, а также его соратников. Характерными чертами этой школы стали исторический подход к литературе, первостепенное внимание к фактам, архивным и библиографическим разысканиям и создание на их основе продуманных концепций, интерес не только к вершинным явлениям, но и к второстепенным деятелям культуры, привлечение широкого европейского контекста, общая гуманистическая направленность, сохранение лучших традиций русского литературоведения XIX и начала XX столетия, уважение к трудам предшественников.

На традиционных научных заседаниях Группы обсуждались не только доклады, но и некоторые новейшие публикации, ставшие предметом оживленных и плодотворных дискуссий. Так, 29 октября 1965 года на расширенном заседании обсуждалась книга Г.П. Шторма “Потаенный Радищев” (М., 1965), предлагавшая новую концепцию, согласно которой Радищев как последовательный революционер продолжил работу над “Путешествием из Петербурга в Москву” после ссылки, в 1799–1800 годах. Приведенные в книге основные аргументы и доказательства были тщательно проанализированы и документально опровергнуты специалистами, принявшими участие в обсуждении⁵. Завершая дискуссию, П.Н. Берков решительно выступил против необоснованных гипотез автора, но вместе с тем с большим уважением говорил о его многолетнем труде.

Нелицеприятная научная полемика на заседаниях сохраняла академический характер прежде всего благодаря председательствовавшему на них Павлу Наумовичу, решительно противостоявшему ложным открытиям и сенсациям, неуклонно отстаивавшему научную истину и вместе с тем не допускавшему высокомерного тона, язвительности и пренебрежения к своим оппонентам. Poleмика никогда не была для него средством самоутверждения. Успех спора решался не торжеством над противником, но научным результатом, обретением истины или приближением к ней. Г.А. Бялый рассказывал, что одно из выступлений П.Н. Беркова напо-

---

⁵ См.: Русская литература. 1966. № 1. С. 248–257.

нило ему рыцарский поединок: вначале он пожал руку человеку, с которым вступал в полемику, а затем приступил к критике его аргументов. Помню, как на одном из заседаний ученого совета Пушкинского Дома, членом которого был Павел Наумович, возник очень резкий спор между ним и директором института. На следующем заседании П.Н. Берков встал и принес свои извинения.

Человек большой и щедрой души, П.Н. Берков был лишен мелочных чувств зависти и ревности по отношению к коллегам. Ему чуждо было злословие. С большим интересом и неизменным сочувствием он относился к научным удачам других исследователей. Помню, с каким восторгом он говорил об открытии В.Э. Вацуро и М.И. Гиллельсона, обнаруживших неизвестный автограф Пушкина.

Научный путь П.Н. Беркова вовсе не был безоблачен, в чем мне пришлось убедиться, когда я взялась за составление его библиографии и просмотр всех рецензий на его труды. Познакомившись с хлесткими газетными и журнальными выступлениями неких критиков, стремившихся в разгар кампании по борьбе с космополитизмом опорочить его ценнейшую книгу “История русской журналистики XVIII века” (1952), я спросила Павла Наумовича, стоит ли включать подобные статьи в библиографию. Он решительно настоял на их включении: историк науки должен знать, в каких обстоятельствах приходилось работать ученому. Статьи, направленные против его книги, послужили началом идеологической “проработки” на нескольких заседаниях ученого совета Пушкинского Дома, которая могла привести к самым серьезным “оргвыводам” и последствиям, если бы после смерти Сталина не изменилась общественно-политическая ситуация в стране⁶.

Немало времени и сил П.Н. Берков отдавал научно-организационной стороне науки, особенно после его избрания в 1960 году членом-корреспондентом Академии наук. У Павла Наумовича был не только талант научного организатора, но и замечательное свойство сближать людей независимо от их общественного статуса, возраста, национальности. Его ближайший соратник Илья Захарович Серман, принимавший деятельное участие в подготовке изданий Группы, всегда проявлял внимание к работе молодых сотрудников, охотно делился своим опытом, давал полезные советы. С удивительным радушием, как дорогих гостей,

---

⁶ Об откликах на эту кампанию см.: “Искренне Ваш Юл.Оксман”: (Письма 1914–1970-го годов) / Публ. М.Д. Эльзона, предисл. В.Д. Рака; примеч. В.Д. Рака и М.Д. Эльзона // Русская литература. 2003. № 4. С. 197.

встречал учеников Павла Наумовича Мирон Моисеевич Гуревич, заведовавший отделом редкой книги Библиотеки Академии наук. Доброжелательно и просто держался с начинающими исследователями XVIII века Александр Иванович Кузьмин, ученый секретарь “Известий Отделения литературы и языка”, защитивший диссертацию под руководством П.Н. Беркова. С необыкновенной теплотой и сердечностью относилась к его младшим ученикам Ирина Александровна Кряжимская (Ушакова), сохранившая, как и многие другие, на всю жизнь уважение и благодарность к учителю. Душевная дружба возникла у меня с Земфирой Пашаевной Рустам-заде, приехавшей из Баку, ставшей аспиранткой Павла Наумовича и успешно защитившей диссертацию по русской литературе XVIII века. Благодаря ему многолетние научные и дружеские контакты завязались у меня с немецкими славистами Х. Грасхофом, А. Лаух (Грасхоф), Г. Йонас, У. Леманном, Э. Хексельшнайдером, с английским славистом, ныне академиком, Э. Кроссом и другими зарубежными учеными. В общении с ними Павел Наумович не изменял своему обыкновению называть каждого по имени-отчеству: профессор Грасхоф – Хельмут Альбертович, Аннелиз Лаух, впоследствии ставшая женой Грасхофа, – Анна Ивановна (имя ее отца было Иоганн), польский профессор Лужны – Рышард Бартоломеевич. Многим это казалось забавным, но такое обращение, принятое в России, позволяло избежать и официальности, и вместе с тем ненужного панибратства: это было и уважительно, и тепло.

П.Н. Берков жил в то время, когда международные научные контакты в значительной степени были затруднены, – тем важнее его заслуга в их расширении и укреплении. Он выступал с лекциями и научными докладами в Армении, Грузии, Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Польше, Чехословакии, Югославии, деятельно участвовал в работе международных съездов славистов. В течение нескольких лет П.Н. Берков возглавлял Информационно-библиографическую комиссию при Международном комитете славистов. Свидетельством широкого признания его научных заслуг было издание двух сборников трудов ученого за рубежом⁷.

Интерес и уважение к культуре каждого народа неизменно проявлялись и в читавшемся им университетском курсе “Литература народов СССР”, и в его непосредственном общении с людьми разных национальностей. Во время войны П.Н. Берков рабо-

---

⁷ *Berkov P. Literarische Wechselbeziehungen zwischen Russland und Westeuropa im 18. Jahrhundert. B., 1968; Berkov P. Literary contacts between Russia and the West since the XIV century: Collected studies. L., 1973.*

тал в Киргизском педагогическом институте в городе Фрунзе, затем в Пржевальске. Трудные военные годы стали для учеников Павла Наумовича периодом научного и духовного роста, периодом, определившим для многих дальнейший жизненный путь. А он, знакомясь с киргизской литературой и фольклором, расширял сферу своих научных интересов. Исследование киргизского эпоса “Манас” укрепило его убеждение в том, как важно сопоставительное исследование литератур разных времен и народов.

Среди разнообразных научных интересов П.Н. Беркова было и творчество Брюсова. Однажды Павел Наумович подарил мне ценную книгу – армянская поэзия в переводах Брюсова. При встрече на следующий день он меня сразу спросил: “Что же вы ничего не говорите о своих впечатлениях о книге?” Замечательную надпись он сделал на оттиске своей рецензии на книгу Н.И. Конрада “Запад и Восток. Статьи” (М., 1966): “Дорогой Наталье Дмитриевне Кочетковой с просьбой прочесть рецензию о книге крупнейшего советского гуманиста, в которой он говорит о торжестве гуманизма в истории человечества (...)”⁸. Для сборника, посвященного 70-летию Н.И. Конрада, Павел Наумович написал статью “Об авторском понимании идеи произведения и степени его обязательности для литературоведения”⁹. На оттиске он написал мне, что эту работу “автор считает, м.б., своим лучшим произведением”.

Как рассказывал Павел Наумович, один из зарубежных коллег, занимавшийся русской литературой XVIII века, был несказанно поражен, получив от ученого целую подборку материала по интересовавшей его теме. В ответ на выраженное удивление ученый напомнил прекрасное предание о “*sumlus meritorum*” – “сокровищнице заслуг”: сколько бы ни черпали из этой сокровищницы, она остается полной.

Многие исследователи, приезжавшие из других городов, республик, а также зарубежные слависты побывали в памятном доме Павла Наумовича на Васильевском острове и на даче в Комарове. Его жена Софья Михайловна всегда гостеприимно встречала и маститых ученых, и научную молодежь, приглашая к накрытому столу. В кругу семьи, за дружеской беседой, Павел Наумович как бы преображался: он весело и остроумно шутил, а к па-

---

⁸ Рецензия напечатана на немецком языке: *Deutsche Literaturzeitung*. 1968. Jg. 89. N. 7. Juli. S. 590–591.

⁹ Историко-филологические исследования: Сб. статей к семидесятилетию академика Н.И. Конрада. М., 1967. С. 230–236.

мятным датам любил сочинять стихи. К юбилею В.М. Жирмунского был сочинен следующий акrostих:

В науке нет границ, пределов,
Исканьям также нет границ, –
Который год он ищет смело
Таинственных следы жар-птиц?
Он любит всё в науке слова:
Рассказы мудрых стариков,
Журчанье эпоса степного
И прелесть блоковских стихов.
Росистым утром выйдя рано,
Мечтой крылатой увлечен,
Упорно, смело, непрестанно,
Неутомимо ищет он.
Сияй же, светоч наш чудесный,
Красуйся много, много лет,
Иди стезею той же честной
И изливай свой яркий свет.

Замечательный мадригал Павел Наумович посвятил Н.А. Жирмунской:

Когда-то Пушкин говорил,
Что наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый.
Но был забыт старик Корнель...
Лишь в наши дни Nina la belle
Его опять венчала славой.

Когда праздновался 70-летний юбилей Павла Наумовича, в доме Берковых несколько дней принимали гостей: целыми группами приходили коллеги из университета и Пушкинского Дома. Всех приглашали к столу, где звучали приветственные речи, тосты, стихи, шутки. Самый большой успех имело стихотворное приветствие, написанное Вадимом Эразмовичем Вацу-ро. Павел Наумович очень оценил эту замечательную стилизацию русской панегирической поэзии XVIII века с реминисценциями и цитатами из стихов Державина и Радищева. Вот текст этого приветствия:

1-й голос

Воспой ты днесь того, о лира,
Кто, чрез столетий зря туман,
Вперяется в премены мира,
И разных лет, и разных стран.
Воспой с раченьем достохвальным

Того, кто морем плыл журнальным¹⁰,
Колумба Росского воспой,
Кто, смело парус свой настроив,
Где не бывал и Неустроев¹¹,
Ступил бестрепетной стопой.

2-й голос

А я, погрязши средь порока,
Курю табак и кофе пью,
Меж классицизма и барокко
Веду в круженьи жизнь мою.
Подай, учитель, наставленье –
Где сих загадок разрешенье?
Что я такое – червь иль бог?¹²
Рисуй же мастерску картину,
Как ты Малгербу, Тресотину¹³
Нарисовать ее возмог.

3-й голос

Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Вечности в море свои воды вседневно струя¹⁴.
Павел Наумович Берков, великих мужей воскрешая,
Купно из Леты извлек малых твоих сыновей.
Шишкин стоит и Собакин¹⁵, поодаль стоят и другие,
Многие, чьи имена он от забвения спас.

---

¹⁰ Имеется в виду монография П.Н. Беркова “История русской журналистики XVIII века” (М.; Л., 1952).

¹¹ Речь идет о справочном издании: *Неустроев А.Н.* Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб., 1874.

¹² Строфа включает перифразы и реминисценции из стихотворений Г.Р. Державина “Фелица” и “Бог”.

¹³ Имеются в виду работы П.Н. Беркова, посвященные М.В. Ломоносову и В.К. Тредиаковскому. *Малгерб* – Ф. Малерб (ок. 1555–1628), французский поэт, чьим именем в XVIII в. А.П. Сумароков называл Ломоносова: “Он наших стран Малерб...”. *Тресотин* (от франц. *trés sotin* – очень глупый) – прозвище В.К. Тредиаковского. Сумароков высмеял его в комедии “Тресотиниус”.

¹⁴ Перефразированная цитата из стихотворения А.Н. Радищева “Осмнадцатое столетие”.

¹⁵ И. Шишкин и М. Собакин – второстепенные литераторы XVIII в., которым были посвящены работы П.Н. Беркова: Иван Шишкин – литературный деятель 1740-х годов: (К истории русского романа: от старорусской повести к печатному роману) // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л., 1958. С. 49–63; Михаил Собакин / Вступ. ст. и примеч. П.Н. Беркова // *Вирши: Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков.* Л., 1935. С. 255–257.

Хор

Мы прославим человека,
Кто с семнадцатого века
Три столетья пересек
И, в противность всяких правил,
Время действия исправил
И шагнул в двадцатый век.

От Амура и до Истра
Широка и высока
Слава нашего магистра
Разлилася, как река.
И в пределах басурманских,
Где тевтон, и бритт, и галл¹⁶,
В честь его звенит бокал
Вин бургонских и шампанских.

Возглашаем: “Многи лета,
Сил, здоровья, наш магистр!
Облетай пределы света,
Ум решителен и быстр.
Но наскучивши пареньем,
К нам обратно притеки,
Где с ревнивым нетерпеньем
Ждут твои ученики”.

Павел Наумович обладал совершенно феноменальной памятью: об этом ходили легенды. Если что-то не удавалось разыскать по справочникам, оставался один путь: спросить у П.Н. Беркова. Всегда знали, что ответ будет, при этом ученый объяснял: всё знать невозможно, но нужно знать, где искать необходимую справку. Проблемы памяти всегда интересовали Павла Наумовича, и в его научной картотеке, находящейся теперь в Пушкинском Доме, есть целая подборка, посвященная этой теме. Среди многих других записей здесь обращают на себя внимание слова К.Г. Паустовского: “Культура – это память”, – слова, которые имеют непосредственное отношение к самому Павлу Наумовичу.

Однажды, в очередной раз пораженная его памятью, я спросила: “Как вы можете так хорошо всё помнить?” Он грустно улыбнулся и рассказал притчу о том, как один человек попросил богов даровать ему самую острую память. Боги дали этот дар, но сказали: “Несчастный, ты должен был просить дар вечного забвения”.

---

¹⁶ Многие работы П.Н. Беркова посвящены русско-немецким, русско-английским, русско-французским культурным контактам.

О самых тяжелых испытаниях, выпавших ему в жизни, Павел Наумович рассказал мне незадолго до своей кончины. Летом 1969 года его положили в больницу с диагнозом инфекционный гепатит (тогда не было одноразовых шприцев, и ему внесли инфекцию, делая витаминные уколы). У Софьи Михайловны, находившейся в это время в Комарове, был гипертонический криз. В разгар лета почти все родные, друзья, коллеги были в отъезде. Я старалась как можно чаще навещать Павла Наумовича, сообщая Софье Михайловне о его здоровье. В те июльские дни в Боткинской больнице он вспоминал о 1937–1938 годах.

Ученого, получившего образование в Вене, обвинили в том, что он австрийский шпион. П.Н. Берков провел в заключении 14 месяцев. Тюремная камера была настолько переполнена, что людям приходилось спать по очереди. С допросов приводили избитых, замученных арестантов. Но и в этих нечеловеческих условиях Павел Наумович проявил необыкновенное присутствие духа – он организовал цикл лекций для своих сокамерников, причем не только сам взялся читать курс по русской литературе, но предложил каждому рассказывать о своей профессии. Люди поддерживали эту удивительную инициативу, и даже находившийся там мясник стал рассказывать, как полагается разделять тушу. Удивительную находчивость и даже остроумие проявил Павел Наумович на допросах. Ведь было невозможно просто отрицать нелепое обвинение. И вот, отвечая на каждый вопрос, он на разных языках (а знал он и древние языки, и немецкий, и французский, и английский, и ряд славянских) упоминал слово “липа”. “Какая была шпионская кличка?” – “Tilia” (*липа* по-латыни); “Где было место встречи?” – “Unter den Linden” (*Под липами* – название одной из главных улиц в Берлине). Быть может, все это помогло выявить несостоятельность обвинения, и в краткий период реабилитации Павел Наумович был освобожден и смог вернуться к своим научным и педагогическим занятиям.

Свойственные Павлу Наумовичу внимание и уважение к человеку, независимо от занимаемого им положения, проявлялись даже во время его тяжелой болезни: каждую нянечку в больнице он называл по имени и отчеству. Несмотря на плохое самочувствие, он с большим интересом читал в газетах о полете на Луну американских космонавтов. С большим огорчением рассказал: показал газету с фотографией одной санитарке, но она, выяснив, что это “не наши”, перестала проявлять интерес. Делился своими размышлениями о том, что, несмотря на какие-то большие исторические перемены (имелась в виду революция 1917 года), большинство людей продолжают жить своей обыденной жизнью:

идут в театр или ссорятся на кухне из-за керосина. Начал читать “Домби и сын” Ч. Диккенса, но отложил, потому что тогда ему было тяжело следить за повествованием о жестокости и бессердечии главного героя. Всегда радовался цветам, которые я приносила, вспоминал, как по-латыни, по-английски называется душистый горошек; высчитывал, сколько времени трачу на поездку в больницу, отрывая от работы. В последний мой визит сказал: “Смотрите, вы разоритесь на цветах, мне еще долго лежать”. На следующий день он потерял сознание.

Смерть Павла Наумовича 9 августа 1969 года была тяжелой утратой для нашей науки, для всех, кому посчастливилось знать этого замечательного человека. В течение многих лет в день его кончины в Комарове, где он похоронен, у его могилы собирались близкие, коллеги, друзья, ученики. Прошедшие годы создали ту историческую перспективу, которая помогает более глубоко оценить его вклад и в филологическую науку, и в благородное дело воспитания новых научных кадров, в дело образования нескольких поколений русской интеллигенции.

Завершу рассказ о своем Учителе текстом переведенного им стихотворения Альфонса Ламартина “Книга жизни”:

Ты – высшая из книг, о, книга бытия!
Закреть и вновь раскрыть никто не мог тебя.
Ни к строчкам дорогим вторично обратиться,
А перелистывать не надобно трудиться.
Хотел бы перечесть еще страницу я,
А уж под пальцами последняя страница.

М.Д. Эльзон

П.Н. Берков и А.Г. Фомин

В творческой биографии Павла Наумовича Беркова важную роль сыграл Александр Григорьевич Фомин¹. Ближайший ученик (одно время – литературный секретарь) С.А. Венгерова, деятельнейший участник знаменитого Пушкинского семинария, выдающийся знаток истории книги и библиографии, А.Г. Фомин сразу привлек внимание П.Н. Беркова своим авторитетом и необыкновенной эрудицией. В конце 1925 года, когда они, по-видимому, познакомились (точной даты установить не удалось), А.Г. Фомин был членом правления Высших курсов библиотковедения при Государственной публичной библиотеке, а несколько позднее – председателем предметной комиссии по книговедению. В это же время, одним из первых, П.Н. Берков приступил к чтению лекций по истории книги на этих курсах². С тех пор началась совместная работа и дружба двух ученых – маститого и начинающего. Они были сотрудниками одних и тех же учреждений – Научно-исследовательского института книговедения, Института речевой культуры, Института сравнительного изучения литературы и языков Запада и Востока, отдела книги Института книги, документа и письма Академии наук СССР, Института истории и Института литературы (Пушкинский Дом), преподавали на филологическом факультете Ленинградского университета, активно работали в Русском библиологическом обществе (А.Г. Фомин – как президент, П.Н. Берков – как член бюро), были участниками одних и тех же изданий: “Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова” (1934), “Статьи по истории энциклопедии. Ч. 2” (Труды Института кни-

---

¹ См. о нем: *Берков П.Н.* А.Г. Фомин (1887–1939): Очерк жизни и научной деятельности. М., 1949 (Серия “Деятели книги”).

² *Баренбаум И.Е.* Павел Наумович Берков как книговед: (К 70-летию со дня рождения) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 14. М., 1967. С. 241–242.

ги, документа, письма АН СССР. Вып. III. Л., 1934), “Иван Федоров – первопечатник” (1935) и других.

В 1938 году П.Н. Берков и А.Г. Фомин увиделись в последний раз. В мае 1939 года, когда А.Г. Фомина не стало, среди подписавших некролог сотрудников Пушкинского Дома не было фамилии П.Н. Беркова³. В это время он находился в тюрьме.

В одной из своих книг П.Н. Берков писал, что А.Г. Фомин был “его старшим другом”. Он щедро делился с П.Н. Берковым своими познаниями, знакомил с видными книговедами и библиографами, в частности способствовал встрече с Б.С. Бондарским, с которым П.Н. Беркова на долгие годы связала крепкая дружба⁴.

Как и С.А. Венгеров, А.Г. Фомин не был сторонником элитарных концепций в литературоведении. Он считал, что обязанность историка литературы – больше заниматься второстепенными и третьестепенными именами, чем “литературными генералами”. Подтверждение этому мы находим в его ранней работе о Н.В. Шелгунове “Писатель – гражданин” (1908), возникшем тогда же, неосуществленном замысле статьи о В.А. Зайцеве, равно как и в более поздних статьях – “Рабочий класс в русской литературе до Октябрьской революции” (1934), “Обзор вышедших после Великой Октябрьской социалистической революции изданий произведений русских дореволюционных писателей” (1939).

Именно забытым литературным именам и была посвящена кандидатская диссертация П.Н. Беркова “Ранний период русской литературной историографии”, успешно защищенная в 1929 году и определившая его будущие исследовательские интересы. Как известно, эта работа не была целиком опубликована, ее полный текст сохранился в архиве А.Г. Фомина⁵, который был официальным оппонентом и написал письменный отзыв о представленной к защите диссертации. Поскольку этот отзыв исключительно интересен, приведем его с незначительными купюрами:

«Первым большим достоинством работы П.Н. Беркова является ее фактичность, богатство обследованного материала. Работа насыщена именами, названиями книг и статей, датами и т.д. П.Н. Берковым, несомненно, затрачен громадный труд на соби­рание крупнейшего материала для его исследования. С поразительным трудолюбием и упорством П.Н. Берков стремился ра-

---

³ Фомин А.Г. // Ленинградская правда. 1939. 22 мая. № 115 (7303). Подписано А.С. Орловым, П.И. Лебедевым-Полянским, Н.К. Пиксановым, В.М. Жирмунским, М.П. Алексеевым, С.Д. Балухатым, В.В. Гиппиусом, Б.М. Эйхенбаумом.

⁴ Берков П.Н. Русские книголюбцы: Очерки. М.; Л., 1967. С. 131.

⁵ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 222. Л. 17–266.

зыскать исчерпывающие сведения не только о крупных, но и о мелких фактах русской литературной историографии. Не ограничиваясь тщательными розысками в русских и иностранных библиографических трудах, П.Н. Берков обращался за справочниками непосредственно в заграничные книгохранилища, как, например, в Копенгагенскую национальную библиотеку (...), Флорентийскую национальную библиотеку (...). Дав в своей работе громадный фактический материал, П.Н. Берков проявил обширные библиографические познания, большую способность к библиографической эвристике. К достоинствам работы П.Н. Беркова следует отнести также то, что он взял привлечший его внимание вопрос во всем его объеме, что он рассматривает русскую литературную историографию в связи с изучением литературы на Западе, не ограничиваясь анализом лишь русских работ по истории русской литературы, но и дает в третьей главе⁶ обстоятельный обзор работ иностранцев, посвященных русской литературе. П.Н. Берковым тщательно обследован не только большой фактический материал, но и в значительной части не привлекавший внимания других исследователей-историографов (...). Остановившись на трудах, уже привлекавших внимание исследователей, П.Н. Берков рассмотрел их более обстоятельно, чем его предшественники (...), подошел к ним с иной точки зрения, сумел сказать о них новое (...). Обследуя обширнейший фактический материал, П.Н. Берков не ограничился лишь его описанием, а проявил большую исследовательскую самостоятельность, опровергая одни факты и внося существенные поправки в другие. Так, в области фактов русской литературной историографии П.Н. Берков с убедительностью доказал один из основных своих тезисов о том, что установившийся взгляд на вышедший в 1822 г. “Опыт краткой истории русской литературы” Греча как на первую русскую историко-литературную работу – неправилен, что ему предшествовала длительная работа целого ряда писателей, что Греч не “создал” историю русской литературы, а только подвел итог предыдущим попыткам в этой области (...). Отдельные слабые места работы П.Н. Беркова не умаляют ее общей ценности. Для правильной оценки труда П.Н. Беркова в целом необходимо учесть, что рассматриваемая им эпоха русской литературной историографии (1700–1822) до сих пор была почти не обследована. Несомненно, что П.Н. Берков сделал в этой об-

---

⁶ Эта часть работы опубликована. См.: *Берков П.Н. Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке // Язык и литература. Л., 1930. Т. 5. С. 87–136.*

ласти много, значительно подвинул изучение этого вопроса. Труд его, как в своей фактической, так и методологической части, обнаруживает в авторе большую способность к исследовательской работе в области изучения литературы»⁷.

Прошел год, и Фомин отправил в журнал “Библиотекосведение и библиография” ныне хорошо известную статью П.Н. Беркова «Идеологический момент в “Опыте российской библиографии” В.С. Сопикова» со следующим сопроводительным письмом (печатается с сокращениями):

«Работа П.Н. Беркова, по моему мнению, заслуживает полного внимания как первая попытка подойти к “Опыту российской библиографии” В.С. Сопикова с марксистской точки зрения, выявить путем анализа сделанных в “Опыте” выписок из книг идеологическую сторону этого труда, его классовую сущность. Работа П.Н. Беркова по своей методологической установке представляется мне настолько интересной, что [я] горячо рекомендую ее для напечатания в журнале “Библиотекосведение и библиография”»⁸.

Позднее, уже в конце 30-х годов, А.Г. Фомин редактировал составленную П.Н. Берковым и В.М. Лавровым “Пушкиниану. 1886–1899”⁹. Назвав ее “несомненно крупным вкладом в советское пушкиноведение”, А.Г. Фомин писал в отзыве:

«В “Пушкиниане” учтен громаднейший материал, в подавляющей части не зарегистрированный в имеющихся библиографических пособиях, но библиографическое оформление собранного материала не всегда стоит на должной высоте, вызывает возражения и замечания и требует (...) исправлений, которые еще более повысят ценность этой работы»¹⁰. К сожалению, подготавливая после войны рукопись к печати, П.Н. Берков не учел этих замечаний, и те недостатки, на которые своевременно обратил внимание А.Г. Фомин, были отмечены в появившихся рецензиях.

На протяжении почти 40 лет П.Н. Берков был фактически единственным биографом А.Г. Фомина. Примечательно, что его

---

⁷ Фомин А.Г. Отзыв о работе П.Н. Беркова “Ранний период русской литературной историографии”. Машинопись. Копия. 12.11.1929 (ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 36. Л. 21–24).

⁸ В редакцию журнала “Библиотекосведение и библиография”. 24.03.1931. Черновое (Там же. Л. 75). Статья была опубликована позднее, в 1933 г., в первом сборнике статей “Советская библиография”.

⁹ Берков П.Н., Лавров В.М. Библиография произведений А.С. Пушкина и литературы о нем. 1886–1899. М.; Л., 1949 (АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом)).

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 568. Оп.1. № 35. Л. 48.

первой работой по библиографии была рецензия на первый том “Puschkinian’ы” Фомина, зарегистрировавшая издания произведений Пушкина и литературу о нем за 1900–1910 годы¹¹. Затем последовали юбилейная заметка об А.Г. Фомине, посвященная 30-летию его научной деятельности¹², и заметки в энциклопедиях¹³. К числу печатных работ П.Н. Беркова до сих пор относилась также “Библиография А.Г. Фомина” (1931), выпущенная в связи с 25-летием научной деятельности последнего. Однако, судя по почерку, каким написана дошедшая до нас рукопись¹⁴, эта брошюра является автобиблиографией. В связи с этим важно отметить, что согласно первоначальному замыслу непосредственно указателю должна была предшествовать статья П.Н. Беркова “А.Г. Фомин как историк литературы”¹⁵, написанная на основании доклада, прочитанного 5 мая 1930 года на заседании, посвященном чествованию А.Г. Фомина. К сожалению, эта идея не была реализована. Наконец, как сообщил автору настоящей статьи И.Ф. Мартынов, П.Н. Берков отправил в редакцию “Краткой литературной энциклопедии” заметку об А.Г. Фомине, предназначенную для соответствующего тома. По каким-то причинам редакция отказалась от публикации, и в томе восьмом КЛЭ напечатана статья А.П. Толстякова.

Но, конечно, наибольший интерес и ценность представляет монографический очерк П.Н. Беркова, изданный в серии “Деятельности книги” в 1949 году, к десятилетию со дня смерти А.Г. Фомина¹⁶. Автор на основании печатных источников и своих записей нарисовал творческий портрет своего учителя и друга, зафиксировал основные этапы его биографии, дал общую оценку научной деятельности и краткие характеристики наиболее значительных трудов. Хотя не со всеми оценками П.Н. Беркова можно согласиться, нельзя не отметить, что без этой книги дальнейшее изучение жизненной и творческой биографии А.Г. Фомина было бы значительно затруднено. Столь же ценны и приложенные к очерку дополнения к “Библиографии А.Г. Фомина”.

---

¹¹ Звезда. 1929. № 12. С. 191. Подп.: П.Б.

¹² А.Г. Фомин. К 30-летию научно-литературной деятельности // Вестник Академии наук СССР. 1934. № 7–8. С. 77–78. Подп.: Р.

¹³ Фомин Александр Григорьевич // Большая советская энциклопедия. Т. 58: Флора–Франция. М., 1936. С. 95 (без подписи); Фомин Александр Григорьевич // Литературная энциклопедия. Т. 11. М., 1939. Стб. 790–791 (без подписи).

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 223.

¹⁵ См. письмо П.Н. Беркова А.Г. Фомину от 29.07.1930 г. (ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 2. № 42. Л. 4).

¹⁶ Фактически вышел в 1950 г.

П.Н. Берков был настоящим пропагандистом имени А.Г. Фомина. По свидетельствам многочисленных учеников П.Н. Беркова, он в своих лекциях постоянно называл А.Г. Фомина, ссылаясь на него. Это же характерно для печатных выступлений Павла Наумовича. Широко известную статью о подготовке библиографических кадров “В защиту библиографии”¹⁷ П.Н. Берков начал с изложения рассказа, записанного им со слов А.Г. Фомина. Много места концепциям А.Г. Фомина уделено в книгах “Введение в технику литературоведческого исследования” (1955) и “Библиографическая эвристика” (1960). В уже названных очерках “Русские книголюбцы” также много упоминаний об А.Г. Фомине. То же относится и к посмертно напечатанной “Истории советского библиофильства” (1971; 2-е изд. 1983). Более того, даже в такой специальной книге, какой является “Очерк литературной историографии XVIII века” (1964), П.Н. Берков, говоря о А.Д. Галахове, А.С. Архангельском, В.П. Семенникове, отсылает читателей к работам А.Г. Фомина – его публикации “К биографии А.Д. Галахова” (1922) и “Путеводителю по библиографии, биобиблиографии, историографии, хронологии и энциклопедии литературы” (1934), хотя “Путеводитель” и не является единственным источником биобиблиографических сведений о В.П. Семенникове и А.С. Архангельском. В связи с этим уместно напомнить, что первым биографом С.А. Венгерова был Александр Григорьевич Фомин, на его работы неизменно ссылаются и современные исследователи.

---

¹⁷ Советская культура. 1954. 15 апр. № 45 (123).

Т.А. Быкова

Библиограф, редактор, педагог

На повестке дня заседания ученого совета Библиотеки Академии наук 5-го января 1951 года стоял мой доклад о необходимости создания сводного каталога изданий гражданской печати времени Петра I, хранящихся в Государственной публичной библиотеке и Библиотеке Академии наук. Решение было положительное, и директор академической библиотеки Д.В. Наливкин предложил Павлу Наумовичу Беркову быть редактором. Нас познакомили. Я отнеслась к Павлу Наумовичу с некоторым опасением, так как помнила его довольно резкое выступление на предыдущем ученом совете. Скоро мне стало ясно, что мои опасения напрасны.

В тот день я и представить себе не могла, какое влияние на всю мою дальнейшую деятельность окажет Павел Наумович.

Ко времени решения ученого совета об издании сводного каталога все издания Петровского времени, хранящиеся в Публичной библиотеке, были библиографически проработаны и можно было выработать Положение о Сводном каталоге и решить вопрос о расположении материала. Прошло несколько совещаний, и меня поразила четкость формулировок Павла Наумовича. При его полном одобрении было решено расширить рамки каталога, присоединив московские библиотеки.

К октябрю 1951 года рукопись была готова и было условлено, что я ее принесу Павлу Наумовичу домой для редактуры. Он встретил меня в передней словами: “А вы знаете, что я сейчас еду в больницу на операцию”. В это время наши отношения были чисто деловыми, поэтому я ничего не знала и совершенно растерялась. Выручил меня Павел Наумович: “А впрочем, дайте, я посмотрю ее в больнице”. В эти короткие минуты для меня впервые раскрылись некоторые характерные черты Павла Наумовича – беспредельный интерес к делу, отдача всех своих сил работе, поразительная выдержка и работоспособность.

В дальнейшие годы открывались все новые черты, а при многогранности Павла Наумовича, они были очень разнообразны, и думаю, что за все годы нашего знакомства, а потом и дружбы Павел Наумович не раскрылся для меня до конца, хотя мы и много общались.

Наши деловые отношения, начавшиеся с редакции “Описания изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725”, расширялись, захватывая разные области.

Я всегда вспоминаю о Павле Наумовиче как о замечательном, достойном подражания редакторе. Он никогда не относился к редакции формально, он говорил: “Автор может пропустить и в чем-то ошибиться, редактор не имеет права”. И я это чувствовала всегда. “Описание изданий гражданской печати” было нашей первой с М.М. Гуревичем работой, большой и сложной, и мы были недостаточно опытными авторами. В течение двух месяцев каждое воскресенье я приходила к Павлу Наумовичу на 2–3 часа и от начала до конца рукописи он давал указания. Но этим дело не ограничивалось. Пересматривая письма Павла Наумовича начала 1950-х годов, я увидела, что даже летом, на отдыхе, он давал советы, указывал новые источники. Каталог был сдан в Издательство Ленинградского отделения Академии наук в августе 1953 года, подписан к печати 4 ноября 1955 года. За все это время редкий телефонный разговор по любому вопросу не обходился без того, чтобы Павел Наумович не вспомнил “Описание” и не спросил: “А вы смотрели такую-то статью?” Это была замечательная, первоклассная школа, которая давала хорошие результаты. Второй выпуск нашей работы “Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689 – январь 1725” потребовал от Павла Наумовича значительно меньше времени и внимания. Он был требователен, но очень тактичен в своих замечаниях и никогда не давил на автора. Иногда он не соглашался со мной в некоторых вопросах, но если считал, что мое мнение не абсурдно, то оставлял текст нетронутым.

Как-то вышло само собой, что Павел Наумович стал редактором почти всех моих статей. Некоторые литературные темы он мне подсказывал. Это общение давало необычайно много, обогащало знаниями, и невольно думалось, как много должны были получать те, кто были его настоящими учениками.

Трудно учесть, сколько знаний и библиографических сведений я получила от Павла Наумовича. Это были не только справки и советы, за которыми я обращалась к нему. Постепенно вошло в обычай, что если Павел Наумович не мог найти ответ на какой-нибудь вопрос в своей библиотеке или Библиотеке Акаде-

мии наук, он просил меня навести справку в Публичной библиотеке. Эта работа всегда доставляла мне большое удовольствие, справки бывали сложные, найти ответ не всегда было легко, но поиски расширяли мой кругозор.

Павел Наумович не таил своих знаний, щедро ими делился с другими. Всякий мог к нему обратиться и лично, и по телефону. Знаю, что дежурные читальных залов нашей библиотеки иногда звонили ему за справками. Когда сюда приехал из Германии Иоахим Тецнер, занимавшийся Феофаном Прокоповичем, Павел Наумович, щадя его время, вынул из своей картотеки все карточки о Феофане и предоставил Тецнеру для использования. Это произвело на Тецнера огромное впечатление, уже из Германии он писал, что такая щедрость – самое сильное его впечатление о Советском Союзе.

У Павла Наумовича была душа библиографа, его интересовало разрешение библиографических вопросов. Иногда по телефону спросишь его, какими путями найти ответ на какой-нибудь вопрос. Реакция была всегда одинакова: “Одну минуточку”, трубка положена и Павел Наумович у книжной полки. Было бесполезно говорить, что я прошу только указания пути, что к моим услугам вся Публичная библиотека – Павел Наумович роется в книгах.

Если возникал библиографический вопрос во время ужина, Павел Наумович вскакивал из-за стола и шел к справочникам.

Павел Наумович ценил не только точность справки, он оценивал, как она сделана. Как-то, говоря о больших библиографических знаниях много лет проработавшей в Публичной библиотеке Л.И. Олавской, он добавил: “...я не встречал человека, который делал бы справки с таким изяществом”.

К разрешению библиографических загадок Павел Наумович относился с необычайным энтузиазмом. В первые годы нашего знакомства я слышала от него утверждение, что первая газета Академии наук на немецком языке начала выходить в 1727 году, хотя большинство исследователей считали, что первый выпуск вышел 2 января 1728 года. В начале 1960-х годов у нас с Павлом Наумовичем зашел разговор о газете, и он рассказал, что в 1938 году сотрудница Архива Академии наук Е.В. Базилевская дала для сборника “XVIII век” статью об обнаруженном ею выпуске немецкой газеты за 1727 год. Статья не была напечатана, в годы войны она затерялась, Е.В. Базилевская скончалась. Павла Наумовича мучила и пропажа работы Базилевской, и то, что такой важный факт русской культуры и ранней деятельности Академии наук затерялся, а также и то, что он совершенно не помнил,

в каком хранилище Базилевская нашла газету. Павел Наумович буквально поручил мне заняться розысками. Самое тщательное обследование Библиотеки Академии наук и Публичной библиотеки не дало никаких результатов, единственный сохранившийся выпуск в Архиве Академии наук, о котором, очевидно, и писала Е.В. Базилевская, обнаружился позднее. В 1967 году я ехала в командировку в Москву. Павел Наумович еще раз просил меня заняться розысками немецкой газеты в ЦГАДА¹. Тут проявилась вся страстность Павла Наумовича как библиографа – он просил меня в случае удачи немедленно известить его, он не хотел ждать моего возвращения. Мне удалось его порадовать тем, что я нашла полный годовой комплект “Petersburgische Zeitung”.

Во время последней болезни Павла Наумовича я ему в больницу написала о находящейся в частных руках книге: “Strena musis Anno 1799 (Подарок музам на новый 1799 год). Выбрано из печатных книг. Из типографии Воронежского Губернского Правления. 1799”. Книги нет ни в Библиотеке Академии наук, ни в Публичной библиотеке, ни в “Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века”. Я получила ответ, написанный за девять дней до кончины Павла Наумовича. Возможно, что это его последнее в жизни библиографическое высказывание со сделанными на память библиографическими указаниями на источники, и мне кажется, что его стоит привести полностью:

«30/VII 69. Дорогая Татьяна Александровна. Большое спасибо Вам за чрезвычайно интересные сведения о “Подарке на 1799 год”. (В латинском названии, по-моему, есть неточность). Я об этом издании ничего не знаю, но по составу, сообщенному Вами, оно заслуживает интереса, в особенности – переводы эпиграмм Муретовых и Оуэна. Первое, что пришло мне в голову, не связано ли это издание с Евгением Болховитиновым раннего периода (см. Кобеко “Список печ. работ Евгения”. Изд. журн. “Библиограф”, 1889) или еще лучше Евг. Шмурло, “Биография Евгения Болховитинова”. Но кажется, воронежский период у него был позже? Или было два воронежских периода?

Второе, что безусловно, – это издание по содержанию и заглавию связано с кругом интересов Воронежской семинарии. Надо найти историю Воронежск. семинарии и искать там. На память автора я назвать не могу, но, помнится, такая история есть у меня в картотеке на Васильевском, но без меня никто там не разберется.

---

¹ ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов. Ныне РГАДА. – *Ред.*

В-третьих, но едва ли нужно, т.к. для Свод[ного] кат[алога] смотрели, конечно, Семенникова “Типографская деятельность в провинции” и “Список книг, изданных в провинции до 1807 г.”».

В 1964 году Павел Наумович был избран председателем секции книги и графики Ленинградского дома ученых. Несмотря на всю свою занятость, он с большим вниманием и большой заинтересованностью относился к секции, про которую всегда с некоторой гордостью говорил, что это первая послевоенная библиофильская организация в Ленинграде. Он не имел возможности бывать на всех заседаниях, но это отнюдь не значило, что он не интересовался всеми делами секции. Он просил меня рассказать о заседании, на котором не присутствовал, поручал мне, как своему заместителю, разные секционные дела. По его инициативе были введены наши “первые вторники” каждого месяца – регулярно в эти вечера члены секции показывали или свои новые приобретения, или замечательные вещи из своих коллекций. Обычно к сообщению докладчика Павел Наумович делал добавления, вечер обращался в интереснейший библиографический семинар. В редких случаях демонстрировалось что-нибудь совершенно незнакомое Павлу Наумовичу. Сам он считал эти вечера из числа секционных самыми интересными и не пропускал их. Он предлагал темы для сообщений в секции, привлекал докладчиков, сам делал много докладов, всегда с новым материалом или в новом освещении, так как считал, что стоит выступать только в тех случаях, когда можно сказать что-нибудь новое.

Павел Наумович был борцом за справедливость. Перегруженный работой, усталый, плохо себя чувствуя, он иногда ехал в Москву на заседание Академии наук, так как считал, что там может быть принято неправильное решение. Раз, перед такой поездкой, он мне сказал, что в молодости удивлялся, как в пожилом возрасте В.Н. Перетц ездил в Москву на заседание, чтобы высказать свое принципиальное мнение, “а теперь я его понимаю и езжу сам”, – заключил свои слова Павел Наумович.

Наши отношения не ограничивались научными и деловыми, постепенно они становились все более дружескими. Это видно по письмам Павла Наумовича: меняется их тон, проскальзывают шутки, иногда это коротенький привет из какого-нибудь летнего путешествия.

Павел Наумович был необычайно внимателен к людям. Во время болезни кого-либо из товарищей по секции или по работе он всегда выражал беспокойство, просил сообщить о состоянии больного. Особое внимание и заботу он проявлял по отношению к М.М. Гуревичу. Сама я это испытала во время своей болезни.

Сколько сочувствия высказал мне Павел Наумович после смерти моей сестры.

Внимательное отношение к окружающим было свойственно Павлу Наумовичу; в автобусе, при выходе, он предлагал женщине с ребенком: “Разрешите я пройду вперед и подам вам руку”.

Павел Наумович легко писал стихи на русском и на латинском языках. На банкете в честь его 70-летнего юбилея Я.М. Боровский прочитал стихотворение своего сочинения на латинском языке в честь юбиляра, показав в начале вечера стихи Павлу Наумовичу, который тут же перевел их на русский язык и свой перевод прочитал за столом.

Мы жили близко друг от друга и обычно после заседаний возвращались вместе. Эти полчаса были всегда очень насыщены. Мы говорили о прослушанном докладе, о вновь вышедшей книге, о моих работах. Рассказывал Павел Наумович и о своих делах, о перипетиях с издательствами, делился своими зарубежными впечатлениями. Обсуждали мы и дела секции. Разговор бывал без особой заданной темы, серьезный или шуточный, но так как Павел Наумович был человек неожиданностей, то всегда интересный. В такой болтовне-разговоре я услышала, что он в молодости в провинциальной гимназии преподавал математику, играл на скрипке. Я заговорила о Тутанхамоне и узнала, что в прошлом П.Н. Берков был египтологом.

В этих же разговорах вырисовывалась забота Павла Наумовича о молодежи. Мы возвращались из Пушкинского Дома после доклада на заседании Группы XVIII века дипломной работы одной студентки. Павел Наумович мне разъяснил, почему он ставит такие доклады на Группе, а некоторые из докладов печатаются в сборниках “XVIII век”: “Где же им начинать, если мы их не допустим”. Он был благожелателен, но требователен в смысле допуска молодежи в настоящую научную работу. У него был оригинальный метод оценки способностей студентов – одну и ту же тему он давал в виде дипломной работы разным лицам и выяснялись возможности каждого. В случае нужды он выручал студентов, некоторые его ученицы с благоговением вспоминают его. Сама я была свидетельницей того, как к Павлу Наумовичу пришла студентка, вне всяких сроков затянувшая сдачу работы, и ей грозили большие неприятности. Павел Наумович просматривал работу ночью. Он строго выговаривал студентке за ее недопустимую небрежность. Она поникла, и тогда Павел Наумович вынул отзыв из ящика письменного стола: “Вот отзыв, но впредь так не поступайте”.

Павел Наумович любил музыку, они часто бывали с Софьей Михайловной на концертах. Помню одну нашу встречу в период редакции первого выпуска “Описания” петровских книг. У Павла Наумовича была спешная работа, и он на время задержал редактуру. До сих пор помню, как мы встретились в фойе филармонии. Полушутливо он сказал: “Теперь вы будете думать, что я хожу по концертам, а работа стоит. Но меня увлекла Софья Михайловна, уверяя, что нельзя только работать, надо давать себе отдых”. Я, конечно, от всей души присоединилась к мнению Софьи Михайловны.

Работоспособность у Павла Наумовича была исключительная. Он работал не щадя себя, последние годы иногда лежа на диване, так как ему было трудно сидеть за письменным столом. Однажды я позволила себе сказать, что невозможно так жить, надо беречь себя, он мне ответил: “Татьяна Александровна, наука берет всего человека, а иногда и жизнь”.

Несколько раз он среди разговора упоминал, что ему еще так много надо сделать. Он сознавал, что не успеет выполнить всего задуманного, и как-то сказал: “Моя библиотека – показатель моих несбывшихся замыслов”.

Павел Наумович всегда торопился домой, чтобы сестра заниматься, поэтому после заседаний мы обычно ехали. Последний год он очень уставал и началась “новая эра”: из Пушкинского Дома мы возвращались пешком. Павел Наумович мне объяснил: “Мне жалко было отрывать время от работы. Сейчас я так устал, что заниматься не смогу, можно пройтись”.

В последний раз я видела Павла Наумовича 19 июня 1969 года на ученом совете университета на защите докторской диссертации Е.Э. Гранстрем. Он выглядел очень утомленным. Когда я в перерыве к нему подошла, он с большим вниманием просматривал диссертацию и выразил свое восхищение ею и особенно каталогом греческих рукописей. Чтобы его развлечь, я показала приготовленный диссертантке шуточный подарок, он рассмеялся. На этом разговор прервался, перерыв окончился, продолжился ученый совет.

Во всех эпизодах, в разговорах, которые зачастую были полны шарма, вырисовывался Павел Наумович как талантливый ученый, всегда глубоко принципиальный, благородный во всех своих поступках человек, человек большой доброты, внимательности к людям, заботливый товарищ и друг, учитель молодежи, прекрасный семьянин. Всякий разговор с ним оставлял какой-то след в душе.

В статье об армянском поэте Ованесе Туманяне Павел На-

умович приводит фразу Туманяна о его умершем друге: “Кто не видел его, не узнает его никогда. С ним нельзя знакомиться по рассказам. Да, нельзя знакомить рассказами с такими людьми, которые являли собой сердца и душу, – так как нельзя восстановить по рассказам пропетую и забытую песню, как нельзя снова собрать описанием давно пронесшийся по воздуху аромат”. Эти слова приложимы к самому Павлу Наумовичу.

Для тех, кто не знал Павла Наумовича, “нельзя восстановить пропетую песню”, но для тех, кто знал Павла Наумовича, песнь звучит всегда, обаяние Павла Наумовича остается неотразимым и глубоким, и забыть его нельзя.

А.А. Сидоров

In memoriam П.Н. Беркова

Незабвенный, не только для меня, Павел Наумович Берков принадлежал, бесспорно, к числу тех людей, которых можно назвать “государственной ценностью”. Павел Наумович не щадил себя в исключительно многообразной научной, литературной, педагогической работе. Его поражающая эрудиция охватывала исключительно широкие горизонты науки и литературы, культуры не одной только нашей страны. Автор этих строк особенно сблизился с Павлом Наумовичем в самые последние годы его прекрасной жизни. Свой путь Павел Наумович прошел достойно и красиво. Слова толпятся, трудно выбрать из них такие, которые бы наиболее кратко и достойно выразили особые, неповторимые качества безвременно покинувшего нас друга. В Павле Наумовиче поражало ВСЁ. Его высокая и широкая КУЛЬТУРНОСТЬ. Его блестящая ТАЛАНТЛИВОСТЬ, позволявшая ему делать увлекательным такой, например, детальный экскурс, как обследование буквы “ять” в XVIII веке. Его ПРОНИКНОВЕННОСТЬ, одинаково проявляемая и в работах по культуре XVIII века, принесших ему международное признание, и во многих еще трудах, в последнее время – в специальном семинаре о Валерии Брюсове. Его научная “ЩЕПЕТИЛЬНОСТЬ”, высокодобросовестная внимательность к словам, мыслям и людям; ТАКТИЧНОСТЬ его в отношениях к друзьям, сотрудникам, исследователям тех областей, в которых он соприкасался с другими. Павел Наумович был в силу этого прекрасным РЕДАКТОРОМ тех материалов, с какими ему приходилось иметь дело. Я впервые близко познакомился с П.Н. Берковым на редакторской работе. Переписка и личные встречи с ним всякий раз показывали его прекрасный, “ЖАДНЫЙ”, интерес к самым разнообразным деталям культуры древности и современности. Что только не интересовало его! Формы старинных лодок, известных по археологическим находкам и по словам былин; газетные данные об иных фактах московской жизни перед революцией, отраженных в поэзии

Брюсова; лозунги иных сообществ полумасонского типа и, в исключительной степени, книголюбие, объединения энтузиастов, библиофилов, собирателей. Работы П.Н. Беркова, посвященные библиотекам иных писателей, обществам друзей книги, останутся образцовыми, равно как в другой области останутся такими же его исследования революционной публицистики. Как ученый, исследователь, писатель, П.Н. Берков заслужил почет и признание в нашей стране и за рубежом. В кругах друзей книги две его опубликованные работы¹ и третья, увидевшая свет в издательстве “Книга”², принесли ему и будут еще приносить подлинную авторитетность и популярность...

Нельзя не сказать хотя бы немного о Павле Наумовиче как о человеке. В переписке с ним, в личных встречах, во время уже начавшейся его болезни, в процессе долгой болезни автора этих строк, – как выразилась подлинная ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ Павла Наумовича! Его слова, полные высокой принципиальности и благородства, дружественности и понимания, любви к иным “старшим” (как, например, к нашему общему учителю Богдану Степановичу Боднарскому – великодушие, подлинно ВЕЛИЧИЕ ДУШИ Павла Наумовича, – всё это в его письмах и в его беседах оставит неизгладимый след в памяти и в сердце автора этих строк...

Мы любили с покойным обмениваться словами звучной латыни. Но не официальным словом “*Sit tibi terra levis*” (“Да будет тебе земля легкой”) хотелось бы кончить это письмо, а другими словами, Катулла:

AVE ATQUE VALE –
Друг мой, ПРИВЕТ и ПРОСТИ...

---

¹ О людях и книгах: (Из записок книголюбца). М., 1965; Русские книголюбцы: Очерки. М.; Л., 1967. – *Ред.*

² История советского библиофильства (1917–1967). М., 1983. – *Ред.*

Е.С. Кулябко

П.Н. Берков и Архив Академии наук

Я познакомилась с Павлом Наумовичем в 1947 году, вскоре после того, как была принята на работу в Архив Академии наук помощником старшего научного сотрудника Льва Борисовича Модзалевского, ученого хранителя архивного фонда М.В. Ломоносова.

Л.Б. Модзалевский готовил тогда к печати переписку Ломоносова, которая должна была составить восьмой, последний, том академического издания сочинений Ломоносова, предпринятого академиком М.И. Сухомлиновым¹. Преждевременная смерть Л.Б. Модзалевского не позволила ему завершить почти готовую работу, и окончание ее по решению ответственного редактора, академика С.И. Вавилова, было поручено мне. Я была недостаточно опытной для такой работы и обратилась со своими затруднениями к Павлу Наумовичу, с которым всегда советовался Лев Борисович. Павел Наумович внимательно выслушал меня, дал целый ряд ценных указаний, помог в определении времени написания нескольких недатированных писем, указал на необходимые принципы орфографической передачи текстов.

Когда я была назначена ответственным хранителем и куратором фонда М.В. Ломоносова, XVIII век стал предметом моего исследовательского интереса, а работы П.Н. Беркова, посвященные разработке наиболее важных проблем литературного наследия Ломоносова, заставили меня искать общения с автором книг, открывающих новые перспективы изучения волнующей меня эпохи.

Павел Наумович готовил каждую свою работу с любовью и тщательностью. Его девизом было: “Никогда не писать, если не чувствуешь, что можешь по данному вопросу сказать нечто новое, нужное, ранее неизвестное и в какой-то мередвигающее на-

---

¹ *Ломоносов М.В. Сочинения. Т. VIII. М.; Л., 1948.*

уку вперед”². Он часто приходил в Архив Академии наук в поисках документальных материалов, на которые опирался как исследователь в своих историко-литературных обобщениях. Его интересовали переписка Г.Н. Теплова с Г.-Ф. Миллером, списки книг, приобретенных М.В. Ломоносовым за границей и в книжной лавке Академии наук. Павел Наумович терпеливо перелистывал огромные фолианты текущих дел и журналы Академической канцелярии, выявляя имена скромных переводчиков и безвестных литераторов.

Иногда он обращался ко мне с просьбой просмотреть описи архивных фондов и выяснить, что имеется по интересующему его вопросу. В других случаях я по своей инициативе ставила в известность Павла Наумовича о найденных мною документах по его тематике. Если выявленный мною материал оказывался богатым и ценным источником для исследовательской работы, то Павел Наумович неизменно предлагал мне обработать его самой и заняться интересной, не встававшей прежде передо мною проблемой.

Так возникла, например, моя статья о сохранившихся в Архиве письмах европейски известного в первой половине XVIII века ученого словака Маттиаса Белиуса, или по-словацки Матея Беля³. Прежде считалось, что самые ранние научные связи ученых славянских стран с Петербургской академией наук относятся к XVIII веку, когда знаменитый чешский славист Иосиф Добровский вступил в научный контакт с некоторыми русскими академиками. Обнаруженные материалы позволили пересмотреть эту традиционную точку зрения и передвинули начало русско-славянских связей на много десятилетий назад, передав первенство в области научных контактов ученым Словакии. Редакторские ремарки Павла Наумовича, сделанные в подстрочных сносках к этой статье, обогатили ее. Ценным добавлением стал приведенный Павлом Наумовичем перечень словацкой литературы о М. Беле.

Несмотря на чрезмерную занятость, Павел Наумович всегда находил время откликнуться на мои опубликованные работы, а иногда содействовать выходу их в свет, как, например, моей монографии “М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербург-

---

² *Эйхенбаум Б.М.* О П.Н. Беркове // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л. 1966. С. 4. (XVIII век. Сб. 7.)

³ *Кулябко Е.С.* К истории словацко-русских научных связей в XVIII веке: Письма М. Беля в Архиве АН // Русская литература XVIII века и славянские литературы. М.; Л. 1963. С. 168–171.

ской Академии наук”. Эта работа была включена в план юбилейных изданий к 250-летию со дня рождения Ломоносова в 1961 году. Однако при утверждении плана, редакционно-издательский совет Академии наук заменил ее книгой М.И. Радовского более общего характера – “Ломоносов и Академия наук”. Доказав, что в моей книге исследуется одна из наименее освещенных сторон деятельности М.В. Ломоносова и выясняется его роль в формировании демократической интеллигенции, Павел Наумович вместе с действительным членом Академии педагогических наук РСФСР Б.Е. Райковым добились издания моей монографии, вышедшей в свет в 1962 году.

О многогранности Павла Наумовича говорит проявленный им интерес к личности великого русского физиолога И.П. Павлова. Я посылала Павлу Наумовичу все свои работы и потому подарила ему в 1967 году подготовленную мною совместно с физиологами на основании архивных документов книгу “Иван Петрович Павлов в воспоминаниях современников”. Облик этого замечательного человека – страстного исследователя, искателя научной истины, прямого и принципиального во всех делах и помыслах, выдающегося воспитателя и руководителя славной физиологической школы, простого и сердечного, внимательного товарища, готового оказать помощь каждому нуждающемуся в ней, – оказался близок Павлу Наумовичу. Через несколько дней, встретившись со мной на набережной около Академии наук, он попросил напомнить ему, в каком томе сочинений И.П. Павлова было помещено его известное обращение к молодежи. Я рассказала Павлу Наумовичу творческую историю этого письма, установленную мною, и на другой день послала ему имевшуюся у меня его фотокопию.

В ответ я получила письмо Павла Наумовича следующего содержания: «Дорогая Елена Сергеевна! Я очень тронут Вашим неожиданным подарком и еще больше Вашим исключительным вниманием. Большое спасибо! А то, что Вы рассказали мне о его “творческой истории”, делает еще более интересным. Желаю Вам всего доброго. Преданный Вам П. Берков».

Хочется рассказать о Павле Наумовиче как о человеке. Во всем его облике было что-то удивительно располагающее к себе, он обладал самыми прекрасными человеческими качествами – простотой, добротой и поразительной скромностью.

Особую сердечность Павла Наумовича я почувствовала во время своей болезни, когда несчастный случай вывел меня из строя и я должна была во время самой напряженной работы три месяца неподвижно пролежать в больничной палате. И вот од-

нажды мне принесли письмо от Павла Наумовича. Он писал: «Дорогая Елена Сергеевна! Позавчера поздно вечером мы с С. М-ной (Софьей Михайловной. – *Ред.*) прилетели из Берлина, проведя в ГДР 18 дней. Вчера был страшно занят весь день всякими неотложными делами, и только сейчас у меня оказалось время написать Вам. Как Вам не повезло. Действительно – большое и неприятное огорчение (впрочем, бывают ли приятные огорчения!). Не знаю, застанет ли мое письмо Вас еще в больнице. Знаю, как приятно получать в больнице письма – знаки внимания и искренности. От имени С. М-ны и своего желаю Вам скорейшего возвращения домой и – затем – к работе. Всего, всего Вам доброго. Искренне Ваш. П. Берков». А потом, когда мне сняли гипс, от Павла Наумовича стали приходиться письма с советами: «... старайтесь как можно настойчивее разрабатывать ногу. У нашего сына в 1959 г. нога была переломана в трех местах, он год ходил на костылях, но с поразительным упорством разрабатывал ногу, а сейчас бегаёт из Комарова вокруг Щучьего озера, ездит на Кавказ как альпинист-инструктор. Желаю Вам всего доброго. Ваш П. Берков». Эти теплые, доброжелательные письма поднимали мое настроение и способствовали выздоровлению.

В конце июля я вышла из больницы и узнала, что Павел Наумович заболел. Тогда уже я послала ему два ободряющих письма и получила 2 августа ответ со штампом Боткинской больницы «продезинфицировано». Павел Наумович писал: «Дорогая Елена Сергеевна! Спасибо за письма. Пишу через силу, с каждым днем слабею. Если на следующие письма отвечать не буду, прошу не обижаться. Теперь о Вас. Раз нога гнется, это большое счастье. Все зависит только от упражнений. Простите за грубый каламбур: «Ваша нога – в Ваших руках». Желаю всего доброго. Ваш П. Берков».

Это было последнее письмо Павла Наумовича. Будучи в тяжелом состоянии, он думал о других. 9 августа Павел Наумович скончался, но его образ – большого ученого и редкого, чуткого, отзывчивого человека – навсегда останется в моей памяти.

К.В. Чистов

Уроки Беркова

Облик и характер Павла Наумовича раскрывался мне постепенно, по мере нашего общения. Будучи студентом, я испытывал перед ним страх до тех пор, пока не понял, что он – добрейший человек. Григорий Александрович Гуковский пугал нас: “Ну, погодите, попадетесь Павлу Наумовичу”. Существует легенда, что Павел Наумович был добрым экзаменатором. Но ведь он не терпел никакой болтовни, а требовал знания текстов, дат, фактов.

Когда я поступал в аспирантуру, моими экзаменаторами были Павел Наумович (он тогда заведовал аспирантурой), М.К. Азадовский и В.Я. Пропп. Они с некоторым сочувствием отнеслись ко мне, узнав, что Павел Наумович будет участвовать в этом экзамене. Произошел забавный эпизод. Д.М. Молдавский заглянул в комнату, Павел Наумович спросил его: “Вы ко мне?” И Молдавский увел Павла Наумовича за дальний столик, чтобы тот не стал задавать мне вопросов. Ведь мы только что вернулись из армии, только что демобилизовались, забыв на четыре года о филологии. И, действительно, Павел Наумович спросил: “Как тут идут дела?” М.К. Азадовский и В.Я. Пропп переглянулись и ответили, что экзамен уже закончился, по всем трем вопросам “пятерки”. Павел Наумович возразил: “Нет-нет, я все-таки хочу спросить. Чем вы думаете заниматься?” Я ответил, что буду писать об Ирине Андреевне Федосовой¹. “Где были опубликованы ее тексты?” – «В “Причитаниях Северного края”, собранных Барсовым». – “Сколько было томов?” – “Три”. – “А когда эти три тома, – спросил он иронически, – вышли?” – “В 1872, 1882 и 1885 годах”. Он сказал: “Вот и ошибаетесь, третьего тома не было”. А мне незадолго до того М.К. Азадовский подарил третий том, который был опубликован в двух номерах “Чтений Общества истории российской”, отдельно он не выходил, поэтому Павел

---

¹ Федосова Ирина Андреевна (1831–1899) – известная сказительница, “вопленица”. – *Ред.*

Наумович не зафиксировал его в своем сознании как отдельный том. И я не знал, хорошо ли поступил, так и сказав Павлу Наумовичу. Но оказалось, что это расположило его в мою пользу.

Я слушал курс лекций Павла Наумовича по источниковедению и библиографии, в который включались элементы текстологии и литературоведческой эвристики, и многому научился. Занимаясь в семинаре Г.А. Гуковского русской литературой XVIII века, я должен был написать работу “Сумароков и фольклор” и читать ее для двух семинаров. У меня возникло предположение, что между Сумароковым и Ломоносовым в первых их баснях был элемент дискуссии о том, какова должна быть басня – лафонтеновская или какая-то иная. Я решил посмотреть в журнале “Полезное увеселение” первые публикации некоторых басенных текстов, но, к своему удивлению, не смог их найти. Говорю Григорию Александровичу: “Как же так получается? Я встретил ссылки и у вас, и у Павла Наумовича, но в этом томе басен нет”. Он говорит: “Пойдите к Павлу Наумовичу, и все разъяснится”. Так и произошло. Павел Наумович сразу сказал: «Я все понимаю. Вы читали “Полезное увеселение” в Библиотеке Академии наук, а там дефектный том – вырваны страницы. Вам нужно пойти в Публичную библиотеку. Так вот, голубчик, надо следить за пагинацией». И я запомнил это на всю жизнь.

По своей функции в науке Павел Наумович был прежде всего знатоком, у которого было необъятное поле библиографического наблюдения, невероятная память. К юбилею Н.Г. Чернышевского на филологическом факультете подготовили большую выставку. И вот перед заседанием собираются члены кафедры, рассматривают фотографии, и вдруг Б.М. Эйхенбаум замечает: “Чернышевский защищал свою диссертацию в Петербургском университете. Но почему снег на фотографии? Это что же, зима была? Когда была его защита?” Никто не помнит. И тогда Борис Михайлович говорит: “Тихо, идет Павел Наумович. Спросим у него”. И Павел Наумович дал точный ответ.

Бывал он и строг. Как-то Павел Наумович спросил меня: “С каких пор вы стали рассылать свои статьи по областным газетам?” В то время я жил в Петрозаводске и иногда печатался в местной газете, но других газетных публикаций у меня не было. Оказалось, что Павел Наумович получил из Бюро газетных вырезок, на которые он всегда подписывался, мою статью с ошибочным указанием, что она напечатана в сталинградской газете “Ленинское знамя”.

Однажды я получил выговор от Павла Наумовича. Это было на Софийском съезде славистов. Я подготовил доклад, который

вышел отдельной брошюрой, “Современные проблемы текстологии русского фольклора”. В перерыве между заседаниями Павел Наумович очень строго сказал мне: “Что вы написали в вашей брошюре? Мы вас этому не учили. У вас получается, что в фольклоре тоже есть тексты”. Я ответил: “Мне кажется, что могут быть разные подходы к этому вопросу. Фольклорный текст существует в массе своих вариантов. Их совокупность – это и есть текст фольклора”. Он несколько подобрел и сказал: “Ну, надо над этим подумать”.

Широко было поле интересов Павла Наумовича. Как-то моя жена, Белла Ефимовна Чистова, опубликовала статью о связях немецкого экспрессионизма и русского футуризма. Ее статью целиком перепечатали в Грузии под другой фамилией. Оказалось, что Павел Наумович знаком с этими публикациями, хотя германистика не входила непосредственно в круг его интересов. Встретив Беллу Ефимовну, он спросил: “Вы знаете, что вас обокрали в Грузии?”

Павел Наумович считал необходимым постоянно следить за научной литературой. Этому он научил и нас.

В.Г. Березина

Любимый учитель

Мои первые воспоминания о Павле Наумовиче относятся к предвоенному времени. Я, как и мои сокурсники по филфаку Ленинградского университета, впервые увидела Павла Наумовича осенью 1939 года, когда он только что вырвался из тюремного заточения. Он вышел из “Крестов” 9 августа 1939 года, а уже 1 сентября приступил к работе. Это был исхудавший, высохший человек, кожа желтоватого цвета как бы обтягивала лицо. Но поражали его светящиеся, живые, умные глаза. Постепенно Павел Наумович приобретал более здоровый вид. Он никогда не ходил медленно, походка была быстрая, стремительная, а в правой руке всегда огромный, тяжелый портфель, туго набитый рукописями и книгами. Такой же портфель был только у В.М. Жирмунского.

В наше студенческое сознание Павел Наумович вошел как педагог, обладающий феноменальной памятью. О нем говорили: “Павел Наумович знает всё и обо всём”. Мы знали его как человека требовательного к себе и студентам, чрезвычайно дисциплинированного. Он страшно возмущался и не сдерживал себя, если студент опаздывал на занятия или во время лекции позволял себе поговорить с соседом. Павел Наумович был строг и даже суров, и мы его побаивались, хотя от студентов, которые учились у него, слышали о его доброжелательности, стремлении и умении приобщить своих подопечных к науке, вызвать у них интерес к научным разысканиям, привить им навыки научного труда. Знали мы и то, что Павел Наумович готов поддержать студента, выручить его в трудные моменты, если студент того заслуживает. Лодырь же не мог получить у Павла Наумовича никакого снисхождения.

Павел Наумович буквально спас меня во время государственных экзаменов, которые мы сдавали в июне 1941 года. Мы заволновались, когда узнали, что председателем Государственной ко-

миссии назначен строгий Павел Наумович. Знали, что тут от нас требуется абсолютная точность; никаких опозданий, шпаргалок, подсказок друг другу быть не может. На экзамене по русской литературе XIX–XX веков для того, чтобы экзаменаторы могли лучше проверить знания студентов, наша группа была разделена на две части: первая приходит на экзамен к десяти часам, а вторая – к часу дня. Мне нужно было прийти утром, но я успела только к 12 часам. На площадке второго этажа встречаю сурового, рассерженного Павла Наумовича, готового сделать мне настоящий выговор. Узнав причину моего опоздания (был болен брат, нужно было ждать врача), Павел Наумович смягчился и предложил: “Сейчас у нас перерыв. Вторая часть экзамена начнется через час. Идите в аудиторию, берите билет и готовьтесь”. В аудитории веером были разложены билеты. Павел Наумович предложил: “Пожалуйста, берите”. Я попросила: “Павел Наумович, вы, наверное, счастливее меня, возьмите сами для меня билет”. Он вытащил билет и передал мне: “Садитесь, готовьтесь”. Я прочла билет и говорю: «Очень хороший билет: “Петербургские” повести Н.В. Гоголя, “История одного города” М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.Я. Брюсов, а четвертый вопрос – роман М. Горького “Жизнь Клима Самгина”». И тут я страшно разволновалась. “В чем дело?” – спросил Павел Наумович. Мне пришлось признаться, что я прочла только первый том “Клима Самгина”, а остальные три тома не читала. “Что же будем делать? – спросил Павел Наумович. – Хотите, я вам билет поменяю?” И он, председатель Государственной комиссии, строгий экзаменатор, поменял мне билет. Я посмотрела и говорю: «Павел Наумович, ведь второй-то билет еще хуже первого. Там “Клим Самгин” шел четвертым вопросом, до него экзаменаторы, может быть, и не дойдут, а тут третьим вопросом Николай Успенский, ну хоть бы Глеб Успенский. Уж пусть лучше будет “Клим Самгин”, дайте мне обратно тот, первый билет». Павел Наумович стал его искать, спрашивает, какой номер там был. – “Не помню”. Наконец нашли. Села я, лежит передо мной билет с “Климом Самгиным”. И тут Павел Наумович начал мне рассказывать роман “Жизнь Клима Самгина” самым подробнейшим образом. Наконец, смотрю, что стрелка часов подвигается к часу, и спрашиваю: “Павел Наумович, как заканчивается роман?” Он отвечает: “Произведение не закончено, а изложение доведено до февральских событий 1917-го года”. – “А с героем что случилось?” И тут вошли экзаменаторы.

Я намеревалась отвечать за столом, где сидели Г.А. Бялый, И.Г. Ямпольский и Г.А. Гуковский, но меня вызвали за другой

стол, где расположились Н.К. Пиксанов, О.В. Сахновцев и еще кто-то, мне не знакомый. Павел Наумович ходил за спинами экзаменаторов. Вдруг Николай Кирьякович взял мой билет и говорит: “Ну, стало быть, мы начнем экзамен с последнего вопроса”. При этом Павел Наумович изменился в лице, схватился за голову и вышел из аудитории: наверное, он не хотел видеть мой позор. Но ведь я внимательно слушала Павла Наумовича и все хорошо запомнила. Удалось словами Павла Наумовича ответить и на вопрос, чем заканчивается “Клим Самгин”. Я заслужила похвалу экзаменаторов, и Павел Наумович остался очень доволен.

Через десять лет я встретила Павла Наумовича в филармонии на концерте известной певицы Пантофель-Нечецкой¹. По окончании концерта Павел Наумович спросил меня: “Хотите, расскажу вам сказочку? Вы знаете певицу Барсову?” – “Конечно, знаю”. – «Так вот, однажды Барсова подошла к синему морю и стала кликать золотую рыбку. Золотая рыбка спросила: “Что тебе надо, Барсова?” – “Я хочу получить звание народной артистки Советского Союза”. – “Хорошо, ты будешь народной артисткой”. Но Барсовой показалось этого мало. Она во второй раз кличет золотую рыбку и говорит ей: “Я хочу быть лауреатом Сталинской премии”. – “Хорошо, Барсова, иди домой, ты будешь лауреатом Сталинской премии”. В третий раз стала кликать Барсова золотую рыбку. “Что тебе надо?” – спросила рыбка. “Я хочу быть такой певицей, чтобы лучше меня не было, чтобы я была единственной и несравненной”. Ничего не ответила золотая рыбка, только махнула хвостиком и уплыла. А море разбушевалось и выбросило на берег Пантофель-Нечецкую».

Вдруг Павел Наумович вспомнил историю со сдачей государственного экзамена. Его супруга Софья Михайловна спросила, прочла ли я потом “Клима Самгина”, и по моему лицу поняла, что не прочла. Павел Наумович сразу изменился, веселость как рукой сняло, в нем зыграл строгий преподаватель. Я не могла поднять глаз от стыда. А когда решилась взглянуть на него, то удивилась. Его лицо снова стало добрым, с хитринкой в глазах. Павел Наумович поблагодарил меня за то, что я сказала правду и тем самым подтвердила его уверенность в том, что студент после экзамена непрочитанную литературу не читает.

---

¹ *Пантофель-Нечецкая* Дебора Яковлевна (1905–1998) – колоратурное сопрано, выпускница Ленинградской консерватории, заслуженная артистка РСФСР (1945); в 1940–1965 солистка Московской филармонии. – *Ред.*

² *Барсова* (настоящая фамилия Владимировна) Валерия Владимировна (1892–1967) – лирико-колоратурное сопрано; в 1920–1948 гг. солистка Большого театра, народная артистка СССР (1937), лауреат Сталинской премии (1941). – *Ред.*

Формально я не могла считаться ученицей Павла Наумовича. И все же постоянное научное и личное общение с ним в течение трех десятков лет вплоть до его кончины, то многое, чему я научилась у него как у великого ученого и замечательного человека, строгого и взыскательного и вместе с тем внимательного и заботливого, – все это позволяет мне видеть в Павле Наумовиче одного из любимых моих учителей-наставников.

Через несколько лет, после моей кандидатской защиты в 1949 году Павел Наумович со свойственным ему юмором сказал: “Валентина Григорьевна, а я все-таки причастен к вашей научной судьбе. Вспомните, что я был председателем счетной комиссии, когда вы защищали кандидатскую диссертацию”.

Павел Наумович и его научные труды очень помогли мне, когда я стала читать лекции по истории русской журналистики XVIII века. Он стал также руководителем и редактором моей первой научной публикации по этой теме. Как-то я рассказала ему, что увлеклась журналом Сумарокова “Трудолюбивая пчела”. Было известно, что это первый частный журнал, а вот о том, что “Трудолюбивая пчела” положила начало сатирическому направлению в русской журналистике, говорилось мало. Я высказала Павлу Наумовичу свои соображения, подготовила доклад, а через две недели статью. Павел Наумович существенно отредактировал мой текст, а затем написал отзыв и выразил горячее желание, чтобы статья была напечатана.

В 1965 году мой аспирант написал диссертацию “Литературные газеты в России в первой половине XIX века”. Работа была очень интересная, основанная на архивных материалах. Мне очень захотелось, чтобы одним из оппонентов на ее защите стал Павел Наумович. Сначала он отказался быть оппонентом – здоровье не позволяло. Но вскоре изменил свое решение, а почему – мне объяснила потом Софья Михайловна. “Я не должен был отказываться, – сказал Павел Наумович. – Мы ее подготовили, а она своего ученика, так что традиция продолжается”. Можете представить мою радость.

В моей домашней библиотеке много книг Павла Наумовича с его дарственными надписями. Прочитую одну из них, сделанную на книге “Библиографическая эвристика” и датированную 12 апреля 1961 года: “Дорогой Валентине Григорьевне Березиной с самыми лучшими чувствами на память о нашем старинном знакомстве от автора”. И тут же звездочка и сноска: «Который надеется, что этимологию слова “эвристика” вы не станете производить от междометия “Э!” и слова “вристика”». Вот такой был Павел Наумович.

П.Р. Заборов

Настоящий ученый и настоящий человек

Современников Павла Наумовича Беркова становится все меньше и меньше; поэтому, возможно, не будет лишним напомнить о той особой роли, которую играл он в нашей университетской и академической жизни. Я имею в виду характер, масштабы и уровень его деятельности в избранных им областях гуманитарного знания, его авторитет как ученого и педагога – и в не меньшей степени значение его как нравственной личности, его воздействие на нас, его моральный авторитет.

Что же лежало в основе исключительного авторитета Павла Наумовича как профессионала и человека – в филологическом мире и вообще в интеллигентной среде? Задуматься над этим, как мне кажется, полезно, ибо судьба таких людей всегда поучительна, и, вспоминая о них, мы невольно станем размышлять о себе, о своей работе и общественном поведении, а это необходимо и для тех, кто уже подводит итоги, предварительные или окончательные, и особенно для тех счастливых, которые находятся в самом начале пути.

В основе огромного авторитета Павла Наумовича лежал прежде всего его высочайший профессиональный уровень: редкая даже и в то время широта интересов и энциклопедическая образованность, которые вряд ли могли бы возникнуть без феноменальной памяти и замечательного трудолюбия, не ослабевавших с годами.

Научное наследие Павла Наумовича очень велико. Перечень его трудов, как известно, составил целую книжку. Но и основные направления его деятельности назвать нелегко. Это история русской литературы на всем ее протяжении, в первую же очередь, конечно, литература XVIII века, литературы народов СССР, зарубежные литературы, русско-зарубежные литературные связи (русско-немецкие, русско-французские, русско-английские, русско-итальянские, русско-испанские, русско-польские и другие),

история журналистики, история театра, книговедение, библиография, история филологической науки, методика литературоведческих исследований, издания русских классиков и т.д.

Само по себе это удивительно, это поражало даже тогда, когда крупных ученых-эрудитов было у нас сравнительно много; сейчас же кажется неправдоподобным. Разумеется, наука все больше дифференцируется, но и мы мельчаем, наш кругозор, как правило, весьма ограничен, а специализация часто узка до смешного.

Энциклопедизм Павла Наумовича производил на меня, да, думаю, и на всех, включая и тех, кто его не любил (а такие, увы, встречались), сильнейшее впечатление. Однако в его книгах и статьях поражало и нечто иное, не менее существенное, – новизна материала, свежесть заключенных в них наблюдений, благородство стиля. И все же их главное достоинство, на мой взгляд, – абсолютная их достоверность. Естественно, не всё, им написанное, в равной мере удачно; естественно, что и у него попадаются ошибки и во всяком случае неточности и разного рода погрешности; но в его трудах нет непродуманных гипотез, широковещательных деклараций, концепций, построенных на песке, нет эпатажа, которых, к сожалению, предостаточно в работах наших литературоведов, иногда при этом одаренных, а иногда лишь прикрывающих всей этой мишурой собственную бездарность и глубокое невежество.

Целью исследований Павла Наумовича было установление истины, к этому он стремился всегда с чрезвычайной энергией, даже страстью, и ради этого готов был не только проделывать колоссальную работу, но и бороться, и жертвовать своим покоем.

Напомню лишь один достаточно характерный эпизод, свидетелем которого был; тем более что в печати он отражения почти не получил. В начале 1960-х годов чехословацкий профессор Вацлав Черны обнаружил в одном из пражских архивов три сочинения на французском языке, посвященные России и прежде всего Петру I, озаглавленные: “Апофеоз Петра Великого”, “Сравнение Петра Великого с Александром Македонским и Ликургом” и “Опровержение некоторых авторов”. Специалист по французской литературе XIX века, совершенно не сведущий в истории русской культуры, Черны, не утруждая себя скольконибудь серьезной аргументацией, предположительно приписал эти сочинения Ломоносову лишь потому, что тот участвовал в снабжении материалами по русской истории Вольтера в связи с его работой над “Историей Российской империи при Петре Великом”.

Достаточно было прочесть авторское предисловие к этим сочинениям, чтобы отчетливо понять, что к Ломоносову они никакого отношения не имели. Убеждали в этом и сами сочинения. К такому заключению и пришел Павел Наумович, ознакомившись с ними. Однако на заседании Группы по изучению литературы XVIII века Пушкинского Дома, где эта проблема обсуждалась, точка зрения Павла Наумовича была не только рядом присутствующих оспорена, но и квалифицирована как вредная, даже антипатриотическая, поскольку она не позволяла пополнить литературное наследие Ломоносова, хотя дело шло о сравнительно небольших сочинениях, да еще во французском переводе (выдвигалась именно такая версия). Показательно, что сторонники этой “патриотической” точки зрения по незнанию французского языка текстов этих прочесть не могли и судили о них по преимуществу с чужих слов.

Обстановка на этом заседании была весьма неприятной. “Патриоты” нападали на Павла Наумовича, придумывая разные вздорные, фантастические аргументы в пользу атрибуции В. Черны; но Павел Наумович не сдавался и стоял на своем, ибо важнее всего для него была истина. Попутно отмечу, что в ответ на всю эту демагогию он, в отличие от других, в том числе и в принципе разделявших его точку зрения (например, В.С. Люблинского и А.А. Морозова), предложил свое решение вопроса, назвав в качестве возможного автора этих достаточно интересных публицистических сочинений П.А. Левашева и обосновав свое мнение с необычайным блеском. Мысль эта родилась у него при чтении вновь найденных текстов, но могла родиться лишь потому, что Левашевым он интересовался в течение многих лет.

Обстановка, в которой проходило заседание, посвященное “пражской находке”, была, повторяю, весьма неприятной. Однако она не шла ни в какое сравнение с обстановкой “разоблачительных” заседаний 1940–1950-х годов. Отстаивать истину, справедливость или хотя бы не способствовать торжеству несправедливости было в тех условиях подвигом, и далеко не все в общем порядочные люди выходили из этого испытания с честью.

В числе других Павлу Наумовичу было предложено принять участие в “разоблачении” его старшего товарища, одного из самых выдающихся советских филологов, имя которого теперь известно во всем мире. По свидетельству очевидца, Павлу Наумовичу дали недвусмысленно понять, что от его согласия или несогласия зависит дальнейшее его пребывание в университете. Тем не менее он отказался, согласившись лишь покаяться в собственных ошибках. При всей унижительность и всем уродстве такой ситуа-

ции, для него она все же была приемлемой; к своей деятельности он относился критически, и если уж так складывались обстоятельства, мог признать это публично, но втоптать в грязь коллегу, перед которым преклонялся, было для него непереносимо.

Вообще уважительное отношение к коллегам было свойственно ему в высокой степени, а подчас и в сверхвысокой. Так, многим памятно, что нескольких современных ему литературоведов он называл “великими”. Именно этот эпитет применял он, характеризуя Г.А. Гуковского, которого считал самым ярким и глубоким среди знатоков XVIII века и ставил его много выше себя. Можно вспомнить в этой связи и другой примечательный факт: после избрания Павла Наумовича в Академию наук СССР (летом 1960 г.) он, прекрасно понимая, что вполне заслужил это, счел все же необходимым объясниться с теми, кто, по его мнению, имел на то преимущественное право, но подобной чести не удостоился. К каждому из них он обратился с письмом, в котором как бы извинялся, что невольно перебежал ему дорогу, и выражал надежду, что справедливость восторжествует.

Не случайно Павел Наумович был автором множества статей об отечественных и иностранных ученых – филологах, библиографах, книговедах; статей энциклопедических, юбилейных, некрологических. Вот далеко не полный перечень тех, о ком довелось ему в разные годы писать (в алфавитном порядке): Д.И. Абрамович, В.П. Адрианова-Перетц, М.К. Азадовский, М.П. Алексеев, Иосип Бадалич, С.Д. Балухатый, Д.Д. Благой, Велчо Велчев, Эдуард Винтер, Франк Вольман, М.Б. Вольфсон, А.А. Гозенпуд, Б.П. Городецкий, Н.К. Гудзий, Г.А. Гуковский, В.А. Десницкий, Н.С. Державин, К.Н. Державин, В.Е. Евгеньев-Максимов, И.П. Еремин, В.Н. Жданов, В.М. Жирмунский, И.М. Кауфман, А.И. Кирпичников, М.К. Клеман, Н.К. Козмин, Н.А. Котляревский, П.И. Лебедев-Полянский, Н.О. Лернер, Д.С. Лихачев, Е.А. Ляцкий, Л.Н. Майков, А.И. Малеин, И.Е. Мандельштам, И.Ф. Масанов, А.В. Мезьер, Б.Л. Модзалевский, Н.И. Мордовченко, Ю.Г. Оксман, А.С. Орлов, В.Н. Перетц, Е.В. Петухов, Н.К. Пиксанов, В.Я. Пропп, Гаральд Рааб, Б.Г. Реизов, А.П. Рифтин, В.В. Сиповский, Н.П. Смирнов-Сокольский, И.И. Толстой, Б.В. Томашевский, И.М. Тронский, А.Г. Фомин, Д.Д. Шамрай, В.Ф. Шишмарев, Л.В. Щерба, Б.М. Эйхенбаум, Л.П. Якубинский, Виктор Якубовский. Впечатляющий список! К тому же о некоторых из названных ученых Павел Наумович писал неоднократно.

Однако уважение к коллегам никогда не связывалось в его сознании с чинами и званиями. Оно в полной мере проявлялось и в его общении с молодыми научными сотрудниками и преподавате-

лями. Так, например, когда выяснилось, что объем подготовленного к его 60-летию 7-го сборника “XVIII век” слишком велик, и пришлось пожертвовать статьями молодых авторов, Павел Наумович попросил передать ему эти статьи в машинописном виде, чтобы сделать из них своего рода приложение к сборнику. Приведу и одно “документальное” свидетельство его отношения к молодежи. Узнав о тяжелой болезни Павла Наумовича (ставшей для него смертельной), я решил написать ему в больницу, и ко мне присоединился кто-то из моих коллег. Хотя чувствовал он себя неважно, ответ пришел очень скоро: «Дорогой Петр Романович! Несколько дней назад я получил Ваше письмо, подписанное еще некоторыми членами Вашего сектора. Большое спасибо! Оно очень тронуло меня. Мои “успехи” не особенно велики, порою сменяются “зигзагами”. Словом, болезнь – есть болезнь, а не наиболее простое и краткое доказательство теоремы. Желаю Вам и остальным товарищам всего доброго. Искренне уважающий Вас П. Берков». Письмо помечено 25 июля 1969 года.

Столь же уважительно относился Павел Наумович к своим аспирантам и студентам – участникам его знаменитого семинария, из которого вышли многие видные наши специалисты по русской литературе XVIII века. Между прочим, всех их он, в несколько старомодной петербургской манере, величал по имени-отчеству. При его необыкновенной памяти это было ему не так уж трудно, но все же иногда стоило некоторого напряжения. Однако он неукоснительно следовал этому выработанному им правилу, ибо в нем видел некий принцип, а принципам своим не изменял ни в малом, ни в большом, что продемонстрировал, например, прекратив здороваться со своим когда-то лучшим другом, причем сделал это прямо и открыто.

Прямота и открытость были характерными чертами Павла Наумовича. Дипломатическим языком он не владел, и это часто вредило ему. Его смелые выступления на заседаниях и собраниях вызывали нередко иронические ремарки людей неискренних или чересчур осторожных.

Поводы для таких его выступлений бывали разные: он мог с гневом обрушиться на тех, кто отстаивал идею “русского барокко”, ибо полагал, что это заблуждение, пусть и очень достойных в остальном, специалистов и людей; но чаще всего он выступал в защиту кого-то, ради чьей-то пользы, во имя справедливости, шла ли речь о выдвижении маститого ученого в члены-корреспонденты или академики, или же младшего научного сотрудника в старшие, неважно. В его выступлениях всегда звучала убежденность, но никогда не ощущался в них скрытый расчет.

Корысти в поступках Павла Наумовича не могли бы усмотреть и его враги. Он помогал всем, кто к нему обращался, по-видимому не слишком рассчитывая на благодарность, ибо не раз убеждался в обратном, а в последние годы, уволенный как совместитель из Пушкинского Дома (основным местом его работы был университет), руководил Группой по изучению литературы XVIII века “на общественных началах”, иными словами – бесплатно, показывая пример бескорыстного (в точном смысле слова) служения науке.

Путь Павла Наумовича не был усыпан розами: немало пришлось ему пережить и в 30-е, и в 40-е, и в 50-е годы. Достаточно привести заглавия некоторых рецензий на его труды: “Формалистская теория художественного метода” (1931) – на сборник “Работа классиков над прозой”, где ученый выступил с двумя статьями, о Чехове и о Горьком; “Против извращения марксизма-ленинизма в книговедении” (1931) – на брошюру “Развитие истории книги как науки. Опыт историографического обзора”; “В плену вульгарной социологии” (1936) – на книгу “Ломоносов и литературная полемика его времени”; “Против пережитков формализма и буржуазного объективизма” (1949) – на новое издание Ломоносова в Малой серии “Библиотеки поэта”; “Старые ошибки в новой книге” (1953) и “Против объективизма и упрощенчества в науке о литературе” (1953) – на “Историю русской журналистики XVIII века”.

Тогда каждая такая статейка могла повлечь за собой для рецензируемого автора если не катастрофу, то массу неприятностей. Но и в эти годы, и в последний период, когда подобные “критики” стыдливо отводили глаза при встрече с Павлом Наумовичем и даже публично перед ним извинялись, он работал, не теряя ни минуты, с увлечением и уверенностью в том, что делает нужное дело.

О Павле Наумовиче можно с полным основанием сказать, что он трудился всю жизнь не покладая рук. Это, конечно, очень важно, если пытаешься чего-то достигнуть и приносить пользу людям. Но еще важнее, чтобы руки эти всегда, в разных общественных условиях и житейских обстоятельствах, оставались чистыми.

П.Н. Беркову это удалось, несмотря на все трудности, через которые он прошел. Ибо он был настоящим ученым и настоящим человеком.

Б.А. Градова

Роскошь человеческого общения

Мое знакомство с Павлом Наумовичем Берковым состоялось в Пушкинском Доме на заседании сектора древнерусской литературы. В это время я работала в рукописном отделе Публичной библиотеки и училась в университете. Студенты посещали заседания сектора, а я всегда с интересом ждала замечаний Павла Наумовича, которые он делал после докладов.

Диплом я писала в семинаре Виктора Андронниковича Мануйлова. Работая над комментариями к “Евгению Онегину”, я в разговоре с Мануйловым упомянула о том, что в рукописном отделе хранятся альбомы XIX века светских и провинциальных барышень. Мануйлов предложил мне написать об этом работу. Когда я увлеклась ею и прочла много литературы, Виктор Андронникович сказал, что не сможет быть моим научным руководителем, так как хотел бы выступить на защите в качестве оппонента. С просьбой о научном руководстве он посоветовал обратиться к Г.П. Макогоненко или П.Н. Беркову.

Личное знакомство с Павлом Наумовичем произошло в университете перед заседанием кафедры. Павел Наумович сказал холодным тоном: “Не знаю, чем я могу быть вам полезен. Все, что известно об альбомах, подробно изложено в статье академика М.П. Алексеева”. Я расстроилась и пролепетала: “Да, я знаю эту статью”. А потом был самый яркий, плодотворный год в моей жизни. Я стала приезжать домой к Павлу Наумовичу. Он указывал мне на кресло, сам садился напротив, и я читала ему то, что подготовила. Я всегда очень боялась. Меня спасал опыт работы в библиотеке и знание библиографии. Это была настоящая роскошь человеческого общения, когда боишься пропустить хотя бы минуту. Порядок был строгий. В определенное время приезжаешь и ровно час работаешь. Поэтому, если я опаздывала, приходилось брать такси. После каждой встречи я возвращалась восторженная и готовилась к следующей.

Моя тема увлекла Павла Наумовича. Конечно, он знал больше

меня. Мне было приятно, когда на вопрос Павла Наумовича, знаю ли я такую-то работу, я могла ответить: “Да, эту работу я знаю”. Павел Наумович оказался человеком удивительно интересным. Весь страх прошел, столь велико было обаяние его личности.

В середине 1960-х годов в рукописный отдел поступили воспоминания Н.Г. Френкеля о своей жизни и о месяцах заключения. Они тут же были запрещены к выдаче в читальный зал. Но мы, сотрудники, потихоньку их прочитали. В них упоминался и Павел Наумович. Френкель писал, что когда Беркова стали вызывать на допросы и он должен был “расскаться” и признать себя австрийским или немецким шпионом, то он начал называть французские имена. Оказалось, Павел Наумович подробнейшим образом пересказывал содержание одного французского романа XVIII века. После этого дело было прекращено. Френкель писал, что в камере он хотел покончить с собой: после допроса пытался себя задушить. Ему помешали. И вдруг он услышал, что кто-то читает вслух спокойным голосом. Френкель удивился, как это здесь, в камере, можно читать. Оказалось, что Павел Наумович страница за страницей рассказывал какое-то произведение Гоголя. После этого в камере был организован семинар. Среди заключенных оказались люди разных специальностей. Каждый рассказывал о своей работе, об интересных случаях из своей жизни. Это помогло людям сохранить мужество и выжить.

Как-то Павел Наумович сказал мне: “Что вы в рукописном отделе ведете себя как собаки на сене? Сами не изучаете свои материалы, не издаете и другим не даете. А у меня есть знакомая аспирантка из Германии, она хочет заниматься немецкими переводами Жуковского”. В результате удалось выдать эти материалы исследовательнице. Помня этот урок, я пытаюсь и себя, и молодых сотрудников оценивать с этой стороны. Не превращаемся ли мы в этиких “собак на сене”, которые думают, что у них 200 лет впереди и они всё успеют сделать сами.

Как-то Павел Наумович попросил меня посмотреть в рукописных материалах, нет ли каких-нибудь стихов о книгах. Такое стихотворение неизвестного автора я нашла. Стихотворение было очень слабое, но оно очень заинтересовало Павла Наумовича. Через несколько дней я получила от него письмо из Комарова с благодарностью. И это тоже стало для меня большим уроком. Каждый мелкий факт, мелкое замечание не оставались без внимания Павла Наумовича. Меня очень тронуло его примечание в одной статье – благодарность молодой сотруднице за то, что она напомнила ему об одном издании. Мы, архивисты, не избалованы благодарностями читателей.

Л.В. Алексеева

Эпизод из научной жизни 1950-х годов

Я, ученица Павла Наумовича Беркова, писала под его руководством дипломную работу, слушала его прекрасные лекции. Даже “служебная” наука – источниковедение была подана у него как шедевр.

Мне довелось быть свидетелем удивительного самообладания и мужества этого человека. Это происходило в большом актовом зале Пушкинского Дома после выхода в свет его “Истории русской журналистики”. Сначала появилась в печати омерзительная статья, порочащая Павла Наумовича. Потом приехали два молодых человека и уселись в этом зале с наглыми лицами, как хозяева положения. И началась “проработка”. Павел Наумович держался удивительно мужественно, стойко. Он был бледен, мне казалось, что он может упасть, но он не отрекался от своих взглядов, не каялся. Это был настоящий героический поступок. Мы, студенты, сидели в ужасе от того, что зал молчал. Но защитники нашлись. Это были Б.В. Томашевский и В.А. Десницкий. Они не побоялись, а ведь их выступления могли привести к увольнению с работы или даже к потере свободы. Б.В. Томашевский выступал основательно, мужественно, “монументально”. А В.А. Десницкий применил иронию, которая оказалась очень метким оружием. Он посмотрел на инициаторов “проработки” (их фамилии были Ёлкин и Савенков) и сказал: “Милые мальчики, как вас зовут? Ёлкин и Палкин?” Савенков покраснел, вскочил и говорит: “Моя фамилия Савенков”. Десницкий, прикладывая к уху руку, повторил: “Да, да, меня, старика, не обманул слух – Ёлкин и Палкин”. Зал взорвался смехом, расколовшим зловещую тишину. Десницкий продолжил: “Милые мальчики, вы пришли сюда, не зная работ Павла Наумовича. Как вам не стыдно!” И они вышли из зала. Не каждая дискуссия так заканчивается.

Мне вспоминаются слова: “Мир разума не знает обманчивого понятия тщеславия”. Иногда один, не сгибающийся против всех, значит больше на весах времени, чем все, не сгибающиеся против одного.

Я.М. Боровский

**“Российская Камена”
в трудах П.Н. Беркова**

“Наконец я могу послать Вам свою работу... в напечатанной форме. Не знаю, как отнесетесь к ней Вы и другие советские читатели, а также зарубежные коллеги, но мне кажется, что эта статья имеет большее значение для поднятия международного значения русской культуры XVII–XVIII вв., чем все остальные мои работы”. Так Павел Наумович напутствовал в сопроводительном письме дарственный отпечаток своей статьи “Русские – новолатинские и греческие поэты XVII–XX вв.”¹ В этих словах отражена в известной мере авторская самооценка, но прежде всего оценка важности самого предмета, которому посвящена работа Павла Наумовича: с полным основанием Павел Наумович усматривает свою большую заслугу в том, что он впервые ввел новолатинскую поэзию в России в область историко-литературного исследования.

Во вступительной части статьи автор цитирует суждение Ф.Ф. Зелинского, который, касаясь вопроса о писании латинских стихов в России и назвав двух своих современников, “хорошо владеющих латинским стихом”, утверждает в то же время, что “действительных латинских поэтов у нас не было”. Очевидная слабость позиции Ф.Ф. Зелинского состоит в том, что он исходит из не подкрепленного самим литературным материалом противопоставления русских авторов, писавших латинские стихи, как версификаторов западноевропейским как действительным поэтам.

В противоположность этому для Павла Наумовича, глубокого исследователя национальных литератур Советского Союза в их взаимосвязях и в связях с литературами Западной Европы, отношение к “русской Камене” определялось пониманием ее

---

¹ Статья была напечатана в сборнике: *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*. [Bruxelles], 1966–1967. Т. XVIII. P. 14–54.

как не лишенной важного значения своеобразной струи в общем широком потоке литературного развития начиная со второй трети XVII века. Отсюда – живой интерес Павла Наумовича к появившимся в его поле зрения новым произведениям этого жанра, на которые он неизменно откликнулся, давая им проникновенные русские переводы и содействуя их опубликованию в печати². Отсюда же и его замысел сделать “российскую Камену” предметом специального историко-литературного исследования.

Редкостное в наше время сочетание всеобъемлющего владения материалами русской литературы и блестящего знания латинского языка, которое было вынесено Павлом Наумовичем еще из гимназического курса и в дальнейшем углублено приобретенной им широкой начитанностью в латинской поэзии как древнего, так и нового времени, делало его как нельзя более подготовленным к успешному разрешению поставленной им задачи.

К сожалению, этот замысел Павел Наумович успел осуществить лишь в небольшой части. Но и опубликованная первая глава содержит материал, убедительно опровергающий суровое суждение Ф.Ф. Зелинского. Приведем здесь только одну выдержку из этой главы, относящуюся к широко известной “Элегии к библиотеке” Стефана Яворского и вносящую яркие черты в характеристику не только Стефана Яворского как поэта, но и Павла Наумовича как исследователя:

«Роль Стефана Яворского в истории России петровского времени далеко не положительная, фактически он возглавлял все реакционные силы первых двух десятилетий XVIII в. Печатание написанного им антилютеранского, антипетровского трактата “Камень веры” при Петре было категорически запрещено; когда же в начале царствования Петра II эта книга вышла в свет, это было воспринято всеми как крупная победа антипетровской партии. Все это создает впечатление о Стефане Яворском как о суровом фанатике-реакционере, неспособном любить что-либо или кого-либо, кроме своих церковно-политических идей, и недопустном никаким другим чувствам.

Тем большее впечатление производит на нас его “Элегия к библиотеке”. Оказывается, в душе этого одинокого старика, озлобленного непонятной ему эпохой петровских реформ, кото-

---

² См.: *Боровский Я.М.* К двухсотпятидесятилетию со дня рождения Михаила Ломоносова / Пер. П.Н. Беркова // Литературное творчество М.В. Ломоносова. М.; Л., 1962. С. 315–317. Несомненно, представляет общий интерес отклик на эту публикацию в письме академика Н.И. Конрада к П.Н. Беркову, приводимом нами в “Приложении”.

рые вопреки своему желанию он должен был санкционировать сначала как местоблюститель патриаршего престола, а затем первоприсутствующий в Синоде, – в душе этого сухого и замкнутого человека была одна искренняя, глубокая привязанность – книги... Можно сказать, что после Симеона Полоцкого Стефан Яворский был следующим типично кабинетным ученым, далеким от жизненных интересов, но волею исторических обстоятельств вынужденным последние два десятилетия своей жизни все время иметь дело с политикой, сложной, трудной, поглощавшей и истощавшей его силы. И вот, оказывается, у него было “прибежище от бурь и горести земной” – библиотека. Прав С.И. Маслов³, который говорит о стихотворении Стефана Яворского, что это подлинная “элегия, в которой так ярко выразилась тихая грусть человека, когда на краю могилы он обращает последний взор к тому, что любил в течение всей жизни»⁴.

Да будет мне позволено заключить эту заметку горацанской одой, прозвучавшей на товарищеской встрече 15 декабря 1966 года в ознаменование 70-летия Павла Наумовича, и переводом, которым он ее почтил.

Ad Paulum Berkovium septuagenarium

Laudem sonanti carmine condere
Cui digniori vos aadam prece,
Sanctae sorores, cui venusta
Tempora condecoret corona?

Tu, Paule, semper visere floridos
Pimplae recessus et memorabiles
Mecum dies ornare versu
Fidus et impiger adfuisti.

Iam rite complex clara decennia
Septem, neque ullum praeteriit tibi
Docto carens ardore tempus,
Perpetuoque tui manebit

Pulcri laboris gloria posteris,
Dum litterarum stabit honor tenax,
Humanitatis dum paterna
Cura aderit populis beatis.

---

³ Маслов С.И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. С. 40.

⁴ Annuaire... С. 25.

Sic usque fructus addere plurimos
Summae priori nobilis ingeni
Ut te sinant tranquilla fata,
Quisque bonus tacite precatur.

К семидесятилетию Павла Беркова

Святые Музы! К вам прибегаю я:
В стихах звенящих мужу достойному
Хвалу сложите, лоб высокий
Зеленью лавра с плющом украсьте!

Ты часто, друг мой, входишь в цветущие
Раздолья Пимплы, и достославные
Со мною дни спешишь стихами
Верно, неленостно нам украсить.

Чредой промчались десятилетия, –
Их было семь уж, – и не потеряно
Ни дня тобой в ученом рвеньи,
И постоянно о тобой пребудет

Трудов прекрасных слава грядущая,
Доколь словесность будет в почтении,
Доколь отеческой заботой
Будет народ о культуре полон.

Итак, чтоб много новых прибавилось
К твореньям прежним, ревностью созданным,
Тебе судьбы благоволеньем,
Просит о том каждый добрый молча.

Приложение

Письмо Н.И. Конрада П.Н. Беркову

29.XI.62.

Дорогой Павел Наумович!

Как было приятно, – пребывая в лежачем положении (из-за некоторых неполадок в “сосудистой системе”, как сейчас принято выражаться), получить от Вас и Я.М. Боровского такой подарок! Не знаешь даже, кому больше удивляться: ему или Вам! Суметь *так* передать в кованых латинских размерах “ломоносовскую тему”, передать – достойно самого Ломоносова! Суметь *так* передать эту оду русскими размерами, передать – также достойно самого Ломоносова! Два настоящих шедевров! Спасибо Вам обоим за эту редкую радость!

Лежу и думаю: есть еще у нас мастера науки, знаний, культуры, вкуса! Не просто ученые, эрудиты, знатоки, а именно мастера. И тут же

мысль: а много ли их? И – в данной области – не “последние” ли это “могикане”?

Я только удивляюсь редактору этой книжки о Ломоносове: получить таких два шедевра и не открыть весь сборник именно ими! В *начале* им место, в начале, а не в конце, как это сделано.

Читая эту оду, я вспомнил один “латинский” эпизод своей жизни. И уж дозвоьте рассказать о нем Вам. Лежачее положение создает условия, когда можно делать не только то, что полагается “по плану”!

Когда-то я учился в Токийском Университете: на отделении японской словесности филологического факультета. Это было после окончания нашего Петербургского Университета. Был 1915-ый год. Я жил в одной студенческой гостинице. Особенностью ее было то, что в ней проживало много иностранных студентов: китайцев, корейцев, малайцев – из Филиппин, Маршалльских островов* и Индокитая. Из европейцев был я один. Обычно по вечерам – после лекций, семинаров и всего прочего – все сходились в столовой, превращавшейся таким образом в клуб. И – говорили, говорили, говорили... Общим языком был, конечно, японский,

За тем столом, за которым я обычно сидел, сидело человек пять филиппинцев. Разумеется, мы интересовались друг другом, расспрашивали. Они также перед японским университетом окончили свой – Манильский: одни – по юридическому факультету, другие – по медицинскому. В Японии они, так сказать, совершенствовались, т.к. эти два факультета Токийского Университета пользовались тогда громкой славой во всех азиатских странах Тихоокеанского бассейна, а также во всем островном мире Тихого океана. Поэтому мы все охотно говорили о своих родных университетах и даже о гимназиях. Они на Филиппинах тоже до университета учились в своих гимназиях.

И вот однажды в разгаре оживленного спора о Рабиндранате Тагоре, который как раз тогда приезжал в Японию и выступил с речью в Университете, мы вдруг почувствовали недостаточность своего японского языка. “Мы”, конечно, не японцы-студенты, а иностранцы. И так как за нашим столом сидели только филиппинцы и я, один из филиппинцев вдруг воскликнул: “А почему, собственно говоря, мы разговариваем по-японски, а не на общемировом языке?” И тут же перешел... на испанский. Это был малаец, но фамилия его была – Урбина. И все другие носили столь же звучные испанские фамилии.

Они были очень удивлены, когда я заявил, что на этом языке я не говорю. Удивление их было вполне искренне, т.к. в *том* географическом районе мира мировым языком для филиппинцев был испанский. Ведь даже американцы, которым тогда принадлежали Филиппины, обычно говорили на этих островах с их обитателями по-испански.

Наступила неловкая пауза. Ее прервал другой филиппинец – Молина. «В таком случае будем говорить на еще более “мировом” языке! Вот Вы (обращаясь ко мне) рассказывали, что у Вас в гимназии изучают ла-

---

* Маршалловы острова. – Ред.

тинский язык, да еще – шесть лет. Давайте говорить на этом языке». И – заговорил со мною по-латыни...

Боже мой! Я мучительно стал припоминать что-нибудь латинское. Но нельзя же было начать разговор с оповещения, что Gallia est divisa in partes tres – “Галлия разделена на три части” (“Записки” Цезаря). В мозгу пронеслись вихрем какие-то обрывки латинских фраз. Особенно навязчиво одна, начинающаяся со слов: “Odi profanum vulgus” – “Презираю невежественную толпу” (Гораций). Но тут же появилась мысль, что это в данной обстановке – ни к чему. Выскочили в памяти слова: “Favete linguis” – “Благоприятствуйте языками”^{***}. Но это было еще менее подходяще... И вдруг нашлось то, что спасло положение. На столе стояла бутылка с пивом. Взял я эту бутылку и воскликнул: “Nunc est bibendum, sodales!” – “Теперь надо пить, друзья” (Гораций). И вдруг в ответ – хор: “Nunc pede libero” – “Вольной ногой теперь” (продолжение стиха Горация). И – от Тагора перешли к веселой пирушке.

Да, мы учились в гимназиях. Но латинский у меня состоял из таких вещей, как слова на do, go, io, кроме ordo и rugio, а у них – это был разговорный язык их общежития. Они учились в гимназии-коллегии одного доминиканского монастыря... Тогда на Филиппинах это были наиболее распространенные средние учебные заведения. Не забывайте, что это были – тагальцы, т.е. чистокровные малайцы.

Вот, дорогой Павел Наумович, что мне вспомнилось, когда я держал в руках Ваш оттиск. Извините за то, что пишу от руки. Понимаю, как Вам будет трудно разбирать мой почерк. Уж не взыщите.

И примите еще раз мою благодарность! Прошу Вас передать мою благодарность Якову Марковичу.

Ваш Н. Конрад

---

^{***} Т.е. “храните благоговейное молчание” – ритуальная формула во время жертвоприношения. – *Ред.*

Р. Лужный

П.Н. Берков и польские русисты

Начало знакомству с личностью и трудами ныне покойного ученого положило изучение его фундаментальных работ по истории русской литературы XVIII века. Во время подготовки в 1956–1957 годах первой польской антологии русской сатирической журналистики¹ – при переводе текстов, их комментировании, а также работая над вступительной статьей, – я основательно познакомился с монографией П.Н. Беркова “История русской журналистики XVIII в.” и его статьей о “Почте духов” И.А. Крылова. Блещущие эрудицией, тщательно продуманные исследования, особенно увлекательные своими полемическими разделами, касающимися вопроса авторства произведений Н. Новикова, были не только незаменимым источником разнообразных фактических сведений и истолкований, но и приглашали одновременно к серьезной дискуссии; это, впрочем, нашло отражение в названной польской книге, издатель которой обязан столь многим Павлу Наумовичу. После этого первого контакта, пока еще не личного, последовали другие; я знакомился с новыми работами ученого, касавшимися XVIII века, и каждая свежая книга или статья приносила новые открытия и огромное удовлетворение, они открывали новые горизонты, вдохновляли на дальнейшую работу.

Вскоре состоялось и личное знакомство. Во время своей первой научной стажировки в СССР, связанной с работой над кандидатской диссертацией, – а это было исследование о некоторых проблемах русской журнальной прозы, – в мае 1958 года я на какое-то время приехал в Ленинград. Молодой преподаватель и только делающий свои первые шаги в науке исследователь, я, оробевший и взволнованный, с рекомендательными письмами моего научного руководителя, профессора Виктора Якубовского, пришел на набережную Макарова, дом 4, и попросил о встрече

---

¹ Rosyjskie czasopiśmiennictwo satyryczne okresu Oświecenia: Wybór źródeł/Przełożył i opracował R. Łużny. Wrocław, 1960.

че с Павлом Наумовичем. Аудиенцию я получил без труда; я был приятно удивлен тем, что он – серьезный, известный ученый – принял меня, желторотого юнца и молодого невежду в его области, безо всяких затруднений и церемоний. Мы уселись в каком-то помещении, как раз оказавшемся пустым, и я с грехом пополам изложил по-русски, кто таков и зачем явился. Профессор не одернул меня, не подавил своим авторитетом и эрудицией, наоборот, подробно расспросил меня обо всем: о занятиях, о стажировке, о впечатлениях и планах, и, наконец, – чем окончательно покори́л меня – рассказал о своих последних работах и даже сделал щедрый подарок – вручил мне один из только что полученных экземпляров своего доклада на Съезде славистов в Москве, сделав на нем приятную и лестную для меня дарственную надпись.

Позднее со смешанными чувствами я читал эту работу: восхищение эрудицией и компетентностью автора, знанием предмета изучения, великолепной ориентацией в области литературы XVIII века в России и в Польше (а доклад касался – что тогда было немалым научным открытием – проблемы русско-польских литературных связей в XVIII столетии) перемежалось с чувством некоторого огорчения. Ведь автор писал о том, чем тогда я сам, помимо своих основных занятий, специально интересовался; во время своей зимне-весенней московской стажировки не один час прокорпел я в укромном, хотя и холодном читальном зале отдела редких книг Библиотеки имени Ленина над русскими изданиями XVIII века переводов пьес Богомольца и Богуславского и произведений Красицкого, собирая материал для будущей работы. И вот теперь я держал в руках обстоятельный, с любопытными подробностями и не менее заманчивыми научными перспективами, систематизированный обзор всех тех явлений, о которых я только намеревался писать.

Тогда я не признался профессору Беркову в своем “поражении”. О моих намерениях, ставших уже в значительной степени неактуальными, он узнал значительно позднее, окольным путем. Некоторые мои наблюдения, дополняющие его великолепное исследование, изложил в своем выступлении на Съезде славистов профессор В. Якубовский. Павел Наумович живо заинтересовался этими дополнениями и в письмах всячески поощрял развить и опубликовать их. Ободренный этим призывом, обращенным, впрочем, ко всем полонистам и историкам литературы за рубежом также и в самом докладе на Съезде, я опубликовал свои дополнения в виде отклика на его доклад², а затем занялся некото-

---

² См.: *Łutny R. Uwagi o kontaktach kulturalnych polsko-rosyjskich w XVIII w. // Slavia Orientalis. 1960. N 3. S. 499–502.*

рыми проблемами более подробно, либо развивая те, что были намечены моим предшественником³, либо занявшись фактами, им не учтенными⁴. Таким образом, моя работа не пропала даром, способствуя, как мне казалось, — а в этом убеждении меня укреплял сам Павел Наумович, отвечая на посланные ему отписки словами одобрения и поощрения, — уточнению и продолжению работы, начатой русским исследователем.

После этой первой, столь памятной для меня встречи последовали другие, которым сопутствовала постоянная многолетняя переписка; профессор писал не только поздравительные открытки к праздникам, но и пространные письма, присылал свои новые работы, проявлял живой интерес к научным планам своего младшего польского коллеги. Наконец весной 1961 года он побывал в научной командировке в Польше и посетил главные университетские центры. Разумеется, он навестил и Краков. В апреле или в начале мая того года он был гостем филологического факультета и кафедры русской филологии. На заседании ученого совета факультета он выступил с докладом «Просвещение и “просветительские” течения». Доклад вызвал большой интерес, а мне самому помог самым решительным образом при обдумывании концепции последней главы диссертации. Именно под воздействием этого доклада проблематика главы была решена как раскрытие тезиса “Сатирический журнал в литературном процессе Просвещения”. На кафедре русской филологии наш гость захотел также познакомиться с учебным процессом. К моему нескрываемому ужасу выбор заведующего кафедрой пал на меня и на курс древнерусской литературы и литературы XVIII века, который я тогда читал для первокурсников. Наверное, на всю жизнь я запомню бессонную ночь перед лекцией, подготовку к ней, саму тему прочитанной, а вернее, зачитанной по записям лекции и, наконец, неопишуемое волнение. Я рассказывал о драматургии последней трети XVIII века. Сейчас уж не упомяну, сколько ошибок (лекция читалась по-русски), ляпов и оговорок я допустил, однако отлично помню, что ошибся с двумя важными датами, хорошо, впрочем, мне известными: датой первой постановки “Недоросля” Д. Фонвизина и годом издания “Путешествия из Петербурга в Москву” А.Н. Радищева. После лекции гость, великодуш-

---

³ См.: *Łuźny R.* “Historia” Ignacego Krasickiego po rosyjsku // *Slavia Orientalis*. 1960. N 2. S. 329–342.

⁴ См.: *Łuźny R.* Bohomolec i Bogusławski w Rosji: (Z dziejów powiązań literackich polsko-rosyjskich doby Oświecenia) // *Slavia Orientalis*. 1961. N 2. S. 145–166; *Idem.* Dramat rosyjski w Polsce w wieku XVIII i na początku wieku XIX // *Ibid.* 1962. N 3. S. 351–366.

но сделав скидку на неопытность и волнение, указал мне на ошибки, но в целом лекцию одобрил и пожелал дальнейших успехов. До сего дня помню – и, что более важно, использую с должным, вероятно, результатом – его совет ни в коем случае лекцию не зачитывать, а читать по памяти. За это великодушие и полезный совет я глубоко признателен Павлу Наумовичу.

Разумеется, тогда был удобный случай и для менее официального общения. Мы вместе осматривали Краков, причем наш гость проявлял большой интерес к архитектуре города и памятникам искусства, не обошлось без комплиментов по адресу местного патриотизма и компетентности его “чичероне”. На память об этих прогулках по старому Кракову и беседах осталась фотография профессора Беркова на фоне галерей во дворе Collegium Maius, самого старого (XV в.) здания университета. По просьбе профессора мы также побывали в музее на территории бывшего концлагеря в Освенциме, куда поехали на университетском автомобиле. Эту поездку, своего рода паломничество, профессор переживал, как и все побывавшие там, очень глубоко.

Несколько лет спустя, опять весной, мы принимали Павла Наумовича еще раз, на этот раз как гостя Ягеллонского университета в составе делегации советских ученых на юбилейных торжествах по случаю 600-летия краковской *alma mater*. Несмотря на напряженную программу юбилейных дней с 9 по 13 мая 1964 года, многочисленные официальные научные и культурные мероприятия, профессор нашел время и для неофициальной встречи, на традиционную чашку чая в семейном кругу. Тогда мы встречали его в Кракове уже как нашего хорошего знакомого и друга краковских русистов. Ранее он неоднократно проявлял искреннюю симпатию и живой интерес к нашим делам, частным и общим вопросам, внимательно читал и следил за тем, что у нас выходило, писал о людях и их работе, опекал приезжающих в СССР на стажировку польских русистов и помогал им в их научных занятиях.

В том же самом 1964 году, немного раньше, зимой (это была моя вторая полугодовая стажировка в СССР, с октября 1963-го по март следующего года), я попал в город на Неве как раз таким стажером, теперь уже старым знакомым ученого, уже “протоптавшим” дорогу как к нему самому, так и к другим ленинградским специалистам. В полной мере я старался извлечь пользу из бесед с профессором, его советов и подсказок, которые он мне щедро давал в связи с моей запланированной поездкой в Киев для изучения хранящихся там рукописных поэтик Киево-Могилянской академии. Как советы, так и адреса и рекомендательные

письма к киевским знакомым Павла Наумовича позднее очень пригодились в незнакомом мне городе и облегчили работу с богатыми архивными материалами Киева. Таким образом, ход работы и плод моего второго длительного пребывания в СССР в виде изданной позднее монографии о писателях круга Киево-Могилянской академии и их связях с польской литературой также неотрывен от личности этого ученого. Добавлю, что в памяти сохранился фон одной из тех ленинградских встреч: зимнее, великолепное Комарово на берегу замерзшего тогда, во время январских и февральских морозов, Финского залива.

Очередной недолгий приезд в Ленинград в 1969 году предоставил, как вскоре выяснилось, последнюю возможность личной встречи. Павел Берков был тогда уже в очень плохой физической форме, хотя работал, как всегда, необыкновенно интенсивно и как бы лихорадочно. Вероятно, я был последним из его польских знакомых, кто виделся с ним перед смертью. В начале июня он спешно заканчивал большой доклад для очередной Пушкинской конференции. Когда он выступал, было заметно переутомление докладчика. В памяти осталась его шуплая, как бы прозрачная фигура и седая, уже поредевшая шевелюра за кафедрой в зале конференций Пушкинского Дома; помнится его еще мощный, но уже явно надломленный голос.

Несмотря на все, он нашел время и силы для беседы и даже организовал специальное заседание Группы XVIII века, чтобы дать возможность выступить с докладами автору этих строк и оказавшемуся тогда в Ленинграде варшавскому русисту доктору Тадеушу Колаковскому. Во время заседания он проявил по отношению к докладчикам и их выступлениям неизменно характерный для него доброжелательный интерес, понимание и уважение, предложив одновременно опубликовать доклады в очередном выпуске трудов Группы XVIII века. Мы, конечно, не знали тогда, что это была наша последняя совместная польско-русская встреча, организованная по инициативе и с участием скончавшегося два месяца спустя ученого, состоявшаяся к тому же в стенах столь дорогого и гостеприимного для всех нас, приезжавших из Польши, учреждения – Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в Ленинграде.

В какой-то мере мы старались отблагодарить профессора Беркова за неизменный интерес, сердечное отношение, признание и помощь представителям нашей среды. Он заслужил это тем, что на протяжении всей своей наполненной трудом жизни живо интересовался проблемами польской литературы, писал о нашей стране и ее литературе. К 70-летнему юбилею ученого в

журнале “Slavia Orientalis” был опубликован обзор его научной деятельности⁵, ранее вышли рецензии на несколько его работ, а после его кончины мы с профессором В. Якубовским провели специальное заседание Комиссии славяноведения Краковского отделения Польской академии наук, посвященное научной деятельности и памяти покойного исследователя. Следы этого заседания сохранились в виде изложения прочитанных тогда докладов⁶ и некролога⁷. Но более глубокий след ушедшего от нас ученого и человека останется в памяти польских русистов.

Краков, апрель 1971 г.

Перевод с польского С.И. Николаева

---

⁵ См.: *Łużny R. Paweł Bierkow: Sylwetka uczonego // Slavia Orientalis. 1966. N 2. S. 141–152.*

⁶ См.: *Łużny R. Paweł Bierkow – człowiek i uczony // Sprawozdania z Posiedzeń Komisji Polskiej Akademii Nauk. Oddział w Krakowie. 1970. Z. 2. S. 484–486.*

⁷ См.: *Jakubowski W., Łużny R. Paweł Naumowicz Bierkow // Slavia Orientalis. 1970. N 1. S. 113–116.*

Т. Боров

Всегда чуткий, всегда отзывчивый

С некоторыми из работ П.Н. Беркова я познакомился еще в 30-е годы, когда до нас еще плохо доходили советские публикации – они были для нас запретным плодом, задолго до того, как я узнал, кто их автор и какой он человек. И уже читая его чудесную, оригинально оформленную книгу “Козьма Прутков. Директор пробирной палаты и поэт” (1933), я почувствовал, что она написана человеком, который имеет особую привлекательность, по крайней мере, для меня. А найдется ли хотя бы один читатель, который не услышит за его словами биение его сердца?

Позже, после Второй мировой войны, когда политическая обстановка в Болгарии изменилась коренным образом, мы наконец-то получили возможность беспрепятственно читать советские книги, следить за развитием советской науки. И вот благодаря работе Болгарского библиографического института, который начал свою деятельность в то время, я с радостью обнаружил такие близкие мне по тематике литературоведческие и библиографические труды П.Н. Беркова. Я начал также следить за его новыми публикациями – всегда мог что-то из них почерпнуть. При этом я был уверен, что судьба обязательно сведет нас, несмотря на то что и тогда я знал о нем очень мало. Не знал даже, что диссертация, которую он защитил в Вене в 1923 году, посвящена Чехову, что, таким образом, нас связывает не только близкая научная тематика, не только одинаковый интерес к книге вообще, но и нечто более личное – общая любовь к великому русскому писателю.

Но во время первой поездки в СССР в мае 1946 года, хотя я был и в Ленинграде, где установил контакт со многими литературоведами, а также имел возможность посетить Пушкинский Дом, где в то время работал Павел Наумович, я почему-то так и не встретился с ним. И вообще, был ли он тогда в Ленинграде?

Прошли годы. Я не знаю, каким образом он, в свою очередь, обратил внимание на мое существование, но сейчас, разбирая

свою библиотеку, я вижу, что с начала 1957 года П.Н. Берков начал регулярно отправлять мне все свои новые публикации и что в них он, кроме всего прочего, неоднократно высказывал свое мнение о некоторых моих работах в изданиях Болгарского библиографического института. Но еще перед этим, несмотря на то что я не был знаком с ним лично, я почувствовал внутреннюю необходимость познакомиться болгарскую библиотечно-библиографическую общественность хотя бы в общих чертах с делом этого близкого мне по духу человека. Хорошим поводом стал его 60-летний юбилей в декабре 1956 года. Свою статью, которая вышла в Ежегоднике Болгарского библиографического института (Вып. VI. С. 130–143), с обычным у нас опозданием, лишь в начале 1960-го, я, конечно, сразу же ему выслал. И с этого момента началось более близкое общение, сначала все так же по переписке.

И тогда, и сейчас я прежде всего удивляюсь тому, что этот столь занятой человек находил возможность не только быстро откликаться на события научной жизни, но и быстро отвечать на письма. Очевидно, недаром его близкие называли его “неутомимый бенедиктинец” за его исключительное трудолюбие. Наряду с 15 новыми публикациями, которые я получил за 12 лет нашей переписки (шесть отдельных книг и десять ксерокопий – причем всегда с такими лестными для меня надписями, что мне неудобно их воспроизводить), я бережно храню и 30 длинных и коротких писем и открыток, написанных его мелким, но всегда разборчивым почерком, который в значительной мере раскрывает личность Павла Наумовича и пробуждает мои воспоминания об этом замечательном человеке. Но если быстрота реакции, его исключительная отзывчивость во всех вопросах, с которыми я к нему обращался, производили на меня впечатление уже при переписке, еще больше они проявились в личном общении с этим человеком. Но наше знакомство состоялось не скоро.

Я чувствовал усталость от споров, которые велись тогда, во второй половине 1950-х годов, вокруг существования Болгарского библиографического института, и был уверен, что только свободный от административных обязанностей человек может осуществить столь значительное по объему литературно-научное дело, поэтому я воспользовался своей заметкой о Беркове, завершив ее “тихим вздохом”: “Можно лишь позавидовать ему, поскольку он, очевидно, никогда в своей жизни не занимался административной работой, не отстаивал право на существование учреждений, подвергающихся нападкам, а посвятил все свои силы, свои исключительные способности творческой научной работе.

А она, несомненно, не только более полезна, но и более убедительна, чем служебные доклады и изложения”.

Такой конец моей статейки не основывался на знании личной судьбы Беркова (о которой я не имел тогда ни малейшего представления), он относился скорее к моей личной ситуации. Но хотя мои слова и не были объективно правильными, я, конечно, был доволен, что они побудили Беркова рассказать больше о себе, рассказать что-то, что я не мог узнать из его книг. В своем большом письме от 19 января 1960 года кроме всего прочего он написал: «В конце своей статьи Вы высказываете предположение, что я, должно быть, никогда не занимался административно-организационной работой и все время посвящал и посвящаю науке. К сожалению, это далеко не так. Я был директором школы, заместителем заведующего одного отдела народного образования, заместителем декана филологического факультета Ленинградского университета, заведующим кафедрой литературы, заведу много лет Группой литературы XVIII века в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) и т.д., и т.д. Ко всему этому надо еще прибавить, что у меня в течение нескольких десятилетий была в очень сильной форме бронхиальная астма и еще более острая форма язвенной болезни. Впрочем, после операции 1951 г. все это прошло, осталось только “плохое сердце”».

И чем шире открывался мне человеческий образ Беркова в нашей последующей переписке, которая становилась все оживленней, тем больше мне не терпелось познакомиться с ним лично. Но так получилось, что последующие несколько лет мне не удавалось приехать в Ленинград, Павел Наумович также не имел возможности приехать в Болгарию. Лишь V Конгресс славистов осенью 1963 года в Софии дал нам возможность встретиться лично. До последнего момента я не был уверен, будет ли Павел Наумович включен в состав советской делегации, он не писал об этом, очевидно, он сам ничего не знал...

Уже в первый день, вскоре после торжественного открытия конгресса, я столкнулся с Д.С. Лихачевым, с которым уже был знаком, на большой лестнице Софийского университета, на пересечении Русского бульвара и бульвара Толбухина.

– Пойдемте, я вас познакомлю с Павлом Наумовичем, он желает вас видеть.

В тот раз я был не только включен в состав болгарской делегации (поскольку участие не было связано с заграничной командировкой!), но и – как я узнал из печатной программы конгресса – должен был председательствовать, причем именно с П.Н. Берковым, на заседании одной из секций, к тематике кото-

рой я не имел, в общем-то, никакого отношения – видимо, просто никто другой не изъявил желания. Но в программе ничего не говорилось о заседании библиографической секции, председателем которой был Павел Наумович и работой которой я больше всего интересовался, несмотря на то что я, собственно говоря, даже не являлся ее членом.

В любом случае, сразу после того как Лихачев познакомил нас, мы почувствовали, что настолько близки друг другу, столько можем друг другу сказать, что те несколько дней, что Павел Наумович провел тогда в Софии, остались в моей памяти как один непрекращающийся разговор с ним: библиография и литературоведение, общие условия для научной работы в СССР и в Болгарии, место и роль отдельных лиц там и тут, задачи и дело Болгарского библиографического института – все эти темы перемежались вопросами личного характера. И с самой первой минуты открыто, полностью доверяя друг другу, мы делились мыслями и наблюдениями, как давнишние друзья и сподвижники, которые давно ждали возможности увидеться, высказаться.

Павел Наумович проявил особенный интерес к общему устройству Болгарского библиографического института и пожелал непосредственно познакомиться с его работой. Мы организовали посещение института, чтобы он мог увидеть нас на месте. Мы решили использовать этот случай и провести общую беседу в непринужденной обстановке, без повестки дня, по тем вопросам, которые нас всех интересуют. Среди множества подобных бесед с советскими и другими иностранными гостями, которые проводились в институте за годы его существования, я не могу вспомнить более оживленной и полезной для нас дискуссии, чем во время встречи с П.Н. Берковым. Совсем свободно, ненавязчиво, он осветил преимущества и недостатки советской библиографии, сразу же объяснил, например, что разрастание в СССР “рекомендуемой” библиографии является побочным продуктом так называемого “культа личности Сталина”. Этот многочасовой разговор помог нам освободиться и от других схем и шаблонов, он велся совсем в духе популярных сейчас разговоров “за круглым столом”.

На следующий день Павел Наумович снова посетил институт, и в этот раз обсуждения вновь грозили затянуться. Его умение высказывать свое мнение без запинки даже перед большой аудиторией, часто по щекотливым вопросам, причем оригинально, без казенных шаблонов, без трафаретов, но и без беспочвенного, голого отрицания, было удивительным. И поэтому его высказывания звучали убедительно, чувствовалось, что он искренне излагает свои собственные мысли, а не исполняет указания...

Мое общение с Павлом Наумовичем тогда не исчерпывалось подобными в большей или меньшей мере “служебными” встречами – мы виделись и наедине, и в более непринужденной обстановке в кругу коллег, в семейном кругу, и наши дискуссии всегда проходили очень оживленно. Я должен признать, что они очень редко были связаны с конгрессом славистов, который собрал нас в Софии, – мы оба были огорчены тем, что руководство конгресса не нашло возможности включить в программу наряду с другими 500 докладами хотя бы один посвященный библиографическим вопросам славяноведения, поскольку в программе не было предусмотрено даже заседание библиографической секции.

И все же благодаря своим связям и своему личному влиянию Павел Наумович сумел собрать в последний день свою комиссию – я не знал об этом и не присутствовал на заседании. Однако уже вечером того же дня я абсолютно неожиданно для себя узнал от профессора Дуйчева, что на этом заседании Павел Наумович ушел в отставку с поста председателя библиографической секции Международного комитета славистов и что по его предложению новым председателем был избран ... Тодор Боров. Я был обязан этой честью прежде всего, конечно, личной рекомендации Павла Наумовича. Но, наверное, сыграло роль и то обстоятельство, что я в то время был директором Болгарского библиографического института, и участвовавшие в заседании слависты, очевидно, надеялись, что институт может поспособствовать созданию столь желанной, но все еще неосуществимой библиографии славянского литературоведения.

Увы, дни Болгарского библиографического института были уже сочтены, хотя мы и не подозревали об этом. Павел Наумович, который как раз рецензировал несколько изданий института в советской печати, воспринял его закрытие практически как удар, направленный против него самого. Он высказал свое мнение, как только получил известие о его тайном закрытии. В своем письме от 27 апреля 1964 года, которое представляет собой образец независимой научной мысли, он пишет: “Вы создали единственное в своем роде учреждение, которое надо было всячески поддерживать, лелеять, гордиться им как одним из замечательных украшений болгарской культуры, как одним из драгоценных камней в диадеме Болгарской Республики. Уничтожить что-либо всегда гораздо легче, чем создавать, строить, растить, выпестовывать”. И далее: “Думаю, что в конце концов будет осознано теми, кому следует, что была допущена колоссальная ошибка, колоссальная, но исправимая ошибка”.

К сожалению, Болгарский библиографический институт так и не возродился. Но наше общение с Павлом Наумовичем оставалось таким же оживленным, я продолжал находить опору в нем, получать от него творческие импульсы. В 1966 году я и еще несколько его верных друзей и почитателей в Болгарии от всего сердца поздравили его с 70-летием, а я также внес свой скромный вклад в создание сборника “Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры”, который был издан по этому поводу в его честь Пушкинским Домом. Кроме расширенной критико-библиографической статьи “Русская литература XVIII века в Болгарии в эпоху Возрождения” в Ежегоднике Софийского университета (LIX.III. 1966), которую я посвятил ему по этому случаю, я написал и небольшую статью в печатном издании болгарских публичных библиотек “Читалище” (Кн. 2. 1967), чтобы представить его более широкой публике в Болгарии (вместе с Д.С. Лихачевым, в связи с его 60-летием). И в этот раз благодарственная телеграмма, которую я получил от Павла Наумовича, имела для меня большее значение, чем моя статейка.

В начале 1968 года я позволил себе попросить столь занятого другими важными делами Павла Наумовича проконсультировать болгарскую аспирантку в Москве Марту Кырпачеву в связи с ее диссертацией “Современное состояние библиографии по славянской филологии и перспективы ее развития”, тема которой была выбрана мной с целью более широкой и современной разработки задач, поставленных П.Н. Берковым в докладе “Международное сотрудничество славистов и вопросы организации славяноведческой библиографии” на IV Конгрессе славистов в Москве в 1958 году. Павел Наумович и на этот раз отозвался с готовностью, он считал своим долгом брать на себя все новые обязательства, если этого требовали интересы науки: “Отказать Вам я не могу и не хочу, как я ни занят” (17.XI. 68). Он не только проконсультировал аспирантку, но и согласился, после того как убедился в качестве ее работы, быть ее официальным оппонентом в Московском институте культуры. В своей рецензии он не упустил возможность, перечисляя успехи болгарской библиографии, вновь упомянуть дело Болгарского библиографического института: «У нас ничего серьезного не сказано о замечательном детище проф. Борова – Болгарском библиографическом институте “Елина Пелина”, к величайшему сожалению закрытом в 1964 г. по смешному аргументу, что в СССР такого института нет». Его отзывчивость была поистине замечательной!

В последние два-три года наши контакты были преимущественно связаны с библиографией славянского литературоведения, мы пытались вдохнуть жизнь в соответствующую комиссию Международного комитета славистов. Павел Наумович помог мне определить состав комиссии, поставить некоторые осуществимые задачи.

И все же во второй раз – увы, и в последний! – нам было суждено встретиться с Павлом Наумовичем снова по случаю очередного славистического конгресса – уже шестого по счету, в первой половине августа 1968 года в Праге. Современники могут, мне кажется, представить обстановку в Праге в те дни. Всё кипело. Приподнятое настроение царило и на наших заседаниях, и на наших встречах и в разговорах.

В Праге Павел Наумович читал доклад, он также участвовал в ряде особых заседаний, к которым его привлекали, у него были широкие связи со многими чешскими и другими иностранными делегатами, он постоянно был востребован, постоянно занят, и у нас было меньше возможностей вести задушевные беседы. В этот раз для заседания Библиографической секции было выделено специальное место и время в программе, но все равно участие представителей ряда стран и успешное проведение самого заседания стало возможным главным образом благодаря усилиям Беркова. Он использовал весь свой авторитет для утверждения роли этой столь важной, но пренебрегаемой секции.

Но и в этот раз, увы, судьба не была благосклонна к осуществлению наших благих библиографических начинаний – конечно, мы не могли знать, что произойдет в Чехословакии через неделю после закрытия конгресса.

Мы с Павлом Наумовичем вели оживленную беседу и во время дискуссии Лихачева и Динеева по поводу старославянской литературы, и на торжественном приеме в Чернинском дворце, и во многих других местах. Однако для меня навсегда останется памятной прежде всего ночь после концерта старинной музыки в базилике Св. Георгия в Градчанах, когда мы с Павлом Наумовичем вместе с большой группой других участников конгресса возвращались в город со стороны Влтавы. Мы оба расчувствовались, слушая музыку. Увлеченные разговором, причем далеко не только на научные темы, мы отстали от группы, а потом поняли, что упустили и последний трамвай. Но это нас совсем на расстроило, это было как раз кстати, поскольку мы могли продолжить наш ночной разговор. И он продлился далеко за полночь, пока мы не дошли до гостиницы...

Сейчас, когда я восстанавливаю воспоминания об этом дорогом друге, столь безвременно ушедшем, не желая объяснять наше сближение действием каких-либо мистических сил, я все равно вижу, что было что-то еще кроме наших общих интересов, что влекло нас друг к другу. И я не сомневаюсь, что между нами существовало то, что Гёте называл и объяснял как “избирательное сродство” (Wahlverwandchaften).

*Перевод с болгарского К. Паначовой
под редакцией М. Ивановой-Гиргиновой*

И.М. Сукиасова

П.Н. Берков и Козьма Прутков

Все, кому посчастливилось общаться с Павлом Наумовичем Берковым в сфере научных проблем и интересов, которым была посвящена вся его целеустремленная и плодотворная жизнь, навсегда сохранят память о нем. Со всеми Павел Наумович щедро делился своими знаниями и теплом своего большого и доброго сердца.

К сожалению, мне не довелось учиться у Павла Наумовича, регулярно общаться с ним и работать под непосредственным его руководством. И все же много незабываемых минут моей жизни связаны с Павлом Наумовичем. Не раз мне выпадало счастье беседовать и общаться с этим удивительным человеком и ученым, прежде всего в связи с моим изучением пародий Козьмы Пруткова.

Как известно, в 1933 году под редакцией П.Н. Беркова было осуществлено первое научное издание произведений, объединенных именем Козьмы Пруткова, и одновременно вышла книга Павла Наумовича “Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт”. Значение этих работ трудно переоценить, хотя они и лежат как будто вне столбовой дороги его научных интересов. Так, долгое время считалось, что А.К. Толстой и братья Жемчужниковы под именем Козьмы Пруткова создавали веселые и забавные шутки, ценность которых со временем утратится. Между тем интерес к этим шуткам все рос, сочинения Пруткова как при жизни его авторов, так и после их смерти издавались и издаются все большими тиражами. До П.Н. Беркова никто не интересовался этими произведениями как серьезным литературным явлением. Павел Наумович первым доказал, что многие шутки Козьмы Пруткова – это остроумные и злободневные пародии на различные произведения и явления общественной жизни и не случайно их печатали самые прогрессивные журналы середины прошлого века (“Современник” Некрасова и “Свисток” Добролюбова).

П.Н. Берков проделал огромную работу по выявлению источников пародий, истории их создания и формирования сатирического облика самого Козьмы Прутков, по определению того, какую роль сыграл каждый из “опекунов” Пруткова в отдельности в этом коллективном творчестве. И поэтому трудно переоценить значение работ Павла Наумовича в создании “прутковедения”.

Естественно, что, приступив в 1953 году к изучению языка и стиля пародий Козьмы Пруткова, я прежде всего проработала это единственное монографическое исследование, а в основу собственного текстологического анализа сочла нужным положить издание, осуществленное Павлом Наумовичем. Ценность этого “Полного собрания сочинений Козьмы Пруткова” заключается в том, что подбор и распределение материала в нем построены по принципу: показать, как выглядело это коллективное сочинение в тот период, когда были еще живы все “опекуны”, а не через 20 лет, когда по инициативе Владимира и Алексея Жемчужниковых хотя и было внесено немало новых материалов, но не всегда такого художественного качества, как в период, когда многие произведения или создавались А.К. Толстым, или дорабатывались им. Кроме того, как отметил сам Павел Наумович в рукописном отзыве на мою монографию о пародиях Пруткова, подобный подход помогал восстановить облик Козьмы Пруткова как соратника революционных демократов.

Следует отметить, что задолго до первой личной встречи с Павлом Наумовичем, читая и перечитывая все, что написал он о Козьме Пруткове, а также его книгу “Ломоносов и литературная полемика его времени”, в которой даются ценные указания по установлению авторства анонимных и псевдонимных произведений, я, как с реальным собеседником, о многом советовалась с ним, полемизировала, задавала вопросы и пыталась найти ответ на них в его работах. Однако чем дальше, тем настоятельнее чувствовалась необходимость в личной беседе с Павлом Наумовичем. Между тем организовать эту встречу в мои кратковременные наезды в Ленинград было трудно.

И только в феврале 1960 года, когда моя работа была вчерне закончена, мне впервые удалось увидеть Павла Наумовича.

Тбилисский университет проводил в то время первую научную сессию, посвященную литературным связям русского, азербайджанского, армянского и грузинского народов, причем Павел Наумович был приглашен сделать основной доклад. Выступление его было посвящено проблемам изучения межнациональных литературных отношений. Для меня сессия эта и сам приезд

Павла Наумовича были большим сюрпризом. Как до доклада, так и после него мне не удалось подойти к Павлу Наумовичу, так как его все время окружало плотное кольцо беседующих и желающих поговорить. И тем большей неожиданностью было, когда окружающие неожиданно расступились и прямо ко мне направился сам Павел Наумович. “Вы ждете меня? – спросил он. – Нам никак не дают поговорить?! Я вас слушаю”.

Так началось наше знакомство. И я до сих пор не пойму, как он сумел заметить, что в сторонке кто-то ждет его и очень хочет с ним поговорить. Поразило меня и другое – что он так просто, непосредственно обратился к совершенно незнакомому человеку.

В нескольких словах я объяснила, что работаю над стилем пародий Козьмы Пруткова. Павел Наумович буквально не дал договорить и воскликнул: “Козьма Прутков? Первая диссертация о нем! Очень интересно! И как вы решились на такую тему? Мне интересно подробнее узнать о вашей работе”.

Следующую нашу беседу трудно передать. Мне жаль, что я тогда же ее подробно не записала, так как она была исключительно содержательной и бесконечно ценной для меня. Павел Наумович знакомился с моей работой, расспрашивал, одновременно отвечая на множество вопросов. Особенно мне запомнился его ответ на мой вопрос о том, когда и как он заинтересовался произведениями К. Пруткова.

Оказалось, что в шестнадцатилетнем возрасте Павел Наумович был исключен из седьмого класса гимназии за выступление против войны. Родители решили послать сына погостить к родственникам на дачу около Череповца. По дороге Павел Наумович простудился и приехал с сильной ангиной и высокой температурой. Его сразу же уложили в отдельной комнате, где стены пахли смолой и поскрипывали половицы. Он не мог говорить, вставать, но необычность обстановки и дачный покой придавали всему, даже болезни, какой-то праздничный колорит. Это ощущение праздничности еще более усилилось, когда среди книг, которые дали Павлу Наумовичу, его внимание привлек совершенно незнакомый автор – Козьма Прутков. Он стал перелистывать книгу, невольно зачитываясь отдельными стихотворениями и афоризмами. С каждой страницей оригинальная книга все больше захватывала его своей забавностью, безграничным и тонким остроумием; а чем больше Павел Наумович вчитывался в нее, тем яснее чувствовал подтекст отдельных произведений и угадывал отдельные объекты пародирования. Смех душил больного, слезы текли ручьями, забыта была болезнь. Так впервые познакомился Павел Наумович с коллективным творчеством

А.К. Толстого и братьев Жемчужниковых. А через 20 лет Павел Наумович принял предложение подготовить первое научное издание сочинений Козьмы Пруткова и снабдить его обстоятельными комментариями и ссылками на источники пародий. В тот же период появилась и блестящая книга Павла Наумовича о Пруткове, в которой он подытоживал свои исследования.

В 1961 году, после выхода моей книги “Язык и стиль пародий Козьмы Пруткова” (изд. АН ГССР, Тбилиси), Павел Наумович написал на нее большой отзыв, который в сжатом виде был напечатан в 1963 году в Париже в “Revue des Etudes Slaves” (Т. 42. № 1–4). Отзыв этот знаменателен тем, что он через 30 лет после появления в печати трудов П.Н. Беркова о Пруткове по-своему продвинул вперед “прутковедение”, освещая на новом этапе многие факты, связанные с изучением этих пародий. Поэтому я позволю себе воспроизвести здесь общую часть этой рецензии Павла Наумовича.

«Диссертация И.М. Сукиасовой посвящена анализу языка и стиля пародий писателя, по-видимому, единственного в мировой литературе писателя, одновременно и существовавшего, и несуществовавшего, целиком выдуманного и, вместе с тем, вполне реального, даже оказавшегося более реальным и актуальным, чем многие тысячи реально существовавших, невыдуманных писателей, навсегда канувших в литературную и литературоведческую Лету. Речь идет о Кузьме Петровиче Пруткове, чье мнимое рождение и столь же мнимую смерть не отмечают в юбилейные сроки наши литературоведческие организации и литературные журналы и газеты. Несмотря на такое пренебрежение юбилейных дел мастеров к Козьме Пруткову, советская общественность обнаруживает свою неизменную любовь к его произведениям тем, что немедленно раскупает одно за другим все появляющиеся время от времени собрания его сочинений. Читательский успех К. Пруткова огромен: в дореволюционное время вышло шестнадцать или семнадцать изданий его сочинений, правда, не особенно большими тиражами; в советские годы было напечатано пять полных собраний, четыре избранных и ряд других. При этом тиражи всех этих советских изданий во много раз превосходили тиражи дореволюционных изданий К. Пруткова.

Вполне естественно возникает вопрос о причинах столь исключительной популярности К. Пруткова в течение более чем столетия, если считать 1854 г. основной датой его появления перед русским читателем, так как в 1852 г. его пародийная комедия “Фантазия” ставилась без его имени под инициалами Х, У...

Этой проблеме была посвящена моя книга “Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт” (1933). Исследуя доступные мне в то время материалы, я пришел к выводу, что литературный успех К. Пруtkова у русских читателей в течение почти восьмидесяти лет не был однороден. Первоначально, когда объекты его пародий были хорошо известны читателям-современникам, К. Прутков воспринимался как соратник революционных демократов в борьбе за прогрессивное реалистическое искусство, как беспощадный разоблачитель пошлостей и шаблонностей поэзии середины прошлого столетия. Затем наступил период, когда сатирическая злободневность пародий К. Пруtkова утратилась – были забыты не только непосредственные объекты отдельных его пародийных произведений, но также и их авторы, как, например, А. Тимофеев, Б.М. Федоров, Платон Ч. и др. Однако необыкновенная, неистощимая веселость, забавный юморизм творчества К. Пруtkова сохранили к нему интерес читателей в последующие десятилетия, и в 1884 г. с небольшими интервалами вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции печатались одно за другим Полные собрания сочинений К. Пруtkова. В этот период почти никому из читателей и исследователей (таковых, впрочем, и не было) не приходила в голову мысль о том, что К. Прутков был явлением, характеризовавшим общественный подъем в России в годы Крымской войны и последовавшее за ней десятилетие. Революционно-демократическое – если не прошлое, то, по крайней мере, попутничество К. Пруtkова было забыто, даже те намеки на это прошлое, которые сохранили так называемые опекуны К. Пруtkова в его биографии, написанной для отдельного издания его произведений, не обращали на себя должного внимания или толковались неправильно. Фактически в сознании почти всех читателей конца XIX – начала XX в. творчество К. Пруtkова из сатирического, каким оно было в предшествующий период, превратилось в безобидную юмористику, в развлекательное чтение.

В моей книге 1933 г. и в том же году выпущенном “Полном собрании сочинений” К. Пруtkова под моей редакцией были собраны материалы, которые позволили восстановить объекты его пародий, за очень немногими исключениями, и воссоздать его облик – облик соратника революционных демократов. Даже в текстологическом отношении изданное мной “Полное собрание сочинений” Пруtkова было подчинено этой основной задаче – я ставил своей целью дать советскому читателю К. Пруtkова таким, каким его знали и видели подписчики “Современника”, а не таким, каким он стал в трактовке своих опекунов, постаревших

на двадцать лет. Мой текстологический опыт не привлек внимания, последующие издатели (В.А. Десницкий, Б.Я. Бухштаб, А.К. Бабореко) вернулись к текстам издания 1884 г. Однако историко-литературная обстановка, в которой возникло и развивалось творчество К. Пруткова, стало обязательным элементом всех дальнейших изучений и популяризаций его литературной судьбы.

После недавней находки комедии “Торжество добродетели”, известной ранее только по беглым упоминаниям под названием “Министр плодородия” и считавшейся утраченной, казалось, что изучение творчества К. Пруткова полностью завершено, по крайней мере в источниковедческом отношении. Все произведения собраны, текстологическая история полностью выяснена, источники пародий как будто установлены. Поэтому казалось не случайным то обстоятельство, что после моей книги, вышедшей около тридцати лет назад, до сих пор не появилось о К. Пруткове ни одной монографии».

В то же время Павел Наумович отметил, что мне удалось “найти свой особый угол зрения на творчество Пруткова, дополнить собранные предшественниками материалы об источниках ряда его произведений, высказать не лишённые интереса и убедительности соображения о роли отдельных опекунов...”, а также внести “несколько существенных уточнений по вопросу об авторстве отдельных произведений К. Пруткова, ранее приписывавшихся другим его опекунам”, привести убедительные параллели при истолковании такого «загадочного творения Пруткова, как его знаменитая “Азбука”».

«Главная же заслуга И.М. Сукиасовой состоит в том, что, применяя методику лексико-стилистического анализа, разработанную в советском языкознании и литературоведении акад. В.В. Виноградовым и его школой, она впервые сделала предметом научного изучения язык и стиль К. Пруткова». Этот отзыв Павла Наумовича мне особенно дорог.

После завершения моей работы над Козьмой Прутковым другие вопросы привлекли мое внимание, но Павел Наумович, друг и наставник, продолжал поддерживать меня своим участием и советами, добрым словом. Так, он первым сообщил мне о появлении в журнале “Вопросы литературы” (1962. № 12) рецензии И. Богомолова на мою книгу, присовокупив: “Шлю самые искренние пожелания всего доброго, искренне радуюсь хорошей рецензии”. Узнав, что я подготовила статью о стилистических особенностях описаний природы в произведениях А.С. Грина, Павел Наумович сам предложил прочесть работу и дал много

ценных указаний. Узнал он и об интересе моем к проблемам афористики и откликнулся на это следующим образом: «Тему об афоризмах Герцена и одобряю, и не одобряю. Можно ли (т.е. целесообразно ли) выделять афоризмы из всего стиля писателя? Не есть ли это вивисекция, сиречь живосечение? Если же брать афоризмы Герцена в его стилистической “системе” – дело другое. Если решите писать на эту тему, сообщите мне – я pošлю Вам небольшую библиографию по этому вопросу, собранную мною» (1963. 26 мая).

Всего не перечислишь. Но каждое письмо Павла Наумовича, каждая беседа с ним – для меня незабываемая память о Человеке и Ученом с большой буквы.

Е.В. Чудецкая

Друг поэзии Брюсова

С отроческих лет полюбивший творчество поэта Валерия Брюсова, созвучное ему по склонности к античности, Павел Наумович был всегда верен своим вкусам, несмотря на моду и веяние времени. Эта его привязанность к поэту была активна, и много сил, желания отдал Павел Наумович делу создания музея-квартиры Брюсова, популяризации его творчества, издания его собрания сочинений.

Ведущий председатель трех Брюсовских конференций в Ереване, Павел Наумович поражал своей собранностью, неослабным вниманием к обсуждаемым вопросам на протяжении всей сессии, своими краткими, но меткими репликами. Доклады Павла Наумовича на этих сессиях дышали глубокой любовью к поэту-мыслителю, большим знанием многочисленных и разнообразных трудов Брюсова и вносили много нового в анализ творчества писателя.

В своем первом докладе “Проблемы истории мировой культуры в литературно-художественном и научном творчестве Валерия Яковлевича Брюсова” Павел Наумович высоко ставит Брюсова по уровню книжной культуры, выше многих мировых авторитетов, раскрывает постепенное осознание поэтом исторического пути жизни человечества и делает из этого вывод, что понимание Брюсовым смысла мировой истории привело его к убеждению в закономерности Великой Октябрьской социалистической революции. Павел Наумович говорил о том, что все мы в страшном долгу не только перед Брюсовым, но и перед всей культурой, что у нас нет ни одного полного собрания его сочинений, что наследие Брюсова еще мало исследовано и не изучено.

Второй доклад Павла Наумовича “Итоги современного состояния и ближайшие задачи изучения жизни и творчества В.Я. Брюсова” прозвучал в 1963 году в Ереване. В этом докладе он предложил слушателям целый ряд работ, необходимых для изучения творчества Брюсова. Здесь был приведен перечень тех

библиографических сведений, которых нет до сих пор: это библиография всех рукописей, корректур, книг с пометами и поправками текста, дарственными надписями, библиография всех переводов Брюсова и брюсовских произведений на языки народов СССР и мира, шаржей, карикатур, иконографии, литературы о Брюсове у нас и за границей, стихов, посвященных Брюсову. Здесь рекомендовано свыше 30 самых насущных тем, таких как “Ленин в жизни и творчестве Брюсова”, “Брюсов и революция 1905 года”, “Великая Октябрьская революция”, “Россия в творчестве Брюсова” и т.п., и т.д. Здесь предлагается работа текстологам, обращается внимание на композиционную логику каждой книги стихов Брюсова и поднимается вопрос об издании избранных стихотворений Брюсова.

На третьей Брюсовской конференции, посвященной 50-летию антологии “Поэзия Армении”, Павел Наумович выступил с докладом “Проблемы национальной культуры в понимании Валерия Яковлевича Брюсова”. В этом докладе Павел Наумович считает, что “Поэзия Армении” является на долгие годы образцом любой национальной антологии в русской литературной практике и литературой-посредницей, открывшей художественные сокровища армянского народа европейским и иным читателям. Здесь Павел Наумович говорил о росте исторического сознания Брюсова, отразившегося в изумительном по глубине своего философско-исторического содержания венке сонетов Брюсова “Светоч мысли”. Считая культурные центры, которые постоянно, как в наши дни, так и в отдаленные времена, общались и обменивались своими знаниями и опытом между собой, как бы одним целым, Брюсов полагал, что поэзия каждого народа вносит в общую картину свои неповторимые национальные элементы, что, воспринимая духовные и материальные ценности, созданные одним народом, другой народ каждый раз по-своему их перерабатывает в соответствии со своим духовным строем, основанным на материальных и исторических условиях – почве, на которой формируется народный дух.

Четвертые Брюсовские чтения было решено провести в Москве. Павел Наумович специально приехал в Москву на заседание научно-художественного совета Мемориального кабинета Валерия Брюсова по поводу этих чтений, предложил провести сессию на тему “Брюсов и русская культура” и обещал свой вводный доклад для этой конференции.

Каждый раз, приезжая в Москву, Павел Наумович находил время для посещения Кабинета Брюсова. Жанна Матвеевна Брюсова, вдова поэта, на протяжении 40 лет после смерти Ва-

лерия Яковлевича содержала по возможности в неизменном виде Кабинет писателя, но, приближаясь к 90-м годам жизни, стала похварывать, и состояние ее здоровья внушало опасения за судьбу сохраненного ею наследия Брюсова. Павел Наумович, сознавая все это, написал обращение в ЦК с просьбой сберечь Кабинет Брюсова, собрал подписи под этим обращением среди ленинградских литературоведов и отослал его туда. Как раз в это время скончалась Жанна Матвеевна, и Павел Наумович в письме от 8 июня 1965 года сообщил о том, что он “старался сделать все, что мог, и если нужно еще написать кому-либо или куда-либо — я немедленно напишу”.

5 ноября 1965 года вышло постановление Министерства культуры РСФСР о создании Мемориального кабинета В.Я. Брюсова (№ 10-74), поручавшее Государственному литературному музею оказать содействие в организации Мемориального кабинета В.Я. Брюсова. Ленинская библиотека, в рукописном отделе которой хранились почти все рукописи Брюсова, предъявила требование на книги библиотеки Брюсова с маргиналиями и на все книги, подаренные Брюсову с дарственными надписями от их авторов. Павел Наумович с рядом брюсоведов хлопотали о целостности библиотеки Брюсова в Мемориальном кабинете, но Моссовет разрешил это дело в пользу Ленинской библиотеки с тем, чтобы все книги, отданные в рукописный отдел Ленинской библиотеки, были возвращены их дубликатами в Мемориальный кабинет Брюсова.

В 1967 году при Мемориальном кабинете Валерия Брюсова был организован научно-художественный совет, куда вошли как москвичи, так и иногородние брюсоведы. Председателем научно-художественного совета был избран поэт Сергей Васильевич Шервинский, в прошлом ученик Брюсова. Павел Наумович Берков не замедлил стать активным членом научно-художественного совета, интересовался всеми его решениями и работой.

Неустанно Павел Наумович работал над изучением творчества Брюсова. В 1965–1967 годах он стал собирать сведения о книгах библиотеки Брюсова. Его интересовали как редкие книги, собранные Валерием Яковлевичем, так и надписи рукою Брюсова на полях книг, дарственные посвящения поэтов на книгах. Павел Наумович думал писать обо всем этом, но не успел осуществить свой замысел.

Интересовала Павла Наумовича работа Брюсова над темой Атлантиды, стихи посвященные ей. Интересовали, вероятно, для полного освещения работы Брюсова над романом “Огненный Ангел”, труды Брюсова на оккультные темы.

В письме от 8 июня 1965 года Павел Наумович сообщил мне, что он объявил на филологическом факультете ЛГУ специальный курс о Брюсове. Занятия эти продолжались с успехом до самой смерти ученого и создавали новые кадры брюсоведов. Так, например, студенты ЛГУ С. Гречишкин и А. Лавров прислали свои заявки на выступления на четвертых Брюсовских чтениях.

Когда Собрание сочинений Валерия Брюсова взяло на себя издательство “Художественная литература”, Павел Наумович очень интересовался этим изданием и сетовал на то, что никто из ленинградцев не привлечен к этой работе, так как в редакционную коллегию были приглашены исключительно москвичи: Антокольский, Ашукин, Мясников и Сквозников. Но Н.Н. Аكوпова, заведующая редакцией классической русской литературы в издательстве “Художественная литература”, по приезду в Москву после Брюсовских чтений в Ереване послала приглашение Павлу Наумовичу войти в редколлегию Собрания сочинений Брюсова. Павел Наумович, приняв приглашение, самым энергичным образом включился в работу, прилетая безотказно на все редакционные заседания издательства по поводу Собрания сочинений Брюсова, борясь за сохранение стихотворных сборников Брюсова согласно авторскому замыслу.

Павел Наумович очень интересовался моей работой над романом Брюсова “Огненный Ангел”, этим “трудным орешком”, который был включен в четвертый том издания. Когда пояснения к тексту романа были мною написаны, я по вызову Павла Наумовича выехала в Ленинград для того, чтобы он скорректировал мою работу. Было это летом, и мне пришлось ехать в Комарово, на дачу Беркова. Павел Наумович самым тщательным образом сверил текст “Огненного Ангела”, представленный мною ему, с текстом, подготовленным самим Брюсовым для несостоявшегося издания Гжебина Полного собрания сочинений Брюсова, очень внимательно проследил, не пропущены ли мною какие-либо выражения и слова, нуждающиеся в объяснении, и весьма обстоятельно обсуждал все мною написанные комментарии. Работал Павел Наумович с утра до обеда и, после небольшого перерыва, до 11 часов вечера. Эта работа продолжалась в течение пяти дней, и Софья Михайловна с Павлом Наумовичем были так заботливы, что оставили меня на все время работы над “Огненным Ангелом” у себя на даче в Комарове, не отпуская ночью в Ленинград, где я остановилась. Жизнь в Комарове, на даче у Берковых, оставила у меня самые теплые и приятные воспоминания – так просты, ласковы были они, пошли провожать меня на станцию, несмотря на моросивший дождь!

К великому сожалению общественности и всех брюсоведов, подписка на издание сочинений Брюсова при жизни Павла Наумовича не была объявлена, хотя первый том был подписан к изданию еще в 1968 году, а последующие четыре тома редакторски готовы. Эта задержка очень обескураживала и огорчала Павла Наумовича, но, как писал он мне в одном письме, “любовь к Брюсову растет!”

Безжалостна смерть, вырвавшая у нас неумолимого, мудрого и энергичного защитника памяти поэта Брюсова, такого человеческого, такого верного в своей любви к писателю!

В.К. Семенцова

Ленинградский профессор в Киргизии

Мое первое знакомство с Павлом Наумовичем Берковым произошло в тяжелые годы Отечественной войны, когда я училась на филологическом факультете Киргизского государственного педагогического института.

К нам приехал ленинградский профессор! Эта весть всколыхнула весь факультет, и скоро в коридоре и на лестничных клетках любопытные взгляды встречали стройную, чуть-чуть сутуловатую фигуру ленинградца, с копной совершенно белых волос, направляющегося в деканат. С нетерпением мы ждали первой лекции и сразу же были захвачены спокойной, свободной манерой изложения, обилием нового для нас материала, постоянным вниманием лектора к научному определению и прежде всего происхождению того или иного слова. Профессор сразу же потребовал строгой дисциплины, не выносил малейшего опоздания или заглядывания в аудиторию во время чтения лекции. В противном случае он делал резкое замечание, и все невольно подтягивались, чувствуя вину товарища.

Требовательный, несколько педантичный и сдержанный, Павел Наумович Берков скоро покорила всех широкой эрудицией, прекрасной памятью на даты, лица, события, умением воссоздавать цельную картину историко-литературного процесса.

Павел Наумович был прирожденным воспитателем молодежи, он понимал ее интересы, запросы и говорил, что студенты в своей основе везде одинаковы.

Читая курс русской литературы XVIII, а затем и XIX века, профессор Берков, часто увлекшись, знакомил студентов подробнее с тем материалом, который интересовал его самого как литературоведа-исследователя.

Благодаря этому мы прослушали, например, цикл лекций по истории русской журналистики XVIII века; впервые близкими и понятными стали нам поэты XVIII века, Ломоносов раскрылся

перед слушателями со всей страстностью борца за русскую культуру, литературного полемиста.

А как всех поразила трагическая история красной тетради, в которой рассказывалось о жизни дочери Дантеса-Геккерна, Леонии Шарлотты, влюбленной в Пушкина и заклеившей презрением отца-убийцу. (Впоследствии этот материал составил интереснейшую главу “Из записок книголюбца” Павла Наумовича Беркова “О людях и книгах”. М.: Книга, 1965).

Не имея под руками своей библиотеки, Павел Наумович долгие часы проводил в читальном зале, изучил досконально фонд городской библиотеки, где скоро стал своим человеком и, по его признанию, нашел там много интересных материалов.

В Киргизии профессор Берков впервые стал работать над курсом литературы народов СССР. Он увлекался и “местными” материалами, начал изучать киргизский язык и внес свой вклад в исследование киргизского эпоса “Манас”.

Вместе с известным ученым Киргизии И.А. Батмаковым, которого мы тоже вспоминаем с большой благодарностью, П.Н. Беркову удалось добиться открытия аспирантуры при КГПИ¹.

С какой любовью и восхищением занимались аспиранты-первенцы со своим наставником, как интересно было изучать с ним историю критики и журналистики и историографию русской литературы! И уже на практике пытались овладеть технологией научной работы, которой обучал своих питомцев любимый профессор.

Павел Наумович с большим чувством ответственности относился к каждому нашему самостоятельному шагу: проверял конспекты лекций, которые мы скоро стали читать в том же институте, присутствовал на некоторых из них, критиковал, поучал. Сам руководитель был к нам справедливо строг и требователен, но зато чувствовали мы себя с ним как за каменной стеной. На ученых советах Павел Наумович мог спорить горячо и резко, но никогда не давал нас в обиду, за что его однажды даже назвали наседкой с цыплятами. Зато с какой любовью он воспитывал нас, расширял наши представления, развивал эстетические вкусы. Иногда, по воскресеньям, мы специально собирались вместе на занятия литературного кружка, где Павел Наумович знакомил нас с французской, немецкой поэзией.

Неизгладимо в памяти остались вечера, когда мы, бывало, шли по залитой лунным светом улице маленького, затерявшего-

---

¹ Киргизский государственный педагогический институт. – Ред.

ся среди величественных гор городка (институт тогда находился в Пржевальске) и слушали интересные рассказы своего учителя или читали стихи, среди которых были и такие:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красных?
Коли явится милость прещедра
Небес ясных?²

И, как ни странно, стихи эти были созвучны с нашим настроением, которое во многом зависело от последней сводки Информбюро.

Утро начиналось с обсуждения новостей с фронта, и Павел Наумович собственноручно переставлял флажки на большой географической карте, отмечая продвижение советских войск.

Он никогда не жаловался на трудности жизни в холодной полупустой квартире, на неважное состояние здоровья, горячо верил в победу.

Сразу же после окончания войны семья Берковых вернулась в Ленинград. Мы тоже вскоре разъехались, но не порывали связи друг с другом. Через несколько лет я оказалась в Ленинграде, где была тепло встречена Павлом Наумовичем и Софьей Михайловной.

Казалась бы, прошли годы, у Павла Наумовича появились новые ученики и он мог бы перестать заботиться о своих “оперившихся” киргизских питомцах. Однако профессор Берков остался верен себе: он помог нам всем троицам написать и успешно защитить диссертации. Это был период напряженной работы: З.Н. Альбина и И.П. Карасёва приезжали в научные командировки, а я совмещала свою работу над диссертацией с преподаванием в школе. Мы должны были во что бы то ни стало уложиться в срок и иногда приезжали к Павлу Наумовичу поздно вечером для обсуждения очередного материала.

Однажды я не успела подготовить главу и вместо этого подаю Павлу Наумовичу следующее:

Мбчи нет, в какие “дебры”
Я с Арсеньевым зашла:
Здесь не только бродят зебры
И бушует, злясь, пурга.
У Арсеньева, по правде,
Жизнь была куда легка, –

---

² Первые строки стихотворения Феофана Прокоповича “Плачет пастушок в долгом ненастье”. – *Ред.*

Он идет себе по карте,
Заночует у костра,
Есть захочет – все к услугам –
Кабаны и кабарга;
И всегда он с верным другом,
Следопытом Узала.
Ну а тут – другие муки,
Лезь, хоть впереди ни зги,
Хочешь быть “жрецом науки”,
Хоть умри, но защити.

Павел Наумович не стал “разносить” мое неуклюжее сочинение и только улыбнулся. Я поняла, что прощена.

Не помню, чтобы Павел Наумович громко раскатисто смеялся. Обладая тонким чувством юмора, он обычно улыбался или посмеивался, но при этом все лицо его преображалось: в глазах бегали веселые и задорные искорки, каждая морщинка на лице улыбалась.

Дом Берковых стал для нас родным благодаря исключительно теплomu отношению к нам членов семьи, и прежде всего жены Павла Наумовича, Софьи Михайловны, неустанной помощницы профессора во всех его делах.

Как только приезжал кто-нибудь из бывших “киргизских” аспирантов в Ленинград, первым нашим визитом был визит к Берковым. Встречали нас как дорогих гостей, за праздничным столом, и прежде всего начинался разговор об общих знакомых, о трудных, но интересно прожитых днях в солнечной Киргизии. Павел Наумович обычно долго не засиживался и уходил в свой кабинет. Он вообще любил строгий распорядок дня, а Софья Михайловна постоянно заботилась о его здоровье.

На всю жизнь сохранили мы в своих сердцах память о настоящем, красивом человеке – Павле Наумовиче Беркове.

А.И. Дуденкова
Наш дорогой учитель

Мы поступили в Ленинградский университет военной осенью 1943 года. Университет находился тогда в эвакуации в Саратове. Здесь прошел наш голодный и холодный первый курс. На большинстве из нас лежала печать перенесенных трудностей, и наш вид как-то плохо сочетался с понятием “изящной словесности”, изучать которую мы пришли на русское отделение филологического факультета. Вид явно не располагал в нашу пользу. И на первых порах можно было даже услышать фразу: “Не тот студент пошел” и т.п. Когда летом 1944 года университет вернулся из эвакуации, образ нашей жизни мало напоминал академический учебный распорядок. Мы попадали то в отряд строителей, которые вели восстановительные и ремонтные работы, то в отряд обслуживания столовой, то преображались в истопников, то заготавливали топливо. И все же, при таком многообразии неакадемических занятий, мы оставались студентами второго курса. И главным были лекции в холодных аудиториях, занятия в Публичной библиотеке, где постепенно восстанавливались довоенные порядки, открывались большие залы вместо временных небольших помещений. При всех трудностях сурового времени, не покидало счастливое чувство правильного выбора, гордости своей alma mater, увлечения своими преподавателями. А увлекаться было кем! Блестящая плеяда ученых-литературоведов старшего и среднего поколения преподавала тогда на филологическом факультете университета: С.Д. Балухатый, Б.М. Эйхенбаум, Б.В. Томашевский, В.Е. Евгеньев-Максимов, Г.А. Гуковский, П.Н. Берков, М.П. Алексеев, А.А. Смирнов и др.

Конечно, иногда увлечения приходили и уходили вместе с новым курсом лекций, который следовал по учебному плану, вместе с открытием новой “путеводной звезды”. Но вокруг Павла Наумовича Беркова как-то сразу объединился прочный, почти не менявшийся в своем составе кружок “восемнадцативечников”. А возникла основа этого кружка во время экзамена по литерату-

ре XVIII века, которую у нас вел Павел Наумович. Именно тогда мы почувствовали удивительные качества Павла Наумовича как педагога, его умение учить, увлекать предметом, его чуткое внимание к человеку, с которым он говорит. Просто непостижимо, как он умел превратить экзамен в увлекательную беседу по специальности, приоткрыть отвечающему новые горизонты, заманчивые дали знания, которые стоят за его пока что скромными познаниями. Он совсем не был похож на профессора, который в своей жизни принял сотни экзаменов и давно заранее знает, что услышит. Казалось, что сам по себе экзамен – интереснейшее занятие, потому что Павел Наумович не был пассивным, равнодушным слушателем или беспристрастным судьей, единственная задача которого – отвесить меру пятерок, четверок, троек, ну и двоек, если возникнет такая неприятная необходимость. Нет, он одаривал экзаменуемых своими бесконечными познаниями, дополняя студента, советуя ему, что еще можно прочитать по этому вопросу, и разговаривая с ним как с достойным собеседником.

Одна студентка перед экзаменом расхворалась – болели зубы, образовался флюс. Она пришла с перевязанной щекой, и вид у нее был самый несчастный. Взяв билет, она села на свое место и, вместо того чтобы писать ответ на вопросы, задумчиво смотрела в билет. Павел Наумович заметил это и решил, что студентка не подготовилась к экзамену. Он подошел к ней и тихо предложил перенести экзамен: через два дня будет сдавать следующая группа. Она благодарно улыбнулась, тронутая таким вниманием, и сказала, что это у нее такая манера думать, она готова отвечать. Когда она начала отвечать, Павел Наумович слушал с таким живым интересом и вниманием, что девушка буквально преобразилась, забыла о своем нездоровье и показала свои лучшие возможности. Конечно, она уходила с экзамена счастливая, окрыленная, с твердым убеждением, что этот удивительный человек будет ее учителем, когда начнется специализация. С таким же убеждением и чувством уходили отсюда и многие другие студенты, которых Павел Наумович “открыл” своим волшебным ключиком педагога, гуманиста, просветителя. Так образовался наш семинар по русской литературе XVIII века. Здесь не было случайных, равнодушных, тех, кому все равно, в какой семинар записаться. Сюда пришли по твердому убеждению, пришли “одержимые”, как нас в шутку называли сокурсники.

Занятия семинара проходили раз в неделю. Этого дня мы с нетерпением ожидали как большого события. В невзрачной и холодной аудитории старого здания мы с жадностью вслушивались в историографию XVIII века, запоминали методические советы о

способах собирания и разыскания материалов, о технике литературоведческого исследования.

Особенно приятно было, когда занятия семинара Павел Наумович проводил у себя дома, сначала на улице Глинки недалеко от Оперного театра, а потом на 13-й линии Васильевского острова, в уютном деревянном особняке, окруженном старыми деревьями. Здесь, в царстве редких и разнообразных книг, оживали факты и события, современниками становились писатели и ученые прошедших эпох. Здесь Павел Наумович был в своей стихии – во всеоружии эрудиции, исключительной памяти и широких творческих интересов. И всем этим он щедро делился, всему этому хотел научить. И у нас рождалось ответное желание – знать, работать, искать, бежать скорее в библиотеку, жадно наброситься на книги, рукописи. И мы работали с упорством и постоянством, становясь постепенно завсегдатаями книгохранилищ, рукописных отделов.

В семинаре мы узнавали первые “муки творчества” и сладость первых открытий и успехов. И самое поразительное то, что Павел Наумович умел неподдельно, искренне сопереживать, увлекаться вместе с нами, как будто бы и для него все это было впервые. Создавалась та редкая атмосфера духовного родства и единства, в которой на всю жизнь возникает привязанность к alma mater, ощущение самой большой ценности, унесенной из нее.

Вспоминается такой случай. Мы работали над темой “Идейные и литературные связи французского и русского Просвещения”. Перед каждым из нас Павел Наумович поставил хоть небольшую, но исследовательского характера задачу. Решить ее, прибегнув к простому реферированию научной литературы, было нельзя, потому что, как правило, ответа там не было. Нужно было обратиться к первоисточникам. И тут-то оказалось, что французский язык не просто учебный предмет, а вещь самая необходимая для работы, так сказать, рабочий инструмент. Пришлось и им заняться всерьез, чтобы читать в подлиннике французские газеты и книги эпохи Просвещения. Одна из таких задач состояла в том, чтобы по упоминанию, содержащемуся в письме Д.И. Фонвизина из Франции, собрать сведения о парижском литературном кружке, в котором он бывал и выступал там с рассказами о России и русской литературе. Неизвестно было, есть ли в наших библиотеках какие-нибудь материалы об участниках этого кружка, о характере его деятельности, о значении его для русско-французских литературных и общественных связей.

Решить эту задачу было нелегко, путеводная нить – указание Фонвизина – была лишь слабым ориентиром и часто обрывалась.

К тому же сотрудники библиографических отделов, где велись первичные разыскания, посматривали на нас несколько иронично, как на наивную молодежь, которая из простого учебного задания делает событие огромной важности и воображает, что до них никто не догадался заглянуть ни в справочники, ни во французские энциклопедии.

Однажды сотрудница, которой мы, вероятно, очень надоели, сказала:

– Что вы ищете? Да Павел Наумович Берков и Григорий Александрович Гуковский давным-давно все это пересмотрели и обыскали.

Такое отношение, конечно, смущало и расстраивало. Павел Наумович с полуслова понимал эти настроения и восстанавливал душевное равновесие, говоря, что в разыскании нет разницы между известным ученым и начинающим, если начинающий уже овладел методом разыскания. И со смехом отвергал заверение сотрудницы насчет его всезнания, благословляя таким образом новые шаги и поиски. И они завершились успехом! В один счастливый и незабываемый день во французской энциклопедии мелькнуло знакомое имя одного из участников кружка и название его сочинения, которое, судя по времени написания, могло иметь отношение к деятельности кружка того периода, когда там бывал Фонвизин. Эти сведения с гордостью вручены Павлу Наумовичу. Теперь он сам берется за поиски в великолепных фондах XVIII века Библиотеки АН СССР. Через несколько дней – маленькая французская книжечка в руках участников семинара. Мы ее бережно листаем, осматриваем со всех сторон, она для нас почти чудо, в сотворении которого мы тоже участвовали. Павел Наумович радуется, глядя на нас. Он знает, что приобщил своих питомцев к первой радости поиска и творчества, он уверен, что этот маленький опыт открыл им многое. И что еще характерно для работы Павла Наумовича – педагога: он показывал пути, по которым нужно пройти, чтобы создать концепцию, прийти к выводам и обобщениям, а не предлагал эти выводы в готовом виде. Нередко крупные ученые, но плохие педагоги выбирают последнее. Им проще и легче “подбросить” готовую идею, дать схему, которую нужно лишь наполнить фактами, оживить, чем провести через весь путь к созданию такой концепции. А Павел Наумович не уставал показывать такую дорогу. Поэтому счастливыми себя считали те из нас, у кого и в аспирантуре научным руководителем был профессор Берков.

Вместе с тем Павел Наумович давал не только профессиональную выучку, школу, он оказывал на окружающих большое

моральное влияние, подавал пример самого достойного, благородного поведения. Во всем перед нами предстал красивый человек, доброжелательный, щедрый, безусловно порядочный. Это была активная моральная позиция, он никогда не жил “доброму и злу внимая равнодушно”. Добро защищал, со злом боролся, учил строгому и требовательному отношению к себе, к своим работам и благожелательности к другим людям и их делу. Видели ли вы его в счастливую минуту успехов, радости или в кругу дружной семьи, видели ли вы его погруженным в тяжелые заботы, когда к близким и к нему приходили болезни, горести, неприятности, вас никогда не покидало ощущение цельности, доброты этого человека, его верности тому лучшему, что в нем есть.

На нас огромное впечатление произвел такой случай. В начале осени 1951 года Павел Наумович перенес очень тяжелую операцию и лежал в клинике Военно-медицинской академии. Визиты к нему еще не разрешали, но Софья Михайловна, жена Павла Наумовича, получила для меня специальное разрешение, потому что я уезжала из Ленинграда на работу по распределению после аспирантуры. Я пришла к условленному времени с цветами в руках. Софья Михайловна заколебалась: хорошо ли цветы? Я сказала, что Павел Наумович ходил в больницу к больному коллеге с цветами, значит хорошо. Увидев больного учителя, я только большим усилием воли не показала своего испуга, такой плохой вид был у него. Лицо мертвенно-серое, глаза почти закрыты, голос еле слышен. Но ни одной жалобы я не услышала, он вообще не хотел говорить о себе, а давал мне советы, наставления, ободрял перед ответственным новым шагом в жизни. И тогда вернулось обычное ощущение, что перед тобой не слабый, прикованный к постели больной, а мужественный, негибачемый, сильный духом человек!

Был у Павла Наумовича еще один редкий человеческий дар – умение приходить на помощь в трудную минуту, когда на помощь даже не успели еще позвать. Да и вообще, может быть, и не нужно было звать его – у него было безошибочное, бескорыстное чутье и пронизательность доброго волшебника в этом отношении. И давал он людям всегда больше, чем брал от них.

Было в нем доброе и цельное сочетание ума, интересов и характера. Была органичность в обращении к XVIII веку как области основных научных интересов. Дух просветительства, энциклопедизм, дух разума и долга – высшие научные и моральные достижения этого века были родственны лучшим устремлениям светлого ума и сердца нашего незабвенного учителя.

К.А. Чернятевич

“...Пишите мне всегда”

Всякий раз, когда в моих руках оказывается книга, мысленно переносюсь в давно минувшее прошлое, вижу себя девятилетним мальчишкой, упивающимся повестью “Часы” Л. Пантелеева – первой “толстой”, самостоятельно прочитанной книгой. Читаю медленно, вслух. Мои первые слушатели – отец, не ахти как разбирающийся в грамоте, и совершенно безграмотная мама – сидят рядом. На их лицах горделивая улыбка, растроганность: они, как и подобает родителям, радуются. Да и – шутка ли сказать! – их сынок уже увлекается “толстыми” книгами...

Книга, полюбившаяся мне со школьной скамьи, стала моим неразлучным спутником. Это она заставляла меня мысленно переноситься к героям прочитанных книг и вместе с ними совершать полет на воздушном шаре, открывать “таинственный остров”, быть видным ученым-путешественником. Это она щедро дарила мне из своих неисчерпаемых кладовых неизвестные мне дотолы знания. Это она свела меня со многими интересными людьми – страстными книголюбями. Это она помогла мне завести переписку со многими авторами книг, способствовала встрече с ними. Это она, и никто другой, помогла мне в знакомстве и с видным ученым-литературоведом, членом-корреспондентом АН СССР Павлом Наумовичем Берковым. Приходится лишь сожалеть, что знакомство это было заочным и длилось немногим более девяти месяцев. Тем не менее оно – самое памятное событие на моем жизненном пути, о котором я вспоминаю с величайшей радостью, которое мне не забыть никогда.

Началось наше знакомство вот как...

Листая мартовский номер журнала “В мире книг“ за 1968 год, я невольно задержал внимание на странице, на которой в выделенной красным рамке жирным шрифтом было напечатано открытое письмо члена-корреспондента АН СССР П.Н. Беркова “Кто что собирает?” к читателям страны:

«...Предполагая завершить в скором времени “Историю советского библиофильства”, – писал ученый в своем обращении, – я собираю материалы и для книги “Современные советские библиофилы”... В этой связи мне желательно получить от возможно большего числа лиц возможно большее количество сведений об их библиофильской деятельности, а также и о других библиофилах...»

В обращении давался адрес, по которому следовало высылать нужные сведения.

Как было не откликнуться на призыв ученого?

Около недели вечерами, в свободные после работы часы, сочинял “послание”, в котором писал о своем увлечении книгой, о своем скромном, насчитывающем немногим более 600 томов, книжном фонде, о написанных мною материалах, рассказывающих о прочитанных книгах, о себе самом – ведь невозможно же книгу отделить от своего жизненного пути. Как ни старался писать сжато, рассказывая только об основном, но “послание” получилось громоздким – более 20 листов машинописного текста. Сопроводив его рядом газет с моими материалами и материалами, написанными обо мне как о любителе книги, отправил всё это бандеролью 3 мая.

«Найдет ли видный ученый время на чтение моих “трудов”? Скоро ли он сможет дать ответ?» – вот какие вопросы невольно то и дело возникали в моей голове.

Как же я был удивлен, когда 11 мая почтальон вручил мне конверт, в котором было письмо от Павла Наумовича, написанное им сразу же после получения моей бандероли, 8 мая. Оно было небольшим. В нем сообщалось о получении отправленных мною материалов. Но здесь же были и тронувшие меня до глубины души, заставившие проникнуться сыновним чувством к Павлу Наумовичу слова: “...прочие материалы прочту вечером” и “подробнее напишу по прочтении материалов”. Сколько в них заботы о человеке, тепла, душевности! Ими Павел Наумович дает понять автору присланных материалов, что он для него не безразличен, что коль скоро им получен материал, то автор не может быть им забыт. Но вот подробный ответ автору он может дать лишь после детального изучения материала. Притом в указанный самый короткий срок, а не откладывая его на какое-то длительное, неопределенное время. И это не формальная отписка, а деловой разговор.

В этом я смог убедиться, получив второе письмо от П.Н. Беркова: оно было написано им в тот же день, что и первое, вечером, после изучения всего высланного мною материала.

Признаться, я был поражен такой оперативностью. Это невольно заставило меня проникнуться еще большим чувством уважения к Павлу Наумовичу. Я понял также, что Павел Наумович не в состоянии будет оставить без ответа своих корреспондентов, которых, как я догадывался, у него было множество.

Во всех письмах П.Н. Беркова, адресованных мне, красной нитью проходят неповторимая отеческая забота о человеке, постоянное стремление сделать человеку добро, быть его неразлучным товарищем и другом, желание оказать ему практическую помощь.

Когда я сообщаю Павлу Наумовичу, что в фонде моей библиотеки нет книги В.Г. Лидина “Друзья мои – книги”, он тотчас же высылает таковую мне. Когда я завел разговор о том, что много лет разыскиваю сборник русских загадок, он прилагает столько стараний в этом деле, что мне становится не по себе. Я вынужден был написать Павлу Наумовичу об этом, указать на то, что мне, право, неудобно то, что он подробно отвечает на все мои вопросы, тратя на это массу времени.

И какой же последовал на это ответ?

“...Очень прошу Вас, не беспокойтесь, пишите мне всегда, когда найдете нужным: Ваши письма мне очень приятны...” – пишет мне ученый в ответ на мои “излияния души”.

Кого бы не тронули такие слова? Слезы радости и умиления выступили на моих глазах при чтении этих строк.

А через три месяца ученый прислал мне сборник “Загадки” самого последнего издания. Таков финал “эпопеи” с делом о книге, каковую разыскивал я многие годы и какой, видимо, не имел бы и по сей день, не пришли ее мне ученый. Поистине безграничная щедрость Павла Наумовича!

Еще и еще раз перечитываю ставшие семейной реликвией все 12 писем П.Н. Беркова. Неиссякаемый источник человеческого тепла излучают их страницы! Можно смело сказать: в каждое из них вложена часть щедрой души их автора. Подобное чувство, уверен, ощущали и продолжают ощущать все корреспонденты ученого.

Как мне хотелось встретиться с Павлом Наумовичем, пожать его руку, поговорить с ним! Мечтал летом 1969 года провести очередной отпуск в Ленинграде, в котором мне посчастливилось побывать всего один раз, в 1961 году. Планировал побывать в театрах, музеях, погулять по историческим улицам этого чудесного города. И, конечно же, встретиться с Павлом Наумовичем. Но непредвиденная болезнь помешала осуществлению замысла. Проболел три с половиной месяца.

Сообщение в печати и по радио о смерти П.Н. Беркова потрясло меня. Никак не хотелось верить тому, что ушел из жизни полный замыслов и энергии, необыкновенно простой и щедрый человек, известный не только у нас, но и за рубежом великий ученый.

Ком подступил к горлу, мешал свободному дыханию. Повинуясь инстинктивному чувству, достал фотографию Павла Наумовича, присланную на память мне ученым в одном из первых своих писем. Не сдержался – залился слезами...

В феврале 1970 года удалось побывать в Ленинграде. С трепетным волнением и учащенным сердцебиением подходил я к дому, в котором жил и творил ставший для меня настолько близким и родным ученый-филолог. Проходит минута-другая... и вот я тепло встречен и принят вдовой ученого – Софьей Михайловной.

Более полутора часов длилась наша беседа. Со слезами на глазах стоял я у рабочего стола ученого, за которым когда-то и мне писались письма...

Только здесь, в рабочем кабинете ученого, я смог получить окончательное представление о том подвижническом труде, какой изо дня в день на протяжении всей своей жизни вел Павел Наумович. От одного взгляда на книжное собрание, которое, включая брошюры и оттиски, насчитывает свыше 30 тысяч названий, рябит в глазах. А ведь на каждый из этих научных трудов Павлу Наумовичу приходилось тратить минуты, часы... Некоторые из книг с любезного согласия Софьи Михайловны беру в руки, листаю, встречаю здесь десятки закладок, на которых четким каллиграфическим почерком ученого сделаны какие-то пометки... Софья Михайловна извлекает из рабочего стола ученого целую стопку блокнотов. Исписанные их страницы – результат неимоверно большой переписки ученого. Рядом с фамилией корреспондента указаны даты получения письма и отправленного ему ученым ответа. Среди множества фамилий нахожу свою... Почти десять писем в день отправлял ученый своим корреспондентам. На страницах каждого из них во все уголки страны и за рубеж рассылались Павлом Наумовичем крупинцы добра, человеческое тепло. Титанический труд!..

На память о незабвенном Павле Наумовиче вдова покойного подарила мне экслибрис П.Н. Беркова, увеличенный фото-портрет ученого, отдельный оттиск журнала “Русская литература”, где напечатан некролог о П.Н. Беркове, книгу П.Н. Мартынова “Полвека в мире книг”, ответственным редактором которой был П.Н. Берков, вступление к которой также написано ученым.

На обратном пути на несколько дней задержался в Москве. Пользуясь случаем, побывал в редакции журнала “Дружба народов”, встретился с редактором отдела публицистики Юрием Семеновичем Гершем, с которым ранее был знаком по переписке. Не мог не рассказать о своей переписке с П.Н. Берковым. Юрий Семенович предложил мне подготовить публикацию писем ученого-филолога для журнала “Дружба народов”, подборка которых охотно будет помещена на страницах журнала. С радостью согласился сделать это. Три письма П.Н. Беркова из этой подборки увидели свет в августовском журнале...

Светлая память о дорогом Павле Наумовиче Беркове навсегда сохранится в моем сердце.

Письма Павла Наумовича Беркова

1

Ленинград, 8.V.68 г.

Глубокоуважаемый Казимир Адольфович!

Только сегодня мне вручили Вашу посылочку и письмо¹, за которые я Вам очень благодарен. Письмо – очень интересное – я прочитал, а прочие материалы прочту вечером. Сейчас же я спешу поблагодарить Вас и вернуть “уведомление о вручении”, которое почтальон оставил при бандероли.

Желаю Вам всего доброго.

Подробнее напишу по прочтении материалов. Еще раз благодарю. Уважающий Вас

П. Берков

2

Ленинград, 8.V.68 г.

Глубокоуважаемый Казимир Адольфович!

С большим интересом прочел я все присланные Вами материалы и в дополнение к утреннему письму пишу это. Я очень признателен Вам за сообщенные сведения, “заметки”, “приложения” и газеты, которые, согласно Вашей просьбе, возвращаю. Считаю, что Ваши рецензии сделали бы честь любой (да, *любой*) газете, не исключая самых авторитетных. Ваша рецензия на книгу В.Л. Леви² заставила меня отметить эту книгу, и после праздников я постараюсь найти ее в библиотеке Академии наук.

---

¹ Речь идет о высланных мною П.Н. Беркову материалах, являющихся ответом на его выступление в журнале “В мире книг” (1968. № 3): *Берков П. Кто что собирает?*

² *Леви В. Охота за мыслью: (Заметки психиатра). М., 1967.*

Вы спрашиваете, как меня зовут, – Павел Наумович. Вы просите прислать какие-нибудь из моих книг. К сожалению, у меня, кроме последней, вышедшей в 1967 г., книги “Русские книголюбы”, ничего нет. Посылаю Вам “Русских книголюбов” – экземпляр, который я держал про запас, отчаянно отбиваясь от многочисленных просителей, словно предчувствуя, что он должен быть передан не коллекционерам книг с автографами, а подлинному книголюбу, каким Вы мне представляетесь по прочитанным материалам. Вы просите также мою фотокарточку. Посылаю Вам ту, которая у меня сейчас нашлась, – снимок сделан, кажется, в 1966 г.

Желаю Вам всего доброго.

Уважающий Вас

П. Берков

P.S. Не думайте, что я против коллекционеров книг с автографами, – напротив. Но есть такие “коллекционеры”, которые книг своих с автографами не читают.

P.P.S. Если мне попадет моя книга “О людях и книгах” [1965], которую я считаю своей особенно “занимательной” книгой, pošлю ее Вам.

3

Ленинград, 29.V.68 г.

Глубокоуважаемый Казимир Адольфович!

Простите, что не сразу ответил на Ваше предыдущее письмо, – занят и, кроме того, хотел отыскать для Вас один оттиск на польском языке, знакомство с которым Вы показали своими отличными переводами³.

К сожалению, “О людях и книгах” послать Вам не могу. А вот “Друзья мои – книги” В.Г. Лидина, – и то первое издание, – посылаю⁴. Посылаю Вам еще одну книгу, в которой прошу обратить внимание на стр. 415–418⁵.

Желаю Вам всего доброго.

Искренне уважающий Вас

П. Берков

---

³ Я отправил П.Н. Беркову несколько газет, в которых были опубликованы мои переводы с польского языка. П.Н. Берков прислал мне оттиск статьи Рышарда Лужного: *Luźny R. Paweł Bierkow: Sylwetka uczonego / Slavia Orientalis*. 1966. № 2. S. 141–152.

⁴ *Лидин Вл.* Друзья мои – книги. Заметки книголюбца. М., 1962.

⁵ Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П.Н. Беркова // XVIII век. Сб. 7. М.; Л., 1966. Автор письма просит обратить внимание на статью В. Якубовского “П.Н. Берков и проблемы польско-русских литературных связей”.

Комарово, 11.VI.68 г.

Глубокоуважаемый Казимир Адольфович!

Благодарю Вас за доброе письмо от 4 с(его) м(есяца). Я получил его только вчера, т.к. живу сейчас за городом и в Ленинград приезжаю раз-два в неделю.

Простите, что задержал № “Химика”, о котором Вы писали⁶. Прилагаю его при сем письме.

Теперь – по поводу сборников русских загадок⁷. Такие сборники есть: Д. Садовников. Загадки русского народа. СПб., 1876; И. Худяков. Великорусские загадки. 1861; М. Рыбникова. Загадки. М., 1920 или 1922 г.; Комаров. Нова збірка народьних малоруських приказок... загадок і замовлянь. Киев (?), 1890. А совсем недавно, – не то в прошлом, не то в этом году, – вышла новая книга загадок. К сожалению, я автора не помню. Кроме того, могу указать Вам (по памяти) библиографию по русскому народному творчеству с 1917 по 1965 г. (в 2 выпусках) М.Я. Мельц. Библиография русского фольклора. Л., 1963–1967 (пишу всё по памяти). Да, имеет смысл посмотреть в “Краткой Литературной Энциклопедии” под словом “Загадка”, там должна быть более полная библиография, чем та, которую я привожу здесь по памяти. Если мне попадутся в букинистических магазинах сборники загадок (когда я после летнего перерыва вернусь в Л-д), я постараюсь послать Вам.

Желаю Вам всего доброго.

Искренне уважающий Вас

П. Берков

P.S. Прошу Вас посылать мне Ваши статьи, рецензии и переводы.

Комарово, 26.VI.68 г.

Глубокоуважаемый Казимир Адольфович!

Несколько дней назад я получил Ваше письмо от 18 с.м. с приложением перевода “Обманщика” Анатолия Потемковского⁸. Большое спасибо!

Выяснить, кто автор недавно вышедшего сборника загадок, очень нетрудно: во-первых, существуют две больших библиографии по рус-

---

⁶ “Химик” – многотиражная газета Невинномысского химического комбината. В одном из номеров газеты была помещена подборка моих переводов с польского языка, сопровождаемая небольшим “вступительным словом” редакции.

⁷ В своем письме я упомянул о том, что много лет ищу сборник русских загадок.

⁸ Перевод юмористического рассказа А. Потемковского “Обманщик” был выполнен мною для городской газеты “Невинномысский рабочий”.

скому фольклору (1917–1945 и 1945–1965) (обе у меня в Ленинграде – когда буду завтра или послезавтра в городе, посмотрю); а во-вторых, автор этих библиографий продолжает собирать новейшую литературу фольклора, и я при встрече с ней в Институте (автор – дама), где мы вместе работаем, спрошу у нее и результат сообщу Вам.

Вы пишете, что Вам неудобно то, что я подробно отвечаю на все Ваши вопросы и т.д., и спрашиваете, не “заваливаете” ли Вы меня своими письмами. Говорю совершенно искренне: нет, не “заваливаете”; мне приятно, что я могу помочь человеку, который ищет, интересуется, не погряз в “быту” и, напротив, старается и своим окружающим сделать полезное – пишет, переводит, печатает. Я получаю по несколько писем ежедневно; есть среди моих корреспондентов люди, стремящиеся пустить пыль в глаза, хвастающие своими связями с крупнейшими писателями, общественными деятелями и т.д. Таким лицам я отвечаю предельно коротко и тем самым прекращаю переписку. Напротив, когда среди писем я нахожу такие, в которых узнаю о существовании честных, простых, искренних людей, я чрезвычайно радуюсь и стараюсь быть полезным им. Поэтому, глубокоуважаемый Казимир Адольфович, очень прошу Вас, не беспокойтесь, пишите мне всегда, когда найдете нужным: Ваши письма мне очень приятны.

А за рецензию в “Невинномысском рабочем” большое спасибо!⁹ Это уже пятая рецензия на “Книголюбов”. После Вашей появилась еще одна, но все рецензии – в не-московских изданиях.

При настоящем письме я посылаю Вам еще один отгиск своей статьи на польском языке¹⁰ (перевод сделан моим молодым другом, талантливым краковским доцентом Ришардом Лужным) и два отгиска обо мне¹¹ (в дополнение к сборнику “XVIII век”). Отгиск из “Известий” посылаю, гл. обр., из-за воспроизведения фотоснимка, который, по общему отзыву, наиболее похожий.

Желаю Вам всего доброго.

Искренне уважающий Вас

П. Берков

---

⁹ Речь идет о моей рецензии на книгу П.Н. Беркова “Русские книголюбы” (“Невинномысский рабочий”. 1968. 11 июня).

¹⁰ *Bierkow P.* Niektóre postaci literatury światowej w interpretacji ukraińskich poetów radzieckich // *Slavia Orientalis*. 1967. № 1. На титульном листе отгиска надпись: “Глубокоуважаемому Казимиру Адольфовичу Чернятевичу с самым искренним уважением и неизменной симпатией от автора. 26.VI.68. П. Комаров”.

¹¹ *Баренбаум И.Е.* Павел Наумович Берков как книговед: (К 70-летию со дня рождения) // Книга: Исследования и материалы. М., 1967. Сб. 14. С. 241–247; *Адрианова-Перетц В.П.* Павел Наумович Берков: (К 70-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. М., 1966. Т. XXV. Вып. 6. С. 539–545.

Комарово, 24.VII.68 г.

Глубокоуважаемый Казимир Адольфович!

Простите, что до сих пор не подтвердил получения Ваших последних писем, со вложением газет и кроссвордов, и альманаха “Ставрополье”¹². Большое спасибо!

Не писал Вам главным образом потому, что спешил проверить перепечатанную наконец “Историю советского библиофильства”. Только вчера закончил. Получилось много больше, чем заказало издательство, и это меня очень беспокоит. Не говорю уже о том, что я не имел возможности использовать много материалов, собранных в течение ряда лет. Придется перенести во вторую книгу – “Современные советские библиофилы, книголюбы и т.д.”

Не писал я также еще и по другой причине – мне хотелось сообщить Вам более подробно о загадках. Дама, у которой я полагал получить консультацию, все еще в отпуску.

Я, будучи сегодня в Ленинграде, просмотрел две ее книги “Русский фольклор”. Библиография 1945–1959 гг. и 1960–1965 гг. Во второй нет ни одного издания загадок. В первой довольно много – всё, что, по-моему, может представлять для Вас интерес, я выписал. Вот оно:

Садовников, Д.Н. Загадки русского народа. Вступ. ст. В.П. Аникина. М., изд-во МГУ, 1959, 335 с.

Анكيرская, Д. и Смирнов, В. Народные загадки. Кострома, Кн. изд-во, 1959, 32 с.

Блохина, В.Н. Старинные и современные загадки русского народа. Горький, изд. Горьк. гос. пед. ин-та им. Горького, 1959, 157 с.

Колпакова, Н.П. Золотые зерна. Загадки и пословицы народов СССР. М.–Л., Детгиз, 1947, 63 с.

Думаю, следовало бы попытаться получить эти книги у составителей или у автора вступительной статьи. (Когда приеду осенью в Л-д, закажу своим букинистам.)

Адрес В.П. Аникина, по-видимому, Москва, просп. Маркса, 18, Моск. Гос. Университет, филологический факультет, Кафедра фольклора.

Желаю Вам всего доброго.

P.S. Кроссворды я иногда решаю, но часто “спотыкаюсь”, т.к. смотреть в атласы, энциклопедии и т.д. не хочу. Вот, например, я не знаю, какой приток Уссури Вы имеете в виду в кроссворде “Прочтите пословицу”¹³.

¹² Речь идет об очередной высылке П.Н. Беркову газет, на страницах которых помещены мои материалы и кроссворды. “Ставрополье” – литературно-художественный альманах Ставропольской писательской организации.

¹³ Составленный мною кроссворд “Прочти пословицу” был опубликован на страницах краевой молодежной газеты “Молодой ленинец” (г. Ставрополь). Он был выслан в письме П.Н. Беркову. Упоминаемый приток Уссури – река Иман.

Да, Вы спрашиваете, по какому адресу мне писать. До начала августа я буду в Комарове, затем, если все будет в порядке, должен поехать в Прагу на съезд славистов. Так что лучше всего писать на ленинградский адрес. За рецензии о моих “Русских книголюбях” большое спасибо!¹⁴ Слова “Nulla dies sine folio – minimum” являются шутливой переделкой слов, сказанных о римском императоре Тите: “Nulla dies sine linea” (“Ни одного дня без строчки”) – у Эйхенбаума: “Ни одного дня без листа, по крайней мере!”¹⁵

Адрес Владимира Германовича Лидина таков: Москва, К-9, ул. Семашко, д. 5, кв. 30.

За сборники “Ставрополье” и за газеты спасибо! Читаю все, что Вы посылаете. Альманах неплохой. Есть в нем интересные материалы.

Легенду “Солнце светит всем”¹⁶ прочел. Вообще, Вы делаете хорошее дело, знакомя читателей с польской литературой и обращая их внимание на книги, которые произвели на Вас впечатление.

Желаю Вам всего доброго.

Искренне уважающий Вас

П. Берков

7

Комарово, 13.IX.68 г.

Дорогой Казимир Адольфович!

Простите, что на Ваши последние письма, начиная с 30 июля, отвечаю только сейчас. 1 августа я выехал в Москву, чтобы лететь в Прагу, из Праги вернулся домой 15-го, очень усталый и не в полной форме. Только сейчас постепенно прихожу в себя – почти месяц ничего не делаю (если не считать того, что читаю). Хорошо, что в Университете у меня еще не начались занятия – студенты проходят педпрактику.

“Историю сов. библиофильства” я сдал 2-го авг., но до сих пор ответа от издательства не получил. При разговоре с главным редактором и его заместителем я вынес впечатление, что они не особенно склонны “резать” рукопись. Но винить их нельзя: авторов много, каждый из них заинтересован в том, чтобы напечатали больше, а издательству дают определенный лимит бумаги и к тому же определяют “средний” объем

---

¹⁴ Кроме упомянутой рецензии на книгу П.Н. Беркова “Русские книголюбые” мною была написана рецензия в украинскую газету “Дзержинец” (1968. 7 червня. Днепродзержинск, Днепропетровская обл.).

¹⁵ Эйхенбаум В.М. О П.Н. Беркове // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П.Н. Беркова. М.; Л., 1966. (XVIII век. Сб. 7). С. 3. Статья написана в 1956 г.

¹⁶ Перевод индийской легенды с польского языка “Солнце светит всем” был сделан мною в 1960 г. В том же году в пересказе Н. Гессе и З. Задунайской легенда была опубликована в декабрьском номере детского журнала “Костер” (Ленинград).

книги, т.е. известное число книг. Вот издательства и “выкручиваются”. А Лев Толстой печатал свои книги за свой счет.

Что касается моих “Русско-немецких литературных отношений”, то эта книга не вышла в свет, т.к. я еще не сдал до сих пор рукопись, хотя она на 9/10 даже перепечатана на машинке, – у меня нет времени на написание двух последних глав, т.е. листа 3, не более, всё время другие дела отвлекают. Может быть, сейчас займусь этим.

Книгу о загадках я заказал замдиректору Ленбуккниги (есть у нас такое торговое объединение). Обещал, но у меня нет уверенности, что он знает, о каких книгах идет речь. Во всяком случае, вскоре я возвращаюсь в Л-д и тогда постараюсь получить эти книги, может быть, у фольклористов – иногда у них бывают дублеты, или они подскажут, где найти.

За присылаемые материалы я Вам очень признателен. “Ставрополье” я просмотрел, а Вашу статью прочел¹⁷. Конечно, все это мне знакомо давно, но один факт был мне неизвестен и очень заинтересовал меня. В следующем письме напишу Вам подробнее.

Вы, кажется, просили меня вернуть Вам какие-то экземпляры “Дзержинца”. Не напомните ли мне, что именно?

Желаю Вам всего доброго.

Искренне Ваш

П. Берков

P.S. Рад, что Вы получили письмо от В.Г. Лидина. Я его очень люблю за его любовь к “маленькому” человеку.

8

Ленинград, 28.IX.68 г.

Дорогой Казимир Адольфович!

Я страшно рад, что могу послать Вам наконец “Загадки”, и притом в лучшем издании¹⁸, – только что вышедшую книгу под ред. д-ра филологич. наук Б.Н. Путилова. Составительница – Митрофанова – очень милая дама, работает в Пушкинском Доме.

Благодарю Вас за последнее письмо и приложенный к нему материал. О “Ставрополье” я напишу в следующем письме, а сейчас кончаю, так как хочу отправить Вам книгу до закрытия почты (в субботу у нас закрывают в 18 ч.).

Желаю Вам всего доброго.

Жаль, что в этой книге загадок отгадки даны до самих загадок.

Искренне Ваш

П. Берков

---

¹⁷ Павловский З. Лабиринт царя Миноса: (Тропою мифов и легенд) / Пер. с польск. К. Чернятевич // [Альманах] Ставрополье. 1968. № 1–2.

¹⁸ Загадки: Памятники русского фольклора / Сост. В.В. Митрофанова. Л., 1968.

Ленинград, 12.XI.68 г.

Глубокоуважаемый Казимир Адольфович!

Простите, что не ответил до сих пор на Ваши последние письма. Большое спасибо за них. Первое я показал В.В. Митрофановой – она была очень обрадована¹⁹.

Большое спасибо Вам за рецензию²⁰! Она мне была очень приятна. В знак благодарности посылаю единственный сохранившийся у меня экземпляр “О людях и книгах”²¹ – я держал его более трех лет и отказывал разным просителям, – словно чувствовал, что его нужно приберечь для его подлинного “хозяина”.

Чувствую себя очень неважно.

Желаю Вам всего доброго.

Искренне Ваш

П. Берков

Ленинград, 29.XII.68 г.

Милый Казимир Адольфович!

Нисколько я на Вас не “гневаюсь”, а просто подавлен обилием работы и перепиской. Не знаю, видели ли Вы в газ. “Книж. обозрение” № 48 за этот год мою статью с повторением анкеты. С 30 ноября, когда она появилась, я получил около 300 писем, не считая обычной почты. Кроме того, 9 и 16 декабря выступал с докладами на конференциях, а 26.XII ездил в Москву на докторскую защиту в качестве оппонента (1174 стр. машинописных!). Вот и судите, могу ли я в таких условиях регулярно отвечать на письма.

Благодарю Вас за все Ваши интересные присылки и поздравление к Новому году. Поздравляю Вас в свою очередь и желаю Вам всего доброго и продолжения Вашей полезной работы.

¹⁹ В одном из моих писем благодарственные слова адресовались составительнице книги “Загадки” В.В. Митрофановой.

²⁰ Рецензия на книгу П.Н. Беркова “Русские книголюбы”, опубликованная в газете “Дзержинец” (см. примеч. 14).

²¹ *Берков П.Н.* О людях и книгах: (Из записок книголюбца). М., 1965. На титульном листе книги надпись автора: “Глубокоуважаемому Казимиру Адольфовичу Чернятевичу в знак искренней симпатии от автора – последний экземпляр. 12.XI.68”. В книгу вложен пригласительный билет № 1(44) секции библиофилов Ленинградского отделения ВОФ, приглашающий на открытие сезона 1968/69 гг. в конференц-зал “Ленкниги”, где 14 октября 1968 г. в 19 часов «выступит член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Ленинградского университета Павел Наумович Берков с докладом о своей книге “История советского библиофильства”». На лицевой стороне пригласительного билета П.Н. Берковым написано: “Глубокоуважаемому Казимиру Адольфовичу Чернятевичу с лучшими пожеланиями от П.Н. Беркова. 12.XI.68”.

В Вашей статье (вернее, в Вашем переводе) о крито-микенской культуре интересным для меня было указание на наездника, объезжающего дикую лошадь²². Меня этот вопрос очень интересует, т.к. лошадь – один из важнейших факторов человеческого прогресса, одна из первых форм преодоления пространства и экономии времени.

Когда прочтете “О людях и книгах”, прошу написать мне Ваше мнение.

Желаю Вам всего доброго.

Уважающий Вас

П. Берков

10 января я уезжаю на месяц (26 дней) в санаторий – учтите это и не ожидайте, если захотите написать, быстрого ответа.

11

Ленинград, 11.I.69 г.

Дорогой Казимир Адольфович!

Благодарю Вас за письмо от 8 января и № газеты²³.

Я ответил Вам на все предшествующие письма 29 декабря прошлого года из Ленинграда, перед отъездом в Комарово. Надеюсь, Вы мое письмо получили.

Сегодня мы с женой уезжаем в санаторий под Москвой – я переутомлен до крайней степени. Вернуться мы должны к 7 февраля, а там предстоит масса всяких дел. На мою статью в № 48 “Кн. обозрения” откликнулось более 200 человек – не в состоянии им всем ответить.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш

П. Берков

12

Ленинград, 12.II.69 г.

Дорогой Казимир Адольфович!

Ваше письмо от 3-го с.м. я получил на следующий день после своего возвращения, – 8 февраля. Благодарю Вас за него.

Очень рад Вашим журналистским успехам²⁴. Представьте себе, №1 “В мире книг” я еще не получил²⁵. На почте говорят, что “еще не поступал”.

---

²² Из статьи З. Павловского (см. примеч. 17).

²³ Очередной номер городской газеты с моими материалами.

²⁴ В письме от 3 февраля 1969 г. я сообщил Павлу Наумовичу о публикации “Письма Лациса Чернятевичу” (Дружба народов. 1969. № 1). Позднее этот номер журнала был мною выслан П.Н. Беркову.

²⁵ В журнале “В мире книг” (1969. № 1) помещена моя информационная заметка.

В Малеевке мы с женой прекрасно отдохнули, но по возвращении домой я застал около ста писем, через час по приезде мне была заказана статья о Крылове в “Лен. правде”, через полтора часа я уже читал лекцию в университете, вчера статью сдал, сегодня делал доклад об изучении русской литературы в Ленинградском Университете (у нас сейчас празднуется 150-летие Университета), завтра выступаю на гражданской панихиде по Н.К. Пиксанову, 18-го – на юбилее Крылова, 21 – в Обществе русско-польской дружбы, 28-го – на докторской защите в Москве и т.д., и т.д. Вот весь мой отдых трещит по всем швам. Ведь я не перечисляю обычной, текущей работы.

“История сов. библиофильства” находится в редакционной работе. Я превысил листаж на полтора листа, и они сейчас сокращают. Обещают сдать рукопись в набор в апреле–мае: во всяком случае, о выходе книги в 3-ем квартале этого года речи быть не может. “Русско-немецкие отношения” лежат без движения – нет времени; не помню, писал ли я Вам, что летом 1968 г. вышла в ГДР моя книга статей. Но там совсем другой материал. Вероятно, я раньше займусь “Историей русской комедии XVIII в.”, которая у меня лежит с 1948 г.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш

П. Берков

Сведения об авторах

Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888–1972). В 1947–1954 гг. возглавляла сектор древнерусской литературы в Институте русской литературы (Пушкинский Дом). Член-корреспондент АН УССР (1926) и АН СССР (1943). Основные труды посвящены древнерусской и украинской литературе, взаимоотношениям литературы и фольклора, истории школьного театра, текстологии.

Алексеева Любовь Васильевна (р. 1921). В 1946 г. окончила филологический факультет Ленинградского университета. Более 50 лет работала в Государственном экскурсионном бюро (ГЭБ).

Берзина Валентина Григорьевна (1915–2003). С 1949 г. работала на кафедре истории журналистики. Доктор филологических наук (1974), с 1978 г. – профессор; член Союза журналистов. Основные работы посвящены В.Г. Белинскому, А.В. Никитенко, Н.А. Полевому.

Берков Валерий Павлович (р. 1929). С 1951 г. преподает в Ленинградском–Санкт-Петербургском университете. В 1978–1997 гг. заведующий кафедрой скандинавской филологии. Доктор филологических наук, действительный член Академии наук Норвегии (1988), член Фризской академии в Нидерландах.

Боров Тодор (1901–1993). Настоящие имя и фамилия Тодор Цветанов Тодоров. В 1930 г. основал первый болгарский книговедческий журнал “Болгарская книга”, был его редактором. С 1943 г. доцент Софийского университета, профессор (1947), с 1952 г. – руководитель кафедры библиотековедения и библиографии при философско-историческом факультете Софийского университета. Директор Национальной библиотеки им. святых Кирилла и Мефодия в Софии (1944–1949). Основатель и директор Болгарского библиографического института “Елин Пелин” (1941–1963). Заслуженный деятель культуры Болгарии.

Боровский Яков Маркович (1896–1995). В 1929–1968 гг. преподавал в Ленинградском университете. Доцент кафедры классической филологии. И.о. заведующего кафедрой классической филологии. Кандидат филологических наук.

Быкова Татьяна Александровна (1893–1975). В 1930–1973 гг. работала в Государственной публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека). С 1946 г. – сотрудница отдела редкой книги, с 1948 г. – заведующая отделом. Составила “Описание изданий гражданской печат-

ти, 1708–1725” (М.; Л., 1955; в соавторстве с М.М. Гуревичем) и другие каталоги старопечатных книг, автор ряда статей по истории русского книгопечатания.

Градова Бронислава Александровна (р. 1936). В 1956–1997 гг. работала в отделе рукописной и редкой книги Публичной библиотеки. Автор статей о творчестве А.Д. Кантемира и традиции рукописной книги XVIII в.

Дуденкова Анна Ивановна. Преподаватель Ужгородского государственного университета, затем работала в Киеве. Кандидат филологических наук. Основные научные работы посвящены русской литературе XVIII в.: творчеству М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева.

Заборов Петр Романович (р. 1931). С 1958 г. работает в Институте русской литературы (Пушкинском Доме). Доктор филологических наук (1976). Автор нескольких монографий и многочисленных статей по француско-русским литературным связям.

Канунова Фаина Зиновьевна (р. 1922). С 1949 г. работает в Томском государственном университете. С 1959 г. – заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы. Доктор филологических наук (1969), профессор (1972). Член Академии естественных наук (1992). Основные работы посвящены Н.М. Карамзину, В.А. Жуковскому, А.А. Бестужеву-Марлинскому.

Кочеткова Наталия Дмитриевна (р. 1938). С 1965 г. работает в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), с 1988 – заведующая сектором русской литературы XVIII в. Доктор филологических наук (1992). Ответственный редактор сборников “XVIII век” (сб. 18–23). Основные работы посвящены Н.М. Карамзину, А.Н. Радищеву, Д.И. Фонвизину.

Кулябко Елена Сергеевна (1900–1990). С 1946 по 1980 г. работала в Архиве Академии наук СССР. Кандидат исторических наук. Основные работы посвящены жизни и творчеству М.В. Ломоносова, деятельности Российской академии наук.

Лихачёв Дмитрий Сергеевич (1906–1999). С 1938 г. работал в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), с 1954 г. заведующий отделом (сектором) древнерусской литературы. Автор более 1500 работ по древнерусской и новой русской литературе, истории, искусству. Академик Российской академии наук (1970); член Болгарской академии наук (1963); член-корреспондент Австрийской академии наук (1968); член Сербской академии наук и искусств (1971); почетный доктор наук Университета им. Николая Коперника (1964); почетный доктор Оксфордского университета (1967). Председатель правления Советского фонда культуры (1986–1991); председатель Российского международного фонда культуры (1991–1993).

Лотман Лидия Михайловна (р. 1917). С 1946 по 2001 г. работала в Институте русской литературы (Пушкинский Дом). Доктор филологических наук (1974). Ответственный редактор “Истории русской драматур-

гии” (Л., 1982–1987). Участница многих коллективных трудов Института, в том числе академического издания сочинений и писем И. С. Тургенева; редактор нескольких томов Полного собрания сочинений А.Н. Островского (М., 1976–1977). Основные работы посвящены А.С. Пушкину, А.Н. Островскому, И.С. Тургеневу, А.А. Фету.

Лужный Рышард (1927–1998). Известный польский литературовед, профессор Ягеллонского университета (Краков). Автор многочисленных трудов о русской литературе и польско-русских литературных связях XVII–XIX вв.

Назарова Людмила Николаевна (р. 1910). В 1944–1973 гг. работала в Институте русской литературы (Пушкинский Дом). Кандидат филологических наук (1948). Основные работы посвящены А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, И.С. Тургеневу. Участвовала в подготовке академических собраний сочинений М.Ю. Лермонтова и И.С. Тургенева.

Семенцова Вера Константиновна. Кандидат филологических наук, доцент. Участвовала в составлении учебных пособий по русскому языку.

Серман Илья Захарович (р. 1913). С 1956 по 1976 г. работал в Институте русской литературы (Пушкинский Дом). Доктор филологических наук (1969). В 1965–1975 гг. преподавал в Ленинградском государственном университете. С 1976 г. профессор Иерусалимского университета. Один из крупнейших специалистов в области изучения русской литературы XVIII в., автор работ, посвященных М.Ю. Лермонтову, Ф.М. Достоевскому, русским писателям XX в.

Сидоров Алексей Алексеевич (1891–1978). Преподавал в Московском университете и Московском полиграфическом институте. Профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР. Известный специалист по истории книги, библиофил. Автор трудов по истории книгопечатания, истории русского рисунка. Член редколлегии сборника “Книга. Исследования и материалы”.

Сукиасова Ирина Меликовна. Работала в Тбилиси. Автор книги “Язык и стиль пародий Козьмы Пруткова: (Лексико-стилистический анализ)” (Тбилиси, 1961) и статей о М.В. Ломоносове, А.Н. Радищеве, В.Я. Брюсове.

Чернятевич Казимир Адольфович. В 1971 г. старший начальник смены цеха электроснабжения Невинномысского химического комбината, книголюб.

Чистов Кирилл Васильевич (р. 1919). С 1947 по 1961 г. заведующий сектором литературы и фольклора Карельского филиала Академии наук, с 1961 г. – заведующий восточнославянским отделом Института этнографии Академии наук, главный редактор журнала “Советская этнография” (1961–1991). Доктор исторических наук (1967), профессор (1973), член-корреспондент РАН (1981).

Чудецкая Елена Владимировна. Исследовательница творчества В.Я. Брюсова.

Эльзон Михаил Давидович (р. 1945). В 1967 г. поступил на работу в Государственную публичную библиотеку. В 1968–1984 гг. состоял в штате научно-исследовательского сектора Ленинградского государственного института культуры, в 1984–1988 гг. работал в Библиотеке Академии наук. С 1993 г. работает в Публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека). Историк русской литературы, книговед, библиограф. Основные работы посвящены Н.С. Гумилеву, Андр. Новикову, Б.Я. Бухштабу, Ю.Г. Оксману.

---

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru*

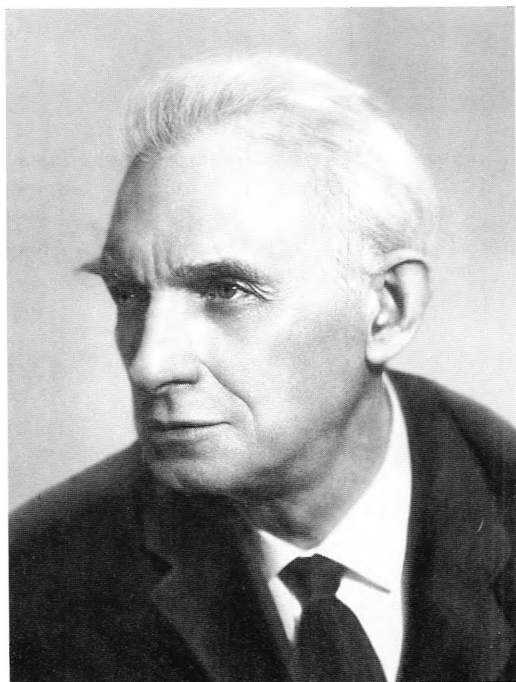

Венский университет, который Павел Наумович Берков окончил в 1923 году. С почтовой открытки начала XX века

Ученый в послевоенные годы

1966 год

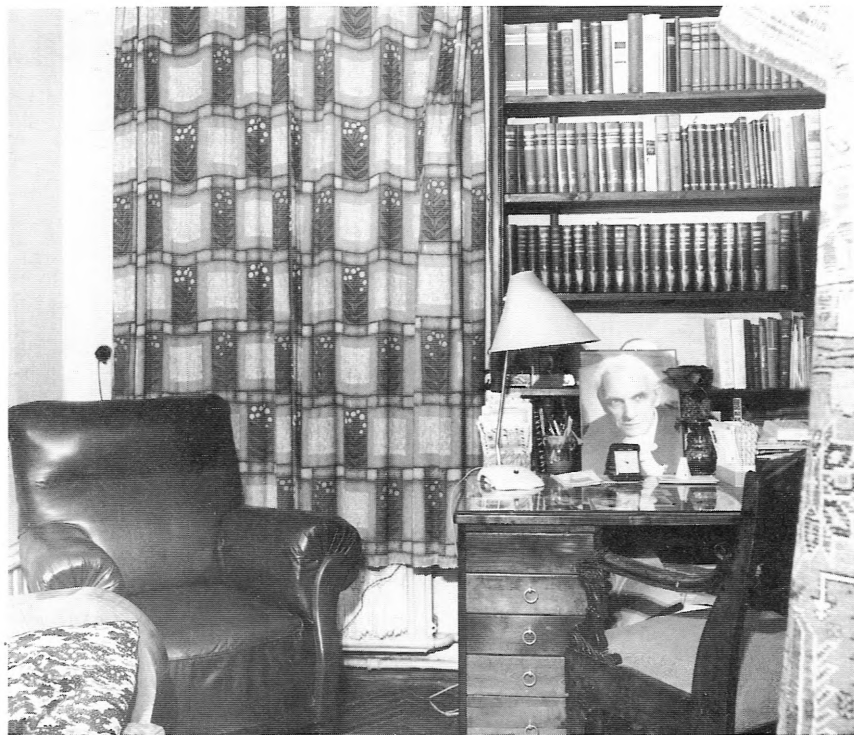
П.Н. Берков в ГДР среди участников торжеств по случаю 250-летия со дня рождения Леонарда Эйлера. 1957 год. Из собрания Литературного музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

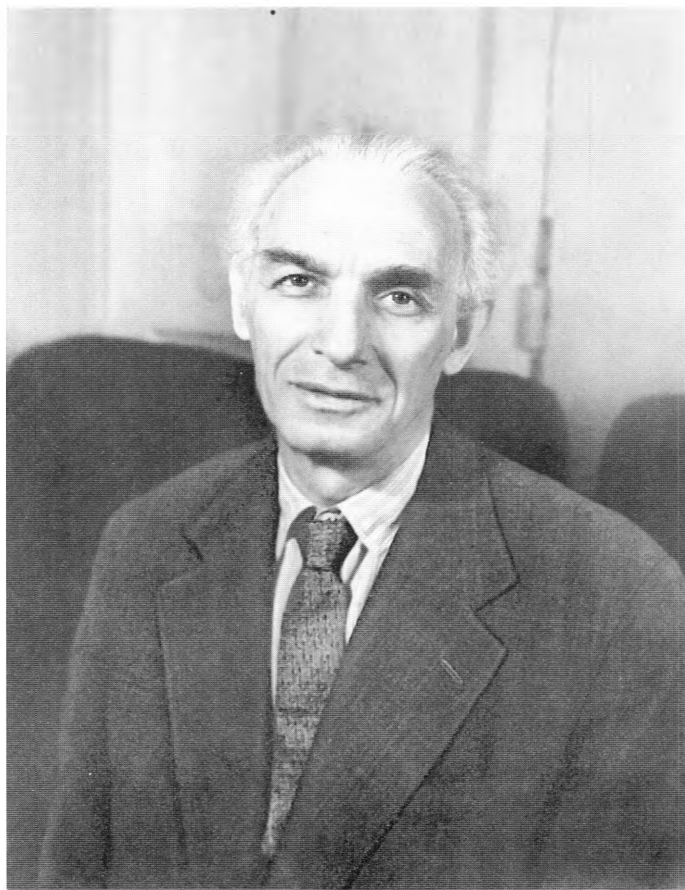
П.Н. Берков во время выступления на XI Всесоюзной Пушкинской конференции. 1959 год. Из собрания Литературного музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

*Столовая в доме Берковых на 13-й линии Васильевского острова
в Ленинграде*

*Кабинет П.Н. Беркова в доме на 13-й линии Васильевского острова.
Фотография сделана С.М. Берковой в 1969 году, после смерти ученого*

Павел Наумович Берков

Воспоминания Павле Наумовиче Беркове

Из истории российской науки

Павел Наумович БЕРКОВ – один из крупнейших филологов, работы которого определили дальнейшее изучение русской литературы, библиограф, педагог, сочетавший в себе лучшие черты российского интеллигента. Широко эрудированный, обладавший чрезвычайной научной добросовестностью, он вызывал у окружающих глубокое уважение не только как ученый, но и как в высшей степени порядочный, отзывчивый, внимательный человек. Общение с ним оставило глубокий след в памяти многих людей.

ISBN 5-02-033554-1

9 785020 335547

НАУКА